

№ 15.

Василь Стефанъкъ.

Оповиданнѣя.

ИЗДАНИЕ И. К. БЕНДИКОВСКАГО ПЕЧАТ.

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00519711 (O)

2012

В. 2766

Васыль Стефаныкъ.

Сповиданнѣя.

— 1895 —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Училища Глухонѣмыхъ. Гороховая, 18.

1905

3 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Января 1904 года.

Збірка М. С. ВОЗНЯКА

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА

АН УРСР

№ 34390

1465

Bacuse Amos

3 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Января 1904 года

Збірка М. С. ВОЗНЯКА

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 34390

1465

Baruch Amosson

АНГЕЛЪ.

Присвѣта Зони Даниловичъ.

Стара Тымчыха грилася на прызьби проты сонця. Попередъ ворота проходылы люде и нихто зъ бабою слова не заговорывъ. „Славайсу“—„На вики слава“,—лышь тилько бесиды и розмовы.

„Старого лышь возьмы та закопай! Шкода тои ложки стравы, що зйистъ, та того кута печи, що залежыть. Всимъ велькый у очахъ, нихто слова не заговорыть, чы бисе, чы чорте. Такы не вартъ старому жыты тай решта!“

Прийшлы ій на гадку слова старого Тымка.

„То, стара, такъ йе, що моя голова напереді, а твоя заразы за моею. А якъ моеи не стане, то твоя ничого не варта. Лышь абы мене одного дня поховала, а другого ты вже не газдыня *), сыдитымешъ якъ у комирне у свой хати“...

„Ей, старый, старый, ты лышывъ мене, якъ колы бы уतिकъ видъ шлюбу. Бувъ ты плохый, куды я тебе

*) Газдыня—господыня. !

покрутила, туда подавався, але все я з-за твои головы була газдыня. Була та й була“...

Смутно баби Тымчиси було, хочъ сонце якъ ридна мама розгривало стари кости.

„Та ты гадаешъ, старый, що хтось за тебе нагадуе? Якъ бы мене не було, та й бы ниhto и не гавкнувъ за тобою. Ой, сьогодни диты—таки диты, що ажъ у пятахъ постывае! Але ты дурный, бигме, дурный! Було понабираты банкивъ та вексливъ, та добре пойдаты, та попываты, та жыты по панськи. А то запобигалы мы обое, яечка жалувалы на яешныцю, а сьогодня и обидцю за тебе ниhto не зробыть“.

Баба Тымчыха закрыла лыце долонямы тай шепотила до старого Тымка.

„Кобы ты, мамо, вышолопала послидній шажокъ, то бы обидецъ бувъ. А якъ не зможешъ пидвестыся, то здыхай на бараболи! Нибы диты купылы бы тоби яблучко або булочку? Тоди бы йила“!

Встала зъ прызьбы та пишла подывытыся до курей.

„То въ старого, бигме, такой розумъ якъ у дытыны. Таке я понаплитала, що встыдъ передъ сонцемъ святымъ! Воны, бедакы, мають свои диты та мусять за ныхъ дбаты. А ты, стара, мовчы та дыхай. Не дурно якыйсь выгадавъ, що въ старого дытынячий розумъ“...

Зъ отсымъ словомъ Тымчыха увійшла до велькой хаты. Розимкнула свою скрыню и выбирала одѣжу. Прыдывлялася, чы не сплиснила, або чы миль не наплодылася.

„Все ще нашого старання, ниткы диточои нема. Всього соби налагодылы д' смерти. Якъ старый умеръ, то лышь дощокъ на деревыще купылы. Ей, де, кобы и мене такъ гарно ховалы. Булы люде та було и для людей. Вже я тебе, старый, поховала якъ газду! Нихто не пыснувъ, абы я чогось жалувала“.

Выймала червони чоботы.

„Лышь разъ убувани. Небищкыкъ вже передъ смертю бувъ на ярмарку тай купывъ. На, каже, Насте, абы ты мала на смерть; хто знае, якъ тебе диты шануватымутъ? Все липше маты свое. Абы ты мала порядный чобить на нози, бо то Богъ знае, чы я впередъ умру, чы ты“!

Баба заплакала.

„Не журиться, дитонькы, я вамъ кошту не нароблю, ще й вамъ лышу. Мене старый добре постаравъ. Кобы такъ усихъ. Лышь не дайте баби безъ свичкы умерты. Я такъ коло старого страждувала ночамы, що лышь одынъ Богъ знае, але такы не вмеръ безъ свичкы“.

На споди скрыни найшла баба вузлыкъ зъ гришмы. Взяла въ руки и сила на земли, абы рахуваты.

„Ой, диты, диты, тото я васъ набавыла та напи- стувала! Бувало бижу зъ миста на-голову, а все мени на гадци, що воны тамъ діють сами у хати? Добигаю до лиса, а воны йдуть противъ мене, ледви землею котяться. Пидо мною ажъ ноги дрижать, абы борше до дому, а воны зипруть, та й мусышь сидаты та роздаваты дарункы. Понабирають та й дали! Лышь небижка Доця за мною йшла, а бахури *) полетилы якъ витерь“...

*) Хлопчыська.

Облычча бабыне подобрило и прояснылося. Глянула на образы. Тамъ бувъ голый ангель, що трымавъ въ товстыхъ рукахъ дви червони рожи.

„Ой, ты, голаку, все ще смієшся зъ старои бабы. Аякже, баба постарилася, а ты все молоденькый, все баби хату звеселяєшь. Ой, дытынко Божа, мынувъ вить, якъ у батигъ траснувъ“!

Баба сперлася обома рукамы на землю та й нагадала давни часы.

„Ще Юрчыка видай на свити не було, якъ я його купыла. Якыйсь панокъ поначиплювавъ на пидсиню такихъ образивъ, що на фуру не забравъ бы. Людей такихъ обзыраю багато, якъ на ярмарку. Якась тамъ була така люта звирь змальована, що въ казци бы не склавъ. А якись цари таки страшни, московськи, та турецьки, та всякого дыва. Межы нумы бувъ ангелькъ, тай я його купыла. То такъ винъ прыязно дывывся, та такъ рожи кожному наставлявъ, лышь беры. Де, де, то вже вить мынувъ видъ тоди...“

„Бувало зимовымы вечерамы то понаробляю зъ паперу голубивъ. Голсвкы позолотю, крыльця посриблю, та якъ прыберу його у ти голубчыкы, то винъ якъ колы бы зъ нумы грався“.

Тымчыха забула гроши рахуваты, розгадуючы. Трымала ихъ у жмени и далеко гадкамы литала.

„Ой, розумремося, небоже, мене вже давно не буде, а ты все хату веселытымєшь. Хочъ килько буде знаку по баби, що жыла“...

САМА САМИСЬКА.

У тій хатыни, що лизе пидъ горбъ, якъ переваленый хрущыкъ, лежала баба. Мишокъ пидъ бокомъ, а чорна, тверда подушка пидъ головами. Коло бабы стоявъ на земли кусень хлиба та й жбанятко зъ водою. Диты якъ ишли на роботу, та лышылы баби, абы мала що йисты й пыты. Бидно діялося, та не було що липшенького баби добираты. А сыдиты коло слабои у гарячый часъ, то, Богъ выдивъ, не було якъ.

У хатыни бренилы мухы. Сидалы на хлибъ та й йилы, зализалы въ жбаня та й воду пылы. Якъ понайидалыся, то сидалы на бабу. Лизлы въ очи, въ ротъ. Баба постогнувала, але мухъ не могла видгоныты.

Лежала на земли та дывылася блудными очыма на хрестъ, що бувъ у сволоци выризаний. Спалени губы зъ трудомъ розрывала та билымъ языкомъ ихъ зволожувала.

Кризь шыбкы падало свитло соняшне. Краскы веселкы гралы по зморщенимъ лыци. Страшно було глянуты на бабу у такимъ освитленню. Мухы зумко-

тилы, рижнобарви свитла волочылыся разомъ зъ мухамы по баби, а вона мляскала губамы та бильй языкъ показувала. Подобала хатына на якусь закляту печеру зъ велькою гришныцею, що каралася видь початку свита та до суду-вику каратыся буде.

Якъ сонце вже злизло баби у ноги, якъ вже стало коло того мотузка, що нымъ михъ завязувався, то баба почала качатыся по земли та жбаняты шукаты.

„Ади *), ади, ого!“

Баба тыхенько стала. Лышь рукою видганяла мары.

Зпидь печи вылизъ чортъ зъ довгымъ хвостомъ та й сивъ коло бабы. Баба зъ трудомъ обернулася видь нього. Чортъ сивъ зновъ навпередъ бабы. Взявъ хвистъ у руки та гладывъ нымъ бабу по лыци. Баба лышь клипала очыма, затыснувшы зубы.

Наразъ вылетила зъ печи хмара малыхъ чортенятъ. Завыслы надъ бабою, якъ сарана надъ сонцемъ, або якъ турма воронъ надъ лисомъ. Впалы потимъ на бабу. Зализалы у вуха, у ротъ, сидалы на голову. Баба боронылася. Велькымъ пальцемъ тыкала до середнього и хотила такъ донесты до чола, абы перехрестытыся. Але мали чортыкы сидалы вси на руку та й не допускалы хрестъ на соби зробыты. Старый щезныкъ намахувавъ, абы баба пусте не робыла.

Баба довго змагалася, але перехрестытыся не була годна. Врешти чортъ обіймывъ бабу за шыю та й зареготався, але такъ, що баба зирвалася на коліна и впала лыцемъ до викна.

*) Ади—дывысь, глянь.

Видсы летилы на бабу йиздци. У зеленыхъ кабатахъ *), зъ люлькамы въ зубахъ, на червоныхъ коняхъ. Вже наступалы, вже баби аминь!

Замкнула очи. Земля у хати розпукалася, а баба въ розколибыну сточувалася и падала у долину. Летила все у спидъ та у спидъ. Десь у споди чортъ ймывъ ии, завдавъ на себе та й почавъ летиты зъ нею, якъ витеръ. Баба рванулася та й головою грянула до стола.

Кровъ потекла, баба схлыпала тай умерла. Голову перехылыла коло нижкы видъ стола и шырокымы, мертвымы очыма дывылася зъ укуса на хату. Чорты пересталы гарцюваты, лышень мухы зъ роскошею лызалы кровъ. Позакервавлювалы соби крыльця и що разъ бильше ихъ було у хати червоныхъ.

Сидалы на чорни горшкы пидъ печею та на мыскы на мысныку, що на ныхъ булы змальовани йиздци у зеленыхъ кабатахъ, зъ люлькамы въ зубахъ. Всюды розносылы бабыну кровъ.

*) Кабатъ—коротка військова одижъ.

СОНЪ.

Спавъ твердо.

Лись шумивъ, стогнавъ, тонки шепты рвались зъ маленькихъ галузокъ и падалы разомъ изъ змерзлымъ инеемъ. Такъ якъ бы маленьки дзвиночки падалы.

Витеръ вывъ, якъ гнанный песъ.

Небо чысте, задубиле, а мисяць такый на нимъ ясный, якъ на Риздво.

Третьльныкъ *) спавъ твердо. Головою сперся на свою купу кукурудзивъ, а ногамы на дви панськи. Чорне волосся посывило видъ инею; руда сардачына **) побилила, мицни руки не чулы холоду, а лице, спалене витромъ, поцеглило.

Балакавъ кризь сонъ и за кожнымъ словомъ выпускавъ зъ усть снипъ билои пары. Голось його йшовъ зъ витромъ до лиса и бывся довго видъ одного дерева до другого.

— Не *рунтай* ***) того, бо воно зароблене, ты видъ мене берешъ, доброго багача найшовъ...

*) Що обрабляе кукурузу одъ третього снопа.

***) Сардачына—сирачына, свытына.

***) Рунтай—рушай.

Здіймывъ кулакъ, але винъ безсылно зсунувся на сухе бадыля.

— Я можу працюваты, бо маю мицни руки, якъ кинське копыто... Талапну разъ та й духъ выскочывъ!..

— Землю цилуй, де ся поступишь, бо вона чы твоя, чы чужа, то ты зъ неи жыешъ, своя родыть и чужа родыть... Певне, що правда, ой допевне! Грунтъ—то спосибъ до всього, якъ твій йе. Винъ тебе загре, и накрые, и погодуе, и честь тоби поведе...

Закашлявъ, якъ у вельки трубы загравъ.

— Якъ не маешъ свои нывы, то не маешъ куды ходыты, не маешъ по чимъ... Нема, нема, о, нема...

Поставывъ кулакъ пидъ головы.

— Я довго бидувавъ по чужимъ поли. Але Богъ мени выгодывъ, дай Боже такъ кожному. Взявъ та й давъ. На, тоби, каже, гринку земли, але не пусты, трымай... Зубамы держы іи, кохай, якъ колы жинку, що тоби пидъ руку вдалася...

Капелюхъ впавъ зъ головы и зъ витромъ поко-
тывся.

— Танаску, мой *), а скынъ капелюхъ, таже ты пер-
ший разъ выйшовъ сеи весны у поле—такъ годыться...
Якъ Богъ дасть, то буде пшениця. Калачи спечемо и
дамо такимъ, що не мають зъ чого спекты... Дамо,
дамо, якъ намъ Богъ дае, та й мы дамо, дамо...

Лягъ хрестомъ.

— Межу кортыть такожъ зродыты колось, бо
межа тѣкы земля, вона ще липше... Я тоби по смерты
лышу... Ади, якъ скатерть равна, лышь чорна. Я тоби

*) Мой—гей, слухай.

накрыю у поли сею скатертею стиль, а ты мешъ
йисты и Бога молыты, що ты такого тата мавъ...

— Весна красна, оры соби, не роботы сказивъ, а
волы напій та й повертайся передь сонцемъ, бо за
худобу бильшый грихъ, якъ...

Збудывся, ще почувъ свое послидне слово зъ про-
сонку. Глянувъ на небо, потимъ обернувся за звиздою,
посмотрывъ долонею по голыхъ грудяхъ, перехре-
стывся.

— Така лютъ заразы зъ осени? Ще снигъ отуть
прысыпле... На двори зима, а мени така гарна весна
прыснылася... Гей, Якове, лупы кукурудзкы, де вже
стильки спаты!..

БАСАРАБЫ.

I.

Тома Басарабъ хотивъ повисытыся у кошныци въ саме полудне. Але Томыха наробыла гвалту, вси сусиды покидылы ципы зъ рукъ, вси сусидкы повылиталы зъ хатъ и прыбиглы на Томыне обистя. Видважный Антинъ той, що тягнувъ зубы по шустци *), зализъ у кошныцю и Богъ знае, якъ винъ тамъ соби порадывъ, але Тому вытягнувъ, що ще дыхавъ. За той часъ циле подвиря заповнылося людмы и дитьмы. Вони стоялы и дывылыся зъ великымъ страхомъ.

— Та чого стоите, якъ на заводахъ, та поможить мени його занесты до хаты. Отсе разъ дурный наридь—гадаешъ, що тебе вкусыть?

Тому занесли до хаты, а юрба выйшла за ворота и почала судыты по своему.

— Басарабы зновъ зачынають вишатыся, не мають гаразду въ голови.

*) Шустка, шистка—10 крейцаривъ.

— Та лышь тому тры роки, якъ Лесь затыгся; Господы, яка тоди буря зирвалася! Мени зъ хаты цилый прычилокъ урвало.

— Басарабы мають вже до себе, що тратяться одынъ за другымъ.

— Я памятаю, якъ повисывся Мыкола Басарабъ, потимъ за нымъ стратывся Иванъ Басарабъ, а ще не мынуло було рикъ, а вже одного досвитка на маленькій вышенци зачепывся Васыль. Обтрясь зъ неи увесь цвितъ, мавъ повне волосся того билого цвиту. То вже тры, а я ще рахуюсь молодой чоловикъ— мени може йе, а може ще нема трыдцять и пять рокывъ.

— Ты памятаешъ се, а я тямлю якъ на бантыни повысь ихъ праидь. Багатырь бувъ *теменный* *), гроши сушывъ на *верени* **) и пышкы никола не ходывъ. Мавъ такого чорного коня, що браму перескакувавъ и каньчукъ все мавъ коло себе. То вповидалы люде, що винъ гонывъ людей на панщыну и тымъ каньчукомъ мясо рвавъ на людяхъ. А одного ранку розійшлася чутка, що старый отаманъ высить на бантыни. Я ще малый бувъ, але такъ я сьогоня выджу хмару народа на його подвирю. Якъ його видтялы и неслы до хоримъ, то такый бувъ страшный, що жинкы зи страху плакалы. А хлопы ничого, лышень казалы: о, вже не маешъ зъ насъ шкуру кавалкамы здйматы, вже тебе той высадывъ на бантыну! Потимъ у день, чы въ два дни така звялася буря, таки витры по-

*) Теменный—видъ тьма—багато, великый багачъ.

**) Вереня—верета, рядно.

дулы, що дерево зъ коренемъ вырывало, а хатамъ здймало верхи...

— Та показують люде ще на старій могыли гробы Басарабивъ. Вони були ховани за окопомъ не на самимъ цвyntари. То йе оти гробы и за старымъ, и за новымъ цвyntаремъ, а все сами Басарабы тамъ ховани.

— А вы жъ гадаете, що пипъ та мае право такого ховаты на цвyntари? Абы дававъ цилый маетокъ, то не можна. Видкы такого проклятого пхаты межы люде!?

— Но, но, теперь Басарабы попускають головы въ долину. Таки будутъ ходыты чорни та невесели.

— Кобы сей не потягнувъ зъ собою бильше, бо то на ихъ всихъ находыть. Дывыся, одынъ стратывся, дывыся, а то десять ихъ наставылося. Вони вси счеплени до купы. Бида ихъ всихъ на однимъ мотузку провадыть...

— То до сьомого колина буде ихъ такъ душыты, а якъ сьоме колино мыне тай нема моци вже. Десь котрыйсь добре заслужывся передъ Богомъ. То кара, люде, сьому кистку ажъ караты! Богъ не мае гиршой кары на земли...

— То выдко по нихъ, що ихъ Богъ карае. Бо и маетки имъ дае,—вони багачи, и розумъ имъ дае—а наразъ все забирае та й высаджуе на бантыну.

— Таже лышень треба подывытыся на ихъ очи. То не очи, то така чорна рана въ чоли, що жые и гные. У одного таке око якъ пропасть, погляне та й ничего не выдыть, бо то око не до выдиння. А въ другого воно одно лышень жые, а решта коло нього каминь—

чоло каминь, лице каминь, все. А сей Тома, нибы винь дывывся колы на чоловика якъ вартъ? Око нибы на тебе справлене, а само дывыться десь у себе, десь у глубинь безмиру.

— Дывыться око на той давный грихъ, що за нього имъ кара йде. Винь тамъ у ныхъ у середины покладеный, абы вси дывылыся на нього и абы спокою не малы, абы була кара.

— Отси Басарабы то на покаяние людське родяться и багатіють и душу гублять.

— Тяжкий грихъ мають у свой фамиліи и мусять його доносыты, хоть бы малы вси питы марне!

— Грихъ, люде, грихъ не мынае, винь мае буты видкупленый! Винь перейде на дытыну, винь зійде на худобу, винь пидпалыть оборогы*), градомъ спаде на зелену ныву и винь чоловикови душу визьме и дасть на вични муки...

Жинкы слухалы и мало не хрестылыся, диты поседады по-мижъ нымы, а хлопы ще довго балакалы за грихы и поплелыся вкинци до корчмы.

II.

Вси Басарабы зійшлыся до Семеныхы Басарабыхы, бо вона була найстарша и найбагатша въ ихъ роди. Тому такожъ привелы. Семеныха налагодыла йиды и пыття и обсадыла велькый стилъ кривнымы, а Тому поклала на чильне мисце.

*) Оборигъ—нибы повитка на сино.

— Тодоско, не плачь вже, бо доста вже зъ тебе, беры та сидай та тишмося, що сьмо вси въ купци. Сидай, роде мій, най зъ тобою все щастя сидае. Кобы бувъ Семень, тобы винъ васъ знавъ просыты и прысылуваты. Мыколаю, а чы памятаете, якъ вамъ фляшку зъ горилкою розбывъ на голови и пирогы выкынувъ псамъ, що сьте не хотили зъ нымъ пыты!

— То не було, бабо, жарту зъ дидомъ, або гынь, або пый!

— Я до тебе, Томо, напюся, бо съ мени наймылійшый! Най впуся! Баби не багато треба, абы заспывала дивоцькои...

— Ей, Томо, Томо, якъ бы-мъ у твоихъ рокахъ учынылася! Гай, пый, не пускай очей пидъ стилъ. Якъ бы ты очы не пускавъ у долину, але въ гору, то лекше бы твой души було. Пый до дядька Мыколая...

Вона стояла передъ столомъ висока, сыва и проста. Очи мала вельки, сыви и розумни. Дывылася нымы такъ, якъ бы на цилимъ свити не було такого кутыка, абы вона його не знала и закотывшы довги, били рукавы, не зробыла бъ въ нимъ того, що порядна госпоdynя робыть, абы вона не спрятала, не прычепурыла и не звела всього до порядку.

— Бабо, у васъ добре и йисты и пыты, бо хочъ вы мовчыте, але очы ваши просять.

— У мене такы такъ, я очы маю, абы сміялыся, абы жартувалы. Я не маю ихъ, тай мама ихъ не змалювала, абы плакалы. Кобы вы изъ своихъ очей прогнали оту мраку чорну, що вамъ свить затемнюе. У моихъ очахъ йе мои диты, йе мое поле и моя худоба и мои стодолы та чого имъ застелюватыся журую? Якъ

прыйде жура, а я выплачуся, зарумаюся, та й обит-
руся.

— Не кожна натура однака, бабо. Ёе така, що хочь ты и медомъ годуй, хочь ты и у найкрасшу весну пусты на зелене поле, а вона плаче.

— Ей, Басарабы, Басарабы! У васъ нема дитей, у васъ нема нывкы а ни худобынкы! У васъ ёе лышень хмара и полуда и довга, чорна чупрына, що вамъ сонце закрыла. А Богъ васъ карает, бо вы маете на його сонце дывытыся, вы маете дитьмы тишытыся и зеленымъ колосомъ по веселимъ лыци гладытыся. Томо, та бо беры, не гнивайся на бабу. Баба тебе до хресту носыла, баба плакала, якъ тебе до вйська выражалы, баба на твоимъ весиллю кисточкамы до купы дзоркала. Баба вамъ не ворогъ. За те, що душу хотив-есь загубыты, за те я гниваюся на тебе. Але впередъ зйижте, що я вамъ понаварювала, бо я задурно не хочу робыты, а потимъ будемъ говорыты.

— Роде мй чесный та вельчный, тишуся тобою, якъ не знаты чымъ, що мене не забуваешъ, що мене любышь и за моимъ столомъ пьешъ та файни *) слова говорышь!

По гостяхъ мыгнула яснисть щастя, якъ часомъ сонце замыготыть по чорнимъ, глыбокимъ стави. Все очи поднеслыся и справылыся на бабу.

— Ай, Басарабы, ади, ади: **), килькы очей,— самъ самисинькый сумъ и тускъ!

— Бабо, не кажить такъ, бо мы все таки контетни вашымы словамы, якъ колы бъ выно солодке

*) Файный—хороший, гарный.

***) Ади—дывысь.

пылы. Мы бѣ васъ, бабо, брали по черзи до хаты, абы намъ зѣ вамъ весело було.

— То я, стара, маю вамъ хаты звеселюваты? А ваши-жѣ жинкы де, а вони не цвितуть!? А вони вамъ сорочокъ не вышывають, а вони дитямъ вашимъ головъ не мыють? Вы не выдите ничего, не выдите, бо вы слипи. Богъ васъ покаравъ слипотою...

— Бабо, а ну-жѣ мы повстаемо та позакурюемо соби люльки, бо чого мы будемо сыдиты за столомъ, якъ трунокъ *) ничего не прыймае?

— Вставайте, вставайте та курить, а я сяду соби около Тома, та буду його пытаты, що таке тяжке прыгнитыло його душу...

III.

Тома чоловичокъ маленький, сухой, зѣ довгою чорною чупрыною, що спадала лагідными, гладкыми пасмамы на шыроке чоло. Темно кари очи блукалы пидъ чоломъ, якъ по безкраихъ ривнынахъ и дороги по ныхъ найты соби не годни. Лице смагляве, застрашене, немовъ дытяче. Винъ высунувся з-по-за стола и сивъ коло бабы Семеныхы.

— Розповидай же намъ, Томо, чого тоби такъ тяжко на свити жыты, чому ты хочешъ покидаты свои диты, свою жинку тай ридъ? Не встыдайся, але выкажы свою йидь, що тебе йисть та може мы що тоби порадымо або поможемо.

Вси звернулыся до Тома.

*) Трунокъ—шлунокъ.

— Кажы, кажы, не затаюй ничего та тоби лехше буде.

— То нема що таиты,—видриць Тома,—я таивъ докы мигъ, а теперь вси знаете.

— Та ничего не знаемо, ты скажы, бо якъ не скажешъ, то мы будемо гадаты, що жинка тоби зла, або диты не вдалыся, або мы тоби догорылы. Та й обачиння май надъ намы. Ты знаешъ, що якъ одынъ у нашій фамиліи стратытыся, то заразь другога за собою тягне. А може межы намы вже такый йе, що якъ вчувъ за твою прыгоду та вже надумавъ и соби стратытыся?—сказавъ сывый Лесь.

Басарабы, якъ вынувати, поспускалы очи въ долину.

— Тодоско, та будь же тыхо, не плачь, не плачь...

— Я не знаю видкы и якъ, але то таки гадкы приходять, що не дають спокою. Ты свое, а гадкы свое, ты продыраешъ очи абы нагнаты ихъ, а вони, якъ псы скавулять коло головы. Зъ добра, люде, ниhto не закладае соби воловидъ на шыю!

— А якъ тоби подіеться така заворотъ у голови, та чому ты жинци не скажешъ, чому до церкви не пидешъ?

— То пuste, бабо! Якъ вони обсядутъ, то вони не пустять мене крокомъ видъ такого мисця, де вони гадають мене привязаты. Якъ-бы вы знали, якъ-бы вы знали! Вони мене такъ звяжутъ, що на свити такихъ ланцивъ *) нема, абы такъ глыбоко заходылы въ середыну. Та й чую, якъ дзоркотять коло мене... Дзоркъ, дзоркъ, дзинь, дзинь... Якъ зачнуть дзинь-

*) Ланць—ланцюгъ.

каты, то голова трискае на четверо, и уха десь такъ розкрываються, якъ ротъ, и такъ люблять слухаты той бренькить. Я въ ночи обернуся та затулю одно ухо, а друге зато розкрыеться, — и мени кости въ голови тре. А я накроюся подушкою, а воно по подушци тымы ланцями лупыть. Та й нибы каже, нибы лопатою легенькою въ саму голову слово суне: а йды жъ, а йды жъ, зо мною такъ тоби буде добре, добре!.. А я ймуся за постиль та такъ трымаюся, що мясо въ рукахъ трищыть, якъ бы живе розтягавъ...

— Та чого ты таке кажешъ, та чого ты таке нагадуешъ?—крыкнула на Тому його жинка.

— Ты не страхайся, жинко, бо теперъ воны видъ мене видвернулися геть, мени теперъ такъ легко, якъ бы-мъ на свить народывся. Але я вамъ хочу уповидаты, яка то мука йе у того, що тратыться. Такой чоловікъ ажъ мае буты спасеный! Бо ще за його жывота зъ нього нечысте душу выкыдуе, отаки отакъ, що выкопуе. Рве тило, кости розважуе, абы соби до души таки дучкы поробыты, абы ии видты выбраты. Яка то мука, який то страхъ, який то биль, що за таки страждання давъ бы соби ногу або руку видтаты!

— Та якъ воно тебе по ночахъ тягне, де воно тебе ловыть?

— То чуты напередъ, що воно прыйде, та й воно не пытае ни дня, ни ночи, ни сонця, ни хмаръ. Отакъ встанете рано, помолытеса Богу та й йдете соби на подвиря. Станете на порози тай закаменіете. Сонечко свитыть, люде вже коло хативъ выкрыкують, а вы стоите. Чого стоите? А стоите того, що щось васъ

у голову дюгнуло, зъ боку, дуже легенько. А зъ головы йде до горла, а зъ горла въ очи, въ чоло. Тай вже знаете, що десь з-за гирь, з-за чыстого неба ще зъ позаду сонця прыплыве чорна хмара. Вы не годни сказаты, видкы вы знаете, що вона прыйде, але зо тры дни вы наслушаете ии шуму, якъ вона залопотыть по-пидь небо. Тай пускаете увесь розумъ за нею, винъ бижыть видъ васъ отакъ якъ пастухъ вивци лышыть отакъ до-знаку вы лышаетесь таки сами, а страхъ такой велькый, що боитесь одно слово сказаты. Зацыпыть вамъ зубы та й чекаете.

— Я знаю, Томо, я розумію, якуратъ воно такъ,— сказавъ Мыколай Басарабъ.

— Мыколаю, ты здуривъ, чы що тебе напало?!

— Я лышень такъ...

Басарабы поглянули недовирчыво на Мыколая и замовкы.

— Люде, вы не страхайтесь, що Тома вповидае, бо якъ винъ вамъ розповисть, то вже маєте знаты, якъ воно чипляється до хрестянына. Бо то десь вашъ ще пра-прадидъ воювавъ зъ туркамы та вбывъ семеро маленькихъ дитей, наткнувъ на спысь такъ якъ курчать тай його Богъ покаравъ, бо винъ заразыть покынувъ воюваты и ходывъ зъ тымы дитьмы трынацять рокивъ. Нибы не ходывъ, бо то погныло, але все носывъ той спысь и все йому выглядало, що винъ оти диты носыть. Та й видсы пишла кара на Басарабивъ. То ще якъ я йшла за Семена, та мои мама мени повистувалы за се та й не радылы йты. Та той грихъ за оти диты вы покутуете, але то межы вами десь-не-десь прокыдається. Не кожний Басарабъ носыть

той грихъ, лышь Богъ одному котромусь кладе його въ сумлиння. Та тому вы не лякайтеся, а що Тсма каже, то вы соби затямте, яке то грихъ выробляе, докы не видкуплений. Бо тило все перебуде, по нимъ ничого не пизнаты, але сумлиння точыть. Та то выдко на дереви на такимъ велькимъ, що хмаръ досягае. Розколешъ його, а тамъ сама червоточына, червяка не выдко, николы не вздрыте, а сточене разъ коло разу. То такъ сумлиння точыть зъ рода въ ридь.

— Сумлиння точыть, а то кара надъ усима карамы.

— Та розкажуй, Томо, якъ воно тебе точыть? Не поможе ничого, треба выслухаты.

— Воно точыть, але не каже за що, бо якъ бы я вбывъ або пидпалывъ, то воно выдыть, але я неповынный, а воно карае. Та якъ така хмара злопότηть по неби, тай тоди прыходыть самъ часъ, абы тратытыся. Йдете коло воды, а вона васъ тягне, такъ цилуе, якъ обіймае, якъ по чоли гладыть, а чоло таке якъ грань, якъ грань. Такъ бы-сьте у ту воду, якъ у небо скочылы. Але десь видкысь вырынае въ голови слово: тикай, тикай, тикай! И гоныть васъ стома киньмы видъ тои воды, забирае всю пару зъ грудей, а голова розскакуеться, бо дуріе. Ажъ теперь дуріе. Глыпнете на вербу, тай васъ зновъ зипре. Руку таки робляться весели, ажъ скачуть та й безъ васъ, безъ вашои прычыны, сами такы хапаються за галузя, пробують, моцують, а вы от-якъ на боци строите, от-якъ не робыте вы, лышень руки. Тай зновъ надбижыть слово: тикай, тикай! Руку обсыпаються огнемъ, падуть якъ усушени тай зновъ ти

каете. Якъ кого на очи побачыте, або жинку, або дытыну, а воно также крычыть: тикай. Але и говорыть до ныхъ и сміється, а все то такъ, якъ бы не я говорывъ, и тручае тамъ, де нема людей. Приходьтъ до такого, що вамъ нагадується та грушка, що ще якъ вы дытыною булы, та выдилы ии. Де якый клынокъ, де якый гакъ, де яка бантына,—все вамъ нагадується. То гоньтъ воно чоловика у тысячу бокивъ на разъ, а не знаты куды йты. А потимъ лышыть, наразъ лышыть. Мыне година, або й дви, або й день, та й зновъ прыходьтъ. Серце застыгае, очи такъ плачуть, такъ плачуть, що выкапують. Але а-ни слизь не выдко, а-ни плачу не чуты. Тай провадыть васъ зновъ, та й мордуе наново. Я не разъ выпывавъ цилу кварту горилкы и пролыгавъ одну перчыцю за другою, абы перегрызло, але ничего не помагало...

— А вчора то мене вже такъ прыдушыло, що я стратывъ геть розумъ и очи и руки. Въ саме полудня прыйшло. Якъ прыйшло, та й показало бантыну у кошныци. Кожну кришку на ній показало, кожний сучокъ. Та й такы-мъ не спырався, бо не було куды, лышень видмотавъ воловидъ видъ ясель, та й зализъ у кошныцю. То такъ спокійно мени було, такъ легко! Я замотувавъ той мотузъ и пробувавъ, чы добре держыть и все знавъ, якъ треба зашнурокъ зробыты, якъ за-высоко пидтягнуты. Я сьогоня дывуюся самъ, якъ я такъ спокійно и весело тратывся. Але теперь мени, Богу дякуваты, видійшло и такый я радъ, радъ...

Басарабы нибы подубилы у важкимъ снѣ.

— Грихы, люде, грихы, треба Бога просыты.

— Доктори кажуть, що то така нерва йе, що вона такъ хоруге, якъ бы й чоловікъ. Вона десь йе въ чоловіци та вона розумъ видбирае, якъ заслабне.

— Ей, що доктори знають!..

IV.

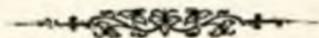
— Мой, а вийдять за Мыколаемъ, де винъ пишовъ?—сказала Семеныха.

Басарабы здригнулися, жадень не рушывся зъ мисця. Покаменилы.

— Та вийдять за Мыколаемъ, кажу... Де винъ пишовъ?

Жинкы заголосылы. Басарабы позривалыся и гурмою выйшы на двиръ.

— Тыхо, тыхо, хто знае ще, не робить крыку...

О З Ы М Ы Н А.

По сели сотається, плыве тоненькымы струямы, розпадається на малесеньки крапелькы одынъ голосъ, осинный, сельськый звукъ. Обіймае винъ село и поле, и небо, и сонце. Протяжна, тужлива писня вылыскується по зъораныхъ нывахъ, шелестыть зивялымы межами, ховається по чорныхъ плотахъ и падае разомъ зъ лыстямъ на землю. Циле село спивае, били хаты сміються несмильво, викна ссутъ сонце.

На однімъ городи зеленіє латка озымого жыта, а коло нього на кожуси лежыть билый, якъ молоко, мужыкъ. Старый дуже зъ померклымы очыма. Коло кожа його палычка лежыть такожъ дуже давня, бо кавулька геть долонею вытерта. Сонце гріє йому просто въ лице, якъ бы лышень його мало на земли.

Старый такъ заслухався въ осинню писню, що самъ пыщыть, якъ дытына. Винъ говорыть, а орихъ разъ по разъ кыдае на нього шыроке свое лыстя. Били мотыли граються надъ нымъ, кортыть ихъ систы на биле дидове волосся. Але винъ спивае, говорыть, а сусидськи когуты *) те чують и за нымъ потягають.

*) Когуты — пивни.

Сварыться зи своєю смертею.

— Мени тебе не треба,—пыщыть винь до сонця,— не зашкирюйся до мене, бо задурно. Мени треба дучи *) та штыры дошки. Шкода твого труду, ты найды соби молодого якого, а мени пишлы іи, бо забула, сука, за дида...

— Добрый косарь, нема що казаты! Колось дійшовь, похыльвся, землю цилуе, вже почорнивь, а косарь чекае! Та чого? Гадаешь, що пиду ще танцюваты?! Я свое вже видбувь, я контетный, мени ничего не бракне. Озьмы соби пушку того духу тай пусты з-за стола—я контетный.

— А може де йе война та вона тамь запобигае, бо тамь молоде гыне таке, що лышень цилуй. А туть, що найде коло мене—пусту коробку! Ты не пхайся межы молодыхъ, але беры те, що до твого пыска **). Молодой най газдуе, най винь диты до розуму прыведе, винь тоби не втече, а хочь винь у війни, а ты його не рушь! Збирай у яму те, що до ямы...

— Ади, руки,—пидіймае руку близько до очей,— ну зь чымь туть буты? Таке старе шкураття, що постола тогидного *) не полатаешь! Що ты сею рукою годенъ вдіяты? Чыкай, не делькоты, якъ говорю. А мясо де? Нибы я ззивь? Я його не кусавь, а якъ мясо смакувало, то най посмакуе и кисткы. Доидай, було не зачынаты...

— А якъ я руки маю, то я соби йду у свою дорогу, а моя дорога стома стежкамы дорожыться по

*) Дуча—яма, гробь.

***) Пысокъ—ротъ.

****) Тогидный—того году, мынулого году.

полю. Я барабольшку выкопаю, я кукурудзюкь пидійму, я борозенку лицемъ до сонця оберну, я зеренце по-сію,—я все зъ рукамы зроблю! А безъ рукъ я дурень, колы маешъ знаты! То не штука зробыты зъ чоловіка ничего тай питы соби на зломану голову! Ни, васпани *), беры на плечи тай поклады на мисци тамъ, де мени лежиння йе.

На озымыни зъявляються куры и пасуть.

— А-ушъ, бо побью на капусту! Ты не дывыся, що я старый, але я ще такого звиря заможу, ще заможу. Не маешъ що йисты на подвирю?

Встае, спырається на палець и йде на озымыну.

— Файне, зелене, а вона то псуе... Земля все молода, вона якъ дивка, свято йе—то вбереться, будный день—то вона по будному вбрана, а все дивочыть—видколы свита та сонця.

Сидае середъ зеленои озымыны, пидпырається палецею и мовчыть. Винъ мовчыть, а село сумно докола нього спивае, а вербы кыдають у нього зисхлымъ лыстемъ...

*) Добродійка.

ЗЛОДІЙ.

Посередъ хаты стоялы два дужи, мицни хлопы. Сорочки на ныхъ подерти, лица покровавлени.

— Не май, чоловіче, тои гадкы, абы я тебе зъ рукъ пустывъ...

Сопилы обыдва, булы помучени и ловылы въ груди воздухъ. Коло постели сперлася молода жинка застрашена и заспана.

— Не стій, але пиды заразъ за Михайломъ и за Максимомъ, та скажы, абы заразъ прыйшлы, бо я злодія маю въ рукахъ.

Жинка вийшла, а воны лышылыся.

— Сей якъ бы лучывъ на слабого, тай взявъ бы жыття коло власной хаты.

Прыступывъ до лавы, взявъ кварту зъ водою и пывъ такъ лакомо, що чуты було булькотання воды въ гортанци. Потимъ рукавомъ обтыравъ лице и глядучы на нього сказавъ:

— Не треба йты до цырулыка, сей пустывъ крови доста.

А ще сыхъ сливъ не сказавъ, якъ злодій вдарывъ його кулакомъ межы очи.

— Ты бьешь, тай я буду, а ну хто липше?

Буковымъ, грубымъ полиномъ замахнувся и злодѣй упавъ на землю. Зъ нигъ сыкнула кровь.

— Тикай теперъ якъ можешъ, я тобі ничего не скажу.

Мовчало довго. Тусклый каганецъ не мигъ продертыся черезъ темряву по кутахъ, а мухы почало гудити несмильво.

— Та затамуй соби кровь, чоловіче, бо вся вытече.

— Дай мени воды, газдо.

— Дамъ тобі воды, крипыся, бо не знаешъ, що тебе чыкае!

Довга мовчанка.

— Ты, выжу, мицный, газдо.

— Я мицный, небоже, я коня на плечи беру, ты не добре трафывъ до мене.

— А натуру маешъ мяхку?

— Я мяхкый, але злодѣя живого зъ рукъ не пускаю!

— То я маю вже тутъ загыбаты?

— Або я знаю, чы ты твердый, чы мяхкый? Якъ ты твердый, то можешъ вытрыматы..

И зновъ тыша запанувала въ нызькій хати.

— Затамуй соби кровь.

— На що, абы гирше болило, якъ маешъ быты, кровь то ѣе сама биль.

— Якъ я вже буду быты, то мусыть болиты, хибя бъ ты духъ спустывъ.

— А Бога не маешъ боятыся?

— А ты Бога боявся, якъ лизъ у комору? Та тамъ увесь мій добытокъ, та якъ бы ты бувъ то забравъ, та бы ты бѣ мене на вики вични скаличывъ! А чому жъ ты не лизешъ до багача, але до бидного?

— Пропало, нема що говорыты! Бый, та дай мени спокій!

— Певне, що буду быты.

На доливци зробылася калюжа кровы.

— А ты якъ маешъ сумлиння, газдо, та не забывай мене по трошкы, але озьмы те полино, та бахны ще такъ по голови, якъ по ногахъ, то збудешся клопоту, а мени лекше буде.

— Ты бѣ хотивъ видразу! Чыкай, жды, годы, най люде прыйдуть.

— То ты хочешъ добрымъ сусидамъ баль зробыты?

— Вже йдуть.

.....

— Слава Йсусу.

— На вики слава.

— У васъ, Гьоргію, щось зновылося?

— Та зновылося, прыйшовъ гистъ та й треба його прыймыты.

— Нема балакання, що треба.—Максымъ и Михайло заступылы цилу хату, головами досягали стели, а волосся ихъ досягало имъ поперека.

— Сидайте та выбачайте, що я зупсувавъ вамъ ночи.

— Та то отсе винъ на земли?

— Винъ.

— Хлопъ якъ звирь, малы вы труду доста, закъ влизъ до хаты?

— Дужый, ей, то дужый, але на дужчого трафывь! Та закъ што куды буде, та сядьте за стиль та й гостя просить.

Гьоргій выйшовъ и за хвлю прынисъ бутлю горилкы, солонину и хлибъ.

— Та чому не берете и його за стиль?

— Каже, що не може встаты.

— То я поможу.

И газда взявъ злодія по пидь пахвы и посадывъ за стиль.

— То вы вже въ хати малы зъ нымъ суперечку, Гьоргію?

— Та хотивъ мене заголомшыты. Якъ угривъ мене кулакомъ межы очи, то кажу вамъ, що тутъ, тутъ було падаты. Але я намацавъ полинце коло себе, та його морснувъ по нижкахъ, а винъ сивъ макомъ.

— Бы йому не дывуйтеся, бо кожний хоче бороньтыся.

— Та я ничего не кажу.

Злодій сыдивъ за столомъ блидый, апатычний, коло нього Максимъ, а дальше Михайло. Коло печи стояла жинка въ кожуси.

— Гьоргію, що ты хочешъ зъ нымъ робыты? Люде, спамятайте його, винъ хоче чоловіка вбыты!

— Жинко, я выжу, що ты боишся, та ты соби пиды до мамы, переночуй соби, а завтра прыйдешъ.

— Я не выступлю зъ хаты.

— То маешъ зъ намы горилку пыты, але не вивкай, бо спарю. Лизь на пичь тай спы, або дывыся, або якъ хочъ.

Вона а-ни рухнулася видь печи.

— Баба бабою, Гьоргію, вона боиться, якъ жидъ, бійкы, не дывуйтеся.

— Е, що мы будемъ на ню дывытыся: дай Боже здоровля, чоловіче, я до тебе напьюся! Не знаю, хто за кого будемъ грихъ маты, чы ты за мене, чы я за тебе? Але грихъ мусыть буты, таке зайшло, що безъ гриху не обійдеться. Гей, пый.

— Не хочу.

— Мусышь пыты, якъ я просю! Горилка тебе трохы одерзне, бо ты геть уплошивъ.

— Я не хочу зъ вами напиватыся.

Вси тры газды обернулись до злодія. Завзяти, чорни очи вищувалы йому згубу.

— То давай, най пью, але пять порцій наразъ.

— Пый, а якъ намъ збракне, то ще пишломо.

Налывавъ одну по одній и выпывъ шистъ. Потимъ пылы Михайло и Максимъ. Закусувалы и зновъ пылы.

— То, газдо, таке, що якъ вы пьете горилку, то вы мене жаднымъ способомъ живого зъ рукъ не пустыте.

— Правду кажешъ, бигме, правду, за се тебе люблю!

— А закы вбъете, то дайте ще горилкы, най напьюся, абы не знавъ колы и якъ.

— Пый, на таке дило пый, я не бороню, але що ты на мене лучывъ, бодай тебе Богъ скаравъ! Гей, я твердый, я каминный, тебе зъ моихъ рукъ никто не вырве.

Злодій выпывъ ще пять келишкывъ *).

*) Келишокъ—чарка.

— Быйте скилькы хочете, я вже злагоженный.

— Чыкай, брате, добре, що ты вже контетный, але мы ще неконтетни, ты по пять, а мы по одной. Якъ тебе здогонимо, почнемъ говорыты.

Мыхайло дывывся дуже весело, Максымъ якусь думку мавъ, але боявся ии выявыты, а Гьоргій бувъ неспокійный.

— Выжу, люде, що буде беда, уступывся бъ я геть, а щось мене до нього тягне, ланцугамы тягне... Гай, гай, пыймо закусьймо...

— Газдо, дайте, най васъ поцилую въ руку,—сказавъ злодій до Максима.

— Овъ, чоловиче, ты дуже боишься, овъ, се нефайно!

— Бигме, васъ не боюся, бигме и сто разъ забожуся, що не боюся.

— А що жъ?

— Мени. легко стало на души теперь та я хочу сього газду въ руку поцилуваты; винъ сывый чоловикъ, мигъ бы буты моимъ татомъ...

— Чоловиче, лышы мене, бо я мяхкый на сумлиння, я не хочу, будь соби безъ мене...

— Але дайте руку, бо грихъ будете маты, я хочу васъ поцилуваты якъ ридного тата.

— Я цилкомъ мяхкый, чоловиче, не цилуй мене.

Мыхайло и Гьоргій ажъ роты пороззявлялы и горилку пересталы пыты. Наижылы чупрыну и своимъ вухамъ не вирылы.

— Тумана пускае, чого винъ хоче? Ты небоже, такого способу пробуешь, е, мы й на се вчени!

Максымъ вытрищывъ очи якъ баранъ и не розумивъ, що діється.

— Змиркувавъ, що я мяккый, заразь угадавъ...

Говорывъ, абы оправдатыся передъ Михайломъ и Гьоргіємъ.

— Дайте, дайте, газдо, руку, але изъ щырого серця, бо якъ васъ поцилую, то мени буде легко: я выжу, що вже мени не ходыты по свити та хотивъ бы я выпрощытыся зъ вами.

— Ты не цилуй, бо я геть змякну, я тоби и такъ простю.

— Але я васъ просю дуже, бо я дуже тяжко буду умираты, бо я ще никого въ руку не цилувавъ, абы нибы такъ изъ серцемъ. Я не п'яный, бигме, ни, але я такъ хочу...

— Тыхо, мой, не жвынды, не пидходы подалеки, бо якъ угатю та й не дрыгнешъ!

— Колы вы гадаете, що я дурю, а я, бигме, правду кажу. Я, выдыте, якъ напывся горилкы тай мени отакъ утворылося въ голови, що я маю згынуты и сього газду въ руку поцилуваты, абы мени Богъ гриха зменшывъ. Та дайте руку, газдо, кажить, най дасть.

— Що сей чоловикъ видъ мене хоче, колы я не порадо, бо я жалислывый такый, що я не годень тому стерпиты...

Максымъ не знавъ, де подитыся, що зъ собою роботы въ такимъ клопоти. Винъ встыдався, якъ дивчына.

— У мяккого все таке, все винъ у людей на посьмиховыську, така натура паскудна! Та вы знаете,

що якъ я трохы горилки напьюся тай плачу, таже знаете. Було мене такы сюды не клькаты, бо я знаете такый, якъ прядыво...

Злодій хотивъ взяти Максому руку, абы поцилувати.

— Сей злодій хоче штукою насъ зайты. Идить, Максуме, геть видъ нього, уступиться.

— Давайте горилки, Гьоргію, пиймо зъ-по тры, абы разъ дистаты йидь,—сказавъ Михайло.

— Не йдить, Максуме, не йдить, дядечку, видъ мене, бо я заразъ умру. Я не боюся, бигме, не боюся, але такый мене неспокій тре...

Винъ почавъ дрижаты на цилимъ тили, губы тряслыся якъ жыви. Михайло и Гьоргій пылы горилку и не дывылыся на нього.

— Та чого ты боишся, нема чого, я тоби дамъ руку поцилувати, вже дамъ, най мене и выбъють, вже дамъ, на, цилуй, якъ ты соби жадаешъ...

Злодій прылыпъ до руки, а Максумъ клипавъ очыма такъ, якъ бы хтось його разъ по разови бивъ по лыци.

— Мяккому никола не вартъ буты, бо мяккый чоловикъ нездалый ни до чого...

Михайло розставывъ вси пальци въ рукахъ и показывавъ Гьоргіеви

— Мой-мой! таки дужи, таки лакоми на бійку, що разъ лакоми, де ймутъ, тамъ зъ мясомъ рвуть!

А Гьоргій ничого не говорывъ, лышь за-едно плювавъ у долони и наливывъ горилки.

— Доста вже, небоже, доста, пусты, най я соби йду, бо тутъ нема Бога, я на таке не можу дывы-

тыся. Вытягны руки зъ пазухы, не облапуй мене, пусты, бо мени такой встыдь, що не знаю, де подитися.

— Я ще хочу образъ цилуваты, я ще хочу поригъ, я хочу всихъ, всихъ, де хто йе на свити,—крычавъ злодй.

Жинка зискочыла зъ печи и втекла, Михайло выйшовъ з-за стола темный и пъяный якъ ничъ, Гьоргй стоявъ и нагадувавъ соби, що винъ мавъ щось робыты.

— Максые, вы мени зъ хаты шуруйте, абы я васъ тутъ не выдивъ, бо вбъю якъ горобця; гей, забирайтеся.

— Я пиду, Гьоргю, я вамъ не кажу ничего, але вы не гнивайтесь, бо вы знаете, що я мяккый чоловікъ. Мени такъ здається, що грихъ будете маты, я соби йду...

— Идить, идить, бо вы не хлопъ, але зальопана баба.

— Та я то кажу, що я не до сього, я...

Максымъ пиднися и выйшовъ з-по-за стола.

— Будьте здорови тай не бануйте, бо я, якъ якыйсь казавъ, не до сього...

Злодй одынъ лышывся за столомъ, блидый трохы, але веселый.

— А ты выйдешъ з-за стола, чы треба тебе видты выносеты?

— Я не выйду, я выжу, що не выйду, бо я маю тутъ пидъ образами сыдиты.

— Ой, выйдешъ, бигме, выйдешъ, мы будемо просыты.

И кынулыся на нього якъ голодни вовкы.

— * * *

СЫНЯ КНЫЖЕЧКА.

Отой Антинъ, що онде п'яный выкрыкуе на толоци, бувъ все якыйсь нещасливый. Все йшло йому зъ рукъ, а нищо въ руки. Купыть корову, а та й здохне, купыть свиню, та й решетыну дистане. Кожный разъ отакъ.

Але якъ умерла йому жинка, а за нею и два хлопци, тай Антинъ якъ не той ставъ. Пывъ та пывъ та пывъ; пропывъ поле, пропывъ городъ, а теперь хату продавъ. Продавъ хату, взявъ соби видъ вѣйта сыню кныжку службову тай мае йты десь найма-тыся, службы соби шукаты.

Сыдыть отамъ п'яный тай рахуе, абы село чуло, кому продавъ поле, кому городъ, а кому хату.

„Продавъ та й аминь! Не мое та й решта! Не мо-о-е! Ей, кобы дидъ мѣй та пидвився изъ гроба! Мосьпане, штыры волы якъ слымузы*), двадцять штыры моргы поля, хаты на циле село! Все мавъ. А теперь, дывысь!“

Показувавъ селови сыню кныжечку.

„Ой, п'ю та й ще буду. За свое п'ю, никому до того дила немає. А винъ мени каже: мой, пропывъ

*) Слымузь--слымакъ.

есы грунтъ! Печатку прыбывае та й картае! Е, я ще не такихъ войтивъ выдивъ“.

„Абы тоби такъ умираты легко, якъ мени газди легко!“

„Йду я зъ хаты, геть цилкомъ вже выхожу тай поцилувавъ поригъ тай иду. Не мое тай решта! Бый якъ пса видъ чужой хаты! Можна—прошу. Було мое, а теперь чуже. Выхожу на двирь, а лись шумьть, словамы говорыть: верныся, Антоне, до хаты, верныся, гей!“

Антинь бьеться обыдвома кулакамы въ груди, ажъ гоминь селомъ иде.

„Знаете, жаль такый прыйшовъ, що разъ жаль! Вхожу назадъ до хаты. Посыдивъ, посыдивъ, та й выхожу—не мое, що маю казаты, колы не мое“...

„Абы такъ моимъ ворогамъ конаты, якъ мени було изъ свои хаты выступаты!“

„Выхожу я на двирь тай ни, такы обмарыло. Зеленый мохъ на хати, треба було бь ии пошываты. Каминь вода—не я тебе буду, небого, пошываты. Каминь,—абы каминь, и той триснувъ бы одъ жалю“!

Антинь по симъ слови гатыть рукамы у землю, якъ у каминь.

„Сивъ я на прызбу. Ще небижка мастыла, а я глыну тачкамы возывъ. Лышь хочу встаты, а прызба не пускае. А мени жаль, не жаль, ни! Але такы гыну... Сыжу я та реву, такъ реву, якъ бы зъ мене хто пасы деръ. Люде ззыраються на покаянiе“.

„Ади, отамъ коло ворить та пипь прощи казавъ. Увесь мырь плакавъ. Порядна, каже, жона була працьовыта“...

„Перевертайтеся въ гроби, небожата, бо я лайдакъ. Пропывъ усе, що до ныткы. И полотно пропывъ. Чуешь, Маріе, тай ты, Васыльку, тай ты, Юрчыку, теперь батько буде у рантуховыхъ *) сорочкахъ ходыты та жыдамъ воды доносюваты...“

Антинь теперь показуе на войтову хату.

„Але вѣйтыха—добра жинка. Вынесла мени хлибъ на дорогу, абы вѣйтъ не выдивъ. Най панъ Богъ твоимъ дитямъ годыты, де воны поступлють. Най вамъ Богъ усимъ дае липше, якъ мени...“

„На який гатунокъ **) я маю на чужи прызьби сыднты? Иду. Лышь поступывъ зъ неи, а викна въ плачь. Заплакалы, якъ маленьки диты. Лисъ имъ наповидае, а воны сльозу за сльозою просикають. Заплакала за мною хата. Якъ дытына за мамою—такъ заплакала“.

„Обтеръ я полою викна, абы за мною не плакалы, бо дурно, та й выступывъ звидты цилкомъ“.

„Ой, легко, якъ каминя грызты. Темный свить навпередъ мене...“

Антинь обводыты рукою довкола себе.

„Ось, ѣе ще гроши, але буду пыты. Зъ нашымы людьмы напьюся, зъ нымы пусты. Най знають, якъ изъ села я выходывъ“.

„Дывысь, въ пазуси маю сыню кныжечку. Отсе моя хата и мое поле и мои города Иду соби зъ нею на край свита! Кныжечка видъ цисаря, усюды маю двери отворени. Усюды. И по панахъ, и по жыдахъ, и по всякій вири!“

*) Рантухъ—бавовняне тонке полотно.

**) Гатунокъ—Gattung—ридъ, спосибъ.

ВЫВОДЫЛЫ ЗЪ СЕЛА.

Надъ заходомъ червона хмара закаменила. Довкола неи зоря обкынула свои бияви пасма и подобна була ота хмара на закервавлену голову якогось святого. Из-за тои головы промыкалыся лучи сонця.

На подвирию стояла гурма людей. Видъ заходу было на ныхъ свитло, якъ видъ червоного каминя — тверде и стале. Зъ хаты ще сыпалося багато народу. Якъ видъ умерлого—таки смутни выходылы.

За людьмы вйшовъ молоденькый парубокъ зъ обстриженою головою. Вси на нього дывылыся. Здавалося имъ, що ота голова, що теперь буюла у кервавимъ свитли, та мае впасты зъ пличь—десь далеко на цисарську дорогу. Въ чужыхъ краяхъ, десь ажъ пидъ сонцемъ впаде на дорогу та буде валятыся. Мама стояла на порози.

„Ты вже йдешъ, сынку?“

„Йду, мамо“.

„А ты жъ на кого насъ покидаешъ?“

Жинкы заплакалы, сестры руки заломалы, а мама была головою до одвирка.

Пидійшовъ до сына тато.

„Сидаймо, сынку, на фуру, бо колю спизнымо“.

„Ще сю ничъ переночуй у мене, сынку. Я тебе такъ гирко пистувала, дула на тебе якъ на рану... Я тебе разомъ зъ сонцемъ выряжу и плакаты не буду. Переночуй, переночуй, дытынко!“

Взяла сына за рукавы та й повела до хаты.

Мыръ подався д'воротямъ. Незабавки вышла мама зъ сыномъ. Тварь мала блиду, якъ крейда.

„Сынку,—пытався тато,—а мени хто, небоже, кукурудзкы высапае?“

Хлопы заревилы. Тато впавъ головою на визъ и трясся, якъ лысть.

„Гей, ходимъ“.

Мама не пускала.

„Мыколайку, та не йды бо! Та закы ты обернешся, то пороги въ хати поскрывлюються, то вуглы погнують. Мене не застанешъ уже и видай самъ не прыйдешъ“.

Ймыла сына за ноги.

„Волила бъ тебе на лаву лагодыты!“

Пишлы. Хто стоявъ коло ворить, то йшовъ рекрута видводыты.

Переходылы лись. Лысте устелыло дорогу. Позагыналося у мидяни човенця, абы зъ водою осинньою поплысты у ту дорогу за рекрутомъ. Лись переймавъ голосъ мамынъ, нись його у поле, клавъ на межи, абы знало, що якъ весна утворыться, то Мыколай на нимъ вже не буде ораты.

За лисомъ стали въ поли. Рекрутъ взявся прощаты зъ селомъ:

„Бувайте здорови и свои и чужи. Якъ чымъ до-
корывъ, то забудьте, але благословить у далеку до-
рогу“.

Вси поскыдалы капелюхы.

„Повертайся здоровый назадъ та не забавляйся“.

Сынъ зъ татомъ силы на фуру. Мама ймылася
рукамы за колесо.

„Сынку, возьми мене зъ собою. А ни, то буду
полемъ бигты навпростецъ та й тебе здогоню“.

„Люде добри, возми-но жинку, бо руки соби
поломыть“.

Люде сыломиць видтяглы видъ воза и держалы.
Фура рушыла.

„Йды здоровъ, Мыколаю!“—крычала громада.

Тои ночи сыдила на подвирю стара мама та за-
хрыплымъ голосомъ заводыла:

„Видкы тебе вызыраты, де тебе шукаты?!“

Донькы, якъ зозули, до неи говорылы.

Надъ нымы розстелылося осинне склепиння небесне.
Звизды мерехтили якъ золоти чичкы на гладкимъ,
зализнимъ тоци.

СТРАТИВСЯ.

Колія летила у свиты. У кутыку на лавци сьдивъ мужыкъ та плакавъ. Абы його ни хто не бачывъ, що плаче, то ховавъ голову у пысану тайстру *). Сльозы падалы, якъ дощъ. Якъ раптовый дощъ падалы, що на разъ пустыться, та й незабавкы уймається.

Твердый тактъ зализныци гатывъ у мужыцьку душу якъ молотомъ.

„Та ще снывся мени недавно. Десь я беру воду зъ керныци, а винъ десь на самимъ споди у такій подертій кожушыни, що Господы! Тутъ, тутъ утопыться. Мыколайку, сынку,—десь я йому кажу,—а ты жъ тутъ що діешъ? А винъ мени повидае:

„Ой, тату, не годень я у війську выбуты“.

„Кажу я йому: терпы та до науки берыся та чысто коло себе ходы. Та й отъ вже навчывся...“

Одна велька сльоза покотылася доли лыцемъ та й впала на тайстру.

„Иду до нього та знаю, що вже його не застану. Але чы буде до кого вернутыся? Бигла за мною полемъ, кервавымы сльозами просыла, абы іи взяты.

*) Торбу.

Ноги їи посынили видь снигу, верещала якъ несповна розуму. Але я нагнавь кони та й прымкнувь. Може десь тамъ середъ поля вже домерзае... Було стару взяты. А намъ же теперь чого треба? Най гроши йдуть, най худоба зъ голоду гине! Такимъ трупамъ, якъ мы, та на що намъ? Торбы най пошые та пидемо просючы межы люде у те мисто, що Мыколаева могыла у нимъ буде“.

Прытульвь лыце до шыбки та й слъозы по викни сплывали.

„Ой, стара, тото жъ диждалися на сывый волосъ винка! Тото, небого, десь бьешъ головою у стины, тото до Бога рыдаешъ!“

Старый хлыпавъ якъ мала дытына. Плачь и колія пидкыдали сывою головою якъ гарбузомъ. Слъозы плылы якъ вода зъ норы. Мужыкови прычувся голосъ його старои, якъ вона бижить боса та просыть, абы їи взявъ зъ собою. Але винъ кони батогомъ та батогомъ. Лышь зойкъ *) чуты по полю, але далеко.

„Напевне вже їи не застану. Кобы бъ ще мене сховалы разомъ зъ Мыколою въ могылу. Най бы гнылы разомъ, якъ вкупы не можемо жыты. Най бы надъ нами и песь не гавкнувь на чужій сторони, але най бы укупи булы! Де жъ винъ самъ буде въ чужій чужыныци!“

Колія бигла сьвитами.

„А шкода, щось бувъ урисъ якъ дубъ. Бувало, що возьме въ руки та й горыть йому у тыхъ рукахъ. Було одну втяты ще малому...“

*) Стогинъ, крыкъ.

Колія добигала до велького миста.

Выходывъ зъ людьмы. На улыци лышывся самъ. Муры, муры, а межы мурамы дороги, а дорогамы тысячы свитылъ въ одынъ шнуръ понасылювани. Свитло у питьми потопало, тремтило. Ось, ось впаде, и чорне пекло зробіться.

Але свитыла пускалы кориння у питьму и не падалы.

„Ой, Мыколайку, кобы я тебе хочъ умерлого выдывъ. Вже й мени, сынку, тутъ буде аминь!“

Сивъ пидъ муръ. Тайстру поклавъ на колина. Сльозы вже на ню не падалы. Муры подавалыся одынъ д'одному, съвитыла сходылыся вси до купы и гралы барвою, якъ дуга. Замкнулы мужыка, абы його добре оглянуты, бо винъ зъ дуже далекихъ краивъ сюда завандрувавъ. Ставъ дощъ накрапаты. Ще гирше скулывся, та й взявся молыты.

„Матинко Хрыстова, усимъ добрымъ людямъ стаешъ на поратунокъ, Мыколаю святой...“ та й бився въ груди.

Полицыянъ надійшовъ та й справывъ до касарни *).

„Пани воякъ, а то тутечкы умеръ Мыколай Чорный?“

„Винъ повисывся у вильхахъ за мистомъ. Теперь лежыть у трупарни. Идить сею вулицею у долину, а тамъ хтось вамъ покаже“.

Воякъ пишовъ дальше вартуваты. Мужыкъ лежавъ на улыци та й стогнавъ. Якъ пролежався, то пишовъ улыцею у долину. Ногы делькотили якъ пидвіяни и шпоталыся.

*) Казармы.

„Сынку, сынку, тай ты стратывся!.. Скажы мени, сынку, що тебе у грибъ загнало? На що ты душу стратывъ?! Ой, привезу я розрадочку мами видъ тебе. Марне пропадемъ“.

У трупарни на великій билій плиты лежавъ Мыколай. Гарне волосся плывало у крови. Вершокъ головы видпавъ якъ лупына. На животи бувъ хрестъ, бо навхрестъ поролы та посшывалы.

Тато прыпавъ до колина у ногахъ Мыколая та молювся. Цилувавъ ноги сына, бувъ головою у плыту.

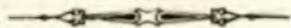
„Ой, дытынко, мы тоби зъ мамою весилля лагодылы та музыки наймалы, а ты соби геть видъ насъ пишовъ...“

Потимъ пиднись трупа, обіймывъ за шыю та й пытався, якъ колы бы радывся.

„Скажы жъ мени, килько служебъ найматы, килько на бидни роздаты, абы тоби Богъ гриха не пысавъ?..“

Сльозы падалы на трупа та на билу студену плыту. Плачучы убиравъ сына на смерть. У биленьку мережану сорочку, у поясъ вышываный та въ капелюхъ зъ павамы його убравъ. Пысану тайстру поклавъ пидъ головы, въ головахъ поклавъ свичку, абы горила за страчену душу.

Такий годень та гарный парубокъ у павахъ! Лежавъ на студеній, мармуровій плиты та нибы усьмихався до свого тата.

ВЪ КОРЧМИ.

Коло довгого стола сьдивъ Иванъ та Проць. Котылы по столи завзяты слова и схылывшыся слухалы, що стилъ говорить. Нарикалы та й пылы. Проця жинка была, а Иванъ його вчывъ буты паномъ жинци.

„Ого, вже най того вола шляхъ трафить, що його корова бѣе!—казавъ Иванъ.—Якъ бы мене жинка мызыннымъ палцемъ кынула, то бѣ зъ неи капусту зробывъ, на вынне яблуко розпосочывъ бы! Мой, таже се покаяніе на увесь съвить, абы жинка лупыла чоловика якъ коня! Але я бы ии борзо до памяти прывивъ, щобъ не памятала, куды ходыть. Выгостривъ бы соқыру на точыли, тай руки по ликти обрубавъ бы. Лышь разъ, два, тай рукамъ кинець!“ Сказавъ отсе Иванъ, тай здоймывъ руки въ гору, якъ колы бы мавъ гадку злетиты. Подавъ голову назадъ, очи впялывъ у Проця та чекавъ, що Проць йому скаже.

Проць помахувавъ головою та й ничего, сырота, не казавъ, бо що мавъ казаты, колы все правда.

„Ей, ты, паршыку, не телепайся надъ кныжкою, якъ шыбеныкъ на грабку, але давай, брате, горилкы. Я платю, а ты давай, бо мій кременаль, а твоя смерть! Не гандлюю зо мною, але сыпъ тои брагы...“ — казавъ Проць та й бувъ кулакомъ у стиль.

Жыдъ сміявся, наливаючы горилку. Газды стали пыты. Нахылювалыся до себе и видхылювалыся, якъ бы дви галузци, що нмы легенькый витерь колыше.

„Та гадаешъ—казавъ Иванъ—що ты бъ чыкавъ на шандаривъ *), абы ии бралы? Лыше бъ руки обрубавъ, та й свыту на себе та й до суду. Встыдъ за встыдъ, але я бъ сказавъ панамъ, що мене жинка была, а я руки обтявъ. Може бъ яку дныну посыдивъ, а може бъ и годыны не сыдивъ“.

По симъ слови пылы горилку. Такъ гирко пылы якъ кровь, кровь свою—такъ крывылыся.

„Процю, брате,—выдышъ, пъемо горилку, ты мене частуешъ, але пъемо свою працю, свою кервавыцю. Кровъ свою пъемо. Але радю тобі, щыре тебе наказую, прыпры соби жинку, най вона до тебе руки не протягае. Мой, таже ты сьмихомъ ставъ по селу, жинка бье та духу наслухае, а ты газдою маешъ буты?! Я бы таку жинку дзумбелавъ та въ ступу бъ запрягавъ та каньчукъ дротяный зъ клынка бъ до неи стягавъ!“

Иванъ выймавъ гроши и хотивъ соби заплаатыты за горилку, але Проць змивъ гроши на землю, бо дуже розсердывся.

*) Жандармивъ.

„Иванку, за що мене, брате, порешъ безъ ножа? Я маю охоту тебе зачастуваты, бо ты мене, якъ якыйсь казавъ, якъ мама ридна на добре радышъ. Не тычъ мени грошей, але пый“.

Та й зновъ пылы.

„Або говоры зъ нею по добру! Якъ прыйдешъ до дому, та й кажи жинци такъ: гей, жинко, де ты мени прысягала? Чы на сमितю, чы въ церкви? Чы рабинъ нась винчавъ, чы пипъ шлюбъ дававъ? Ты до мене руки протягаешъ, а я ручки втну. Стій, внесы стилецъ та сокыру, та й будемо рахуватыся... Такъ ты ии наповидай, та може налякаешъ“...

„Иванку! ты, небоже, моеи жинкы не знаешъ. Таже вона така тверда на серце, що бь ката не збоялася. Я часомъ хочу ии даты огрозу, але вона, що мае пидъ рукамы, та якъ не впоре! Абы ии доктори такъ по смерты поролы!

„Ты марнотрате—каже—ты, що выдышъ, та до корчмы тягнешъ, та ще мене хочешъ збыткуваты?!“

„Але кажу тобі, що я такой видъ неи бытый, такой пареный, що прыйдеться мени видъ хаты йты. Але кажу, може ии Богъ руки безъ мене усушыть, може я допросюся сього у Бога“...

„Чыкай на Бога, чыкай, дурный, а вона буде быты, ажъ на витерь здйматы. О, вже ты такой газда свой жинци якъ вербовый занизъ у ярми. Плюнуты не вартъ на такого газду“!

Проць закашлявся, ажъ посынивъ. Иванъ поклавъ обыдва кулакы въ зубы та й грызъ. Потимъ скреготавъ зубамы на всю корчму.

„Ходь сюды, арендарю. Мой, жыде, ты вчена голова та тому зь насъ шукуру лупышь; скажы мени, чы йе такой паруграфъ, абы жинка чоловика была. Чы йе такой рыхтъ*)? Ты чытаешъ у кныжкахъ, ажъ скаправив-есь, то десь тамъ воно повинно найтыся. Якъ цисарь такой паруграфъ напысавъ, най я знаю. Бо якъ цисарь таке право выдавъ, то най моя та-кожъ мене бье. Руку складу навхрестъ, а вона най бучкуе. Якъ право цисарське, то мае буты цисарське“!

Жыдъ казавъ, що такого права не дочытався. А Процеви казавъ, що повиненъ йты до дому, бо жинка буде сварыты.

Проць плюнувъ, пролупывъ очи и довго дывывся на жыда. Хотивъ сварыты, але обмиркувався та й вставъ зь лавы.

Идучы до дому, горланывъ на циле село:

„Колы жь бо не боиться, отождь ничогисенько не боиться...“

„Але я руки обитну, якъ вербу пидчимхаю! А се жь куды? Якъ прыйшла, то бувъ бузьокъ на хати, а теперь? Де, де тому край?“

Чуты було, якъ Проць прыспивувавъ: „Де, де-е, та де тому край“...?“

Якъ доходывъ до хаты, то замовкавъ, а на воротахъ геть затыхъ.

*) Такой законъ.

ЛЕСЕВА ФАМИЛІЯ.

Лесь своимъ звычайемъ укравъ видъ жинки трохи ячменю и нись до корчмы. Не нись, але бигъ до жыда, и все обзырався.

„Ого, вже бижыть зъ бахурамы, бодай же съте головы полумылы! Кобы забигты до корчмы, бо якъ допаде, та й зновъ буде рейвахъ на циле село“.

И побигъ зъ мишкомъ на плечахъ. Але жинка зъ хлопцями доганяла. Вже передъ самою корчмою халнула за мишокъ.

„Ой, не тикай, ой, не бижы, не розносы мою працю змежы дитей!“

„А ты, мерзо, зновъ хочешъ робыты веймирь на вси люде! Лыце бы-сь мала!“

„Лыця я из-за такого газды не мала, та й не буду маты! Давай мишокъ та пропадай. А ни, то будемъ тебе быты, буду тебе быты зъ дитьмы насередь села! Най буде покаяніе на увесь свить! Давай!“

„Ты, стара, та чы ты здурила? Та я тебе и бахуривъ твоихъ повишаю!“

„Андрійку, сынку, лышь по ногахъ, лышь по ногахъ, най вамъ хлибець по жыдахъ не розносыть!“

Такъ байте, абы-сьте ноги поломылы. На калику то ще заробимо, але на пїяка мы не годни наробыты!“

Вона говорила до своихъ двоихъ хлопивъ, що стоялы зъ бучкамы и несмило дывылыся на тата. Андрійко мавъ може десять рокивъ, а Иванко зъ висимъ. Вони не смилы прыступыты и быты тата.

„Бый, Андрійку, я буду трыматы за руки. Лышь по ногахъ, лышь по ногахъ“!

И вдарыла Леся по лыци. Винъ поправывъ ии ще липше, ажъ кровь потекла. Теперь хлопци пидбиглы и почалы валыты бучкамы по ногахъ.

„Липше, сынку, увалить йому ноги якъ псови, абы ихъ тягавъ за собою“!

И плювала кровію и сынила, але трымала за руки.

Хлопци вже зважылыся и пидбигалы якъ шенюкы, и былы по ногахъ, и видбигалы, и зновъ былы. Майже бавылыся, майже сміялыся.

Зъ корчмы выбигло килька людей.

„Мой, таже сього ще ниhto не выдивъ, видколы свить! Глянь, якъ бьютъ, ще цыцька коло рота не обисхла. Покаяніе на увесь мырь!“

Хлопци былы якъ скажени, а Лесь и Лесыха стоялы закаменили, покервавлени и не рушалыся зъ мисця.

„Гей, вы, хлопци, таже вы пирветеса коло батька...

„Було браты довши буку, абы липше дошкулялы...

„Байте по голови татка, у розумъ, у тимья...

Отакъ выкрыкувавъ якыйсь пьяный зпередъ корчмы.

Лесь кынувъ мишокъ на землю и ставъ якъ дурный. Винъ такого нападу николы не сподивався и

не знавъ, що робыты. Врешти лягъ на землю и скинувъ свыту.

„Андрійку та й ты, Иванку, йдигь теперь быйте, я ани кынуся. Вы ще мали, то вамъ тяжко пидбигаты. Гай, быйте!“

Хлопци стоялы подаликъ и дывно дывылыся на тата. Поволенькы покидылы бучкы и дывылыся на маму.

„Та чому ихъ не заставляешъ, абы былы, я жъ бо лягъ—быйте!“

Лесыха заревила на все село.

„Що я, люде, вынна? Я бъяюся по ланыхъ зъ дитьмы на сухимъ хлибци, та що я уторгаю, то винъ все до корчмы выносыть. Я, люде, не могу ничего заробыты черезъ нього, бо не могу хаты лышыты. Таже винъ лышывъ насъ безъ драпочки у хати. Що залямыть, та й до жыдивъ за горилку несе. Я не годна наробыты и на диты и на жыдивъ. Най соби дие, що хоче, але я вже не годна...“

„Тажъ быйте, и палцемъ не кыну!“

„Най тебе, чоловиче, Богъ побъе, де ты намъ вискъ пустывъ марне и диты осыротывъ! Та ты насъ килько набывся, що мы николы зъ сынцывъ не выходимо, якъ волы зъ ярма. Таже я не могу горшечка у хати затрыматы, бо все выбываешъ. А килько я зъ дитьмы ночувала на морози, а килько ты лышень виконъ набывся? Ничого тоби не кажу, най тебе Богъ скарае за мене та й за диты! Ото бъя соби долю въ Бога вымолыла.. Люде, люде, не дывуйтеся, бо не знаете“...

Взяла мишокъ на плечи та й поволиклася до дому зъ дитьмы, якъ пидбыта курка.

Лесь лежавъ на земли и не рушывся.

„Але пиду до кременалу, на вичный кременаль пиду. Разъ! Такого ниhto не чувъ та й не буде чути. Таке выстрою, що земля здригнется“!

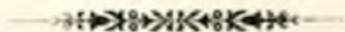
И лежавъ, и свыставъ завзято.

Лесыха повиносила все зъ хаты до сусидивъ. На ничъ лягла зъ дитьмы спаты въ городи, у бурьянахъ. Боялася п'яного Леся, що в ночи прыйде. Дитямъ постельыла мишокъ и накрыла кожухомъ. Сама чыпила надъ нымы.

„Диты, диты, що маемо робыты? Тото жъ я вамъ постельыла сьогондя на увесь викъ! И пимрете, та славы не збудетеся! Не годна я сього за васъ вид-молыты“...

И плакала, и наслухала, чы Лесь не вертае.

Небо дрижало разомъ зи звиздамы. Одна впала зъ неба. Лесыха перехрестылася.

ПОБОЖНА.

Семень та Семеныха прыйшли зъ церкви тай обидалы—мачалы студену кулешу у сметану. Чоловикъ йивъ, ажъ очы вылазылы, а жинка почтыво йила. Разъ по разъ втыралася рукавомъ, бо чоловикъ кыдавъ на ню цяточкамы слыны. Таку мавъ натуру, що цъмакавъ и пускавъ слыною, якъ пискомъ, у очы.

„Не можешъ ту башту трохы прыперты, не можна хлиба ззисты“...

Семень йивъ и не прыпыравъ башты. Трохы його жинка вколола тымъ словомъ, але винъ возывъ дали сметану зъ мыскы.

„Чмакае, якъ штыры свыни. Боже, Боже, таку маешъ губу нехарাপутну, якъ у старои коныны“.

Семень ще мовчавъ. Трохы бувъ и выненъ, а по друге хотивъ добре попойисты. Врешти вставъ и перехрестывся. Выйшовъ на двиръ, давъ свынямъ пыты и вернувся абы лягаты.

„Ади, насадывся, тай лягае, якъ колода, — ану-но чы винъ выкаже де носа? Гные отакъ кожного свята тай недили“.

„Чы ты соби кгудза зо мною шукаешъ? Якъ я тоби завяжу кгудзъ, то ты його не розвяжешъ“!

„Я бы тебе що недили жывого кусала“.

„Кобы то свыня мала рогы“...

„Стоить у церкви, якъ баранъ недоризаный. Ынши кгазды, якъ кгазды, а винъ такой зателепаный якъ холера. Мени ажъ лице лупається за такого кгазду“.

„Ото, бидна головко, тай втратю царство небесне! Нагаруйся цилый тыждень, та ще у церкви якъ стовпъ стій! Стііи уже ты за мене, а я и такъ Божого слова выслушаю“.

„Ой, вже ты слухаешъ слова Божого. Одного нумера не знаешъ, що пипъ казавъ на казанню. Станешъ насередъ церкви якъ сновыда. Дывыся, а очы вже пишлы у стовбирь, дывыся, а ротъ вже розхыльвися якъ ворота, дывыся, а слына тече вже зъ рота. А я дывлюся, тай земля пидо мною горыть зи встиду“!

„Уступыся видъ мене ты, побожна, най я трохы очы прыжмурю. Тоби однако молоты, а я ледвы тлинный“.

„Бо не стій у церкви якъ слупъ. Лышь пипъ стане зъ кныжки чытаты, а ты вже очы выпулышь якъ цыбули. Тай махаешъ головою якъ конына на сонце, тай пускаешъ ныткы слыны якъ павукъ таки тоненьки—лышь що не захаркотышь у церкви. А моя мама казалы, що то нечысте закрадається, та чоловіка на сонъ ломыть, абы Божого слова не слухавъ. А коло тебе нема Бога, ой, бигме, нема“!

„Агій на тебе, таже най до твоеи головы дидько прычепыться, не до моеи! Ото побожна!? Мой, та ты

запысалася у якась архырымське браство та гадаешъ, що вже свята? Та я тоби такъ шкуру спышу, якъ у кныжци, такымы сынимы рядамы... Зійшлыся кгаздыни у браство! Нихто такого не чувъ тай не выдивъ. Одна мала дытыну дивкою, друга удовою, третя найшла соби безъ чоловика—сами порядни кгаздыни зійшлыся. Та якбы васъ тоти чернци знали, що вы за челядынкы, та воны бы васъ букомъ зъ церкви! Ади, яки мени побожни, лышь хвоста на зади хыбуе! Кныжки чытають, образы купують, такы живи до раю“!

Семеныха ажъ заплакала, ажъ затремтила.

„То було мене не браты, якъ мала дытыну. Ото я соби долю напытала. Таже за тебе була бы й сука не пишла, за такого вола невмываного! Ще молюся Богу, що я соби свить зъ тобою завязала, бо бувъ бы ходывъ отакъ до гробной дошкы“.

„Бо я бувъ дурный, злакомывся на поле, тай видьму взявъ до хаты. Я бы теперь и свого додавъ, кобы видчепытыся“!

„Ой, не видчепышся! Я знаю, ты бы хотивъ ще другу взяты зъ полемъ, але, не бійся, мене дойишь и не дибьешъ. Я такы буду жыты, такы мусышь на мене дывытыся тай решта“!

„Та жый, поky свита та сонця“...

„Тай до браства буду ходыты, тай що мени зробішь“!

„О, вже ты въ тимъ брастви не будешъ, хыба бы мене не було! Я ти кныжки пошпуряю, а тебе прывяжу. Вже ты мени не будешъ прыносыты розуму видъ чернцивъ“...

„Ой, буду, буду тай вже“!

„А видчепыся видь мене, бо якъ возьму яке лыхо тай перевалю“!

„Мамко, мамко, тожь ты мене дала за кальвина, ты мени свить завязала! Гляды, въ недилю беретъся быты“!

„Мой, мой, а тожь я розчынавъ сварку? Та миркуйте соби, що це за побожна? Ей, небого, колы ты такъ, то я тоби трохы прыкоротаю, я тоби пысочокъ трохы прыпру. Таже черезъ цю побожну треба бѣ хату покыдаты! Спы беда, але буду быты“!

Семеныха втикала на двиръ, але чоловикъ ймывъ у синяхъ и бивъ. Мусивъ быты.

ВЕЧИРНЯ ГОДЫНА.

Не мигъ систы, такъ його щось гнало видъ стины до стины. Ходывъ та ходывъ по хати. Обстанова хатня и куты замазувалыся и пропадады въ вечернимъ сутинку, а въ голови зарысовувалыся давни образы що--разъ выразнійше.

— Отсе така хвыля, колы мали диты выбігають зъ хаты на толоку и граються дуже весело, нервово. Въ таку пору дивчата не хотятъ гониты товару до дому, бо кажуть, що якъ зоря вечерня на небо выходить, то голосъ по роси стелыться,—и спивають, абы голосъ стелывся. А въ зыми мамы прядуть кужиль тай спивають свои дивоцьки спиванкы, але такъ сумно якъ бы банувалы *) за молодымъ викомъ. Диты сходяться разомъ до купы и шепочуть на печи тай засыпляють безъ вечери. Чудна якась вечерня година.

Ходывъ та гладывъ себе рукою по чоли, якъ бы хотивъ уси свои думкы замкнуты у голови, абы не повылиталы, бо щыро хотивъ ихъ перегадуваты.

— Ба, не знаты, що винъ діе? Такой бувъ добрый товаришъ. Добре памятаю, якъ мы разъ сыдили у нього

*) Бануваты—тужыты.

въ садку. Видай тоди винъ говорывъ за ти били хмаркы. Била хмарка, казавъ, зъ золотымы берегамы сунеться по неби та лышае по-за собою били лиліи, а сама йде дали та сіе, сіе того цвиту по сынимъ неби — тай за годину нема ни хмаркы, ни лилій. Лышь голубе небо морщыться, якъ голубе море. Правда, винъ тоди чогось сумувавъ.

Ходывъ, а очы його ставалы такы добры якъ у дытыны.

— Отъ, вже-мъ забувъ конецъ. Прыходыться вже мамыни спиванкы забуваты! А ще до недавна тямывъ. Заразъ. Я займывъ зъ Марійкою вивци въ поле, у синожати. Марійка вышивала соби рукавы, такы у фасолькы. Фасолькы вышивала на червоно, хвостыкы сыньо, а mezi помижъ фасолькамы обкыдала чорною воличкою. Я мусивъ завертаты вивци, бо Марійка була старша. Але була одна билоголова вивця та така влазлыва, що жадній сіянци не дарувала. Тай я скынувъ окрайку и мы іи спуталы. Бувъ спокій. Я бигавъ розперезаный попидъ вербы та свыставъ та галасувавъ на все поле. А потимъ Марійка мене заклыкала йисты. Йилы мы хлибъ и сыръ зъ лыстка...

Вже сыдивъ на мягкимъ крисли и хлопячи спомыны гонылы його якъ сонъ на якисъ цвityсти поля, що цвitivity на ныхъ дуже багато, и можна ихъ рваты, рваты.

— Потимъ прыйшлы до насъ мама. Верталыся зъ поля, бо йисты носылы робитныкамъ. Дали намъ йисты молока и оглядалы Маріини рукавы. Тай наказувалы Марійци, абы николы не брала тры ныткы, лышень дви по-за иглу, бо фасолькы будутъ череваты. А мени

казалы, абы не качатыся зъ горы, бо сорочку пидру, або соби черево покаличу. „Ты, парубче, не брыкай, якъ кинь по полю, розперезаный, але сыды соби коло Маріи та овецъ пыльнуйте“. А я лежавъ соби коло мамы та лупывъ ногамы въ траву, а мама казалы: „Ты не годенъ ани годынкы тыхо посыдиты?“ Тай тоди злетивъ бузьокъ на млаку *) такы коло насъ. Мама ймылы мене, посадылы на колина тай почалы спиваты:

Ой, не косы, бузьку, сина.
Бо ся зросышь по колина.
Та най тота чайка косыть,
Шо на бакыръ шапку носыть.

Збиравъ уси сылы памяти, абы нагадаты решту спиванкы, и не мигъ. Очи посумнили.

— Заразъ, заразъ. Мама пишлы до дому, а я бигавъ до вечера за бузькомъ та прыспивувавъ: „Ой не косы, бузьку, сина“...

Розбигався якъ той хлопецъ, що хоче яръ перескочыты, и надъ самымъ яромъ все стримується. Говорывъ голосно перши вирши спиванкы и не мигъ дали нагадаты. Зитхнувъ и чорный обвидъ коло очей ще бильше почорнивъ.

— Боже мылый, вже не годенъ я надточыты той ныткы, що урвалася! Вона вже тоди рвалася, якъ мени мама мылы ноги и чысти онучкы выдыралы зъ старои сорочки, а тато чобиткы обтыралы. Вси мы тоди плакалы, бо мене пускалы у свить на науку. И ходывъ я по тимъ свити и гнувся, якъ лоза, для кавалка хлиба и чувъ на соби соткы гордыхъ очей.

*) Млака—мокра синожать.

Махнувъ рукою, якъ бы хотивъ видигнаты ти горди очи.

— По довгихъ рокахъ я поихавъ до мамы. Тата вже не було. Згорблена, стара, зъ костуромъ у рукахъ сыдила на прысьби та грилася на сонци. Не признала. А потимъ мене привитала. „Наша, сынку, Марія вмерла. Я тоби не пысала, абысь не сумувавъ. Га якъ умирала, то все за тебе допытувала. Мы іи дурылы, що ты надъидешъ. А такы того дня, що вмерла, то казала, що кобы тебе хоть кризь викно, хоть черезъ поригъ узрила. Тай умерла.“ Отакъ рвалася та нытка...

Несьвидомо говорывъ мамыну сьпиванку: „Ой не косы, бузьку, сина“...

— Пишлы мы зъ мамою на могылу. Ледвы мама добылыся. „Гляды, сынку, отсе Маринъ грибъ. Я вже насадыла и руты, и барвинку, и хрестъ дала змалюваты, але ще вышенькы не посадыла, ажъ въ осены посажу“. Силы мы коло гробу и мама оповидалы мени за биду Марійчыну. Чоловикъ злый, диты мали, беда въ хати. Витерь здувавъ зъ вышень билый цвितъ. Цвितъ падавъ на грибъ и на насъ. Здавалося, що той цвитъ зростається зъ мамынымъ билымъ волосямъ и що роса зъ цвиту спадала на мамыне лице. А я нагадувавъ соби якъ мы зъ Марійкою вивци паслы...

Гарячи сльозы впалы на стилъ.

— А потимъ мама вмерлы. Грибъ мамынь недалеко видъ Маріиного. Цвитъ зъ мамынои вышенькы падае на грибъ Маріи, а зъ Маріинои на мамынь грибъ. Бувъ я тамъ разъ. Сыдивъ межы тымы гро-

бамы и нагадалася мени мамына спиванка. Колы не знаю вже кияця. Посыдивъ я тамъ тай пишовъ зъ могылы. Лышь вышневый цвѣтъ зъ гробивъ летивъ за мною, якъ колы бы тымъ цвѣтомъ сестра и мама просылы, абы-мъ не йшовъ...

Ще довго ходивъ по хати та несъвидомо шептавъ:

Ой не косы, бузьку, сина,
Бо ся зросышь по колина.
Та най тота чайка косыть,
Шо на бакыръ шапку носыть.

МАЙСТЕРЪ.

То якъ часомъ майстеръ напився въ саму миру ни за мало, ни за богато, то росказувавъ одну подію зи своего жыття. Все, що булы у корчми, слухалы його зъ увагою, навить и жыдъ слухавъ.

„Та я вамъ не буду ни цеи, ни тои городыты. Бувъ я майстеръ, бувъ я кгазда—циле село прыкаже. Теперь я лайдакъ, най и це село прыкаже,—марного слова не скажу. Не скажу, бо що правда, то не грихъ. Але якъ то воно на мене впало? За оце вы пытайте...

„Прыйду до кгазды, обдывлюся по матрiяни*), по пляцови, прыбью торгъ, могорычъ выпъемо тай до роботы! Плюну у жмени, сокыру въ руки тай дывыся, а будынокъ якъ дзыкгарокъ вырись на подвирю. Зъ котрого хочъ боку заходы—дзыкгарокъ.

„Выйду въ недилю зъ церкви, йду до дому тай нютую **) соби въ голови, що най лышь пожую зъ десять рокивъ, тай село геть перебудую. Такъ перебудую. що не жаль буде у нього зайты...

*) Матрiянъ—матерiяль.

**) Нюговаты—миркуваты, розважаты.

„Дома пообидаю тай йду въ поле на жыто поды-
вытыся. На быти горы обернуса, глыпну на село, а
мои, моспане, будынки, якъ та птаха легка, що ледве
земли доторкається. Якъ стану, якъ глыпну, то такъ
мени весело, якъ мами, що дывытыся на свои диты.
А такъ мени легко, що сто миль перелетивъ бы...

„А такъ мени Богъ годывъ, що що загадаю, тай
маю. Я соби нывку купывъ одну, ба й другу, я соби
коровку, овечку. Годыло, у руки йшло, якъ зъ воды
йшло.

„А мама, бувало, прыпадають коло мене та пры-
повидають:

„Ой, сынку, то тоби Богъ файный таланъ давъ
у руки, нема такой дныны и годыны, абы-мъ Бо-
гови святому не дякувала за тебе“. Кажуть: „ста-
рый, старый, а встань-но та подывыся на нашего
Ивана, який винъ кгазда“? А жинка слухае того та
якъ скрипочка увыхається по хати“...

На симъ мисци Иванъ выпростовувався, лице
його пашыло велькою радостью. Ти, що його слухалы,
дывылыся на нього якось смутно, але мовчалы. Иванъ
ихъ завойовувавъ своею бесидою. Робывъ зъ коршмы
церкву.

„Але потимъ, братя, пишло все комить-головою.
Якбы взявъ на долоню пирья тай подувъ,—то такъ
пишло все. Не лышылося ничого навкругъ пальця
обвыты...

„Прийшовъ одной недили чоловикъ зъ Луговыскъ
тай каже—такъ и такъ, ксьондзъ нашъ заклыкае васъ
до себе. Зибрався я тай иду. То не далека украина,—
тай прихожу до Лугивського ксьондза.

„А щось мени вже дорогою на души потенькувало. Прыхожу, поцилувавъ ксьондза въ руку, а винъ мени каже, що такъ и такъ, у нашимъ сели треба нову церкву класты. Мы, каже, не погодылыся зъ тымъ гуцуломъ, що кладе церкви, а чулы-мъ, що ты добрый майстеръ, тай порадылыся, абы ты намъ клавъ церкву.

„Якъ я, знаете, це вчувъ, тай на мене питъ збывъ, якъ колы на слабу худобыну. Ади, и сьогоня не памятаю, що я на то сказавъ ксьондзови, якъ я зъ хаты выйшовъ? Щось нибы обмарыло...

„Вертаюся до дому, а мени то чорно, то жовто передъ очыма, витерьъ нибы зъ нигъ згонить. А въ голови якъ колы бы цыганы клевцямы *) гатылы. Але гадка гадку ривно пошыбае. Десь я соби думаю: мой, таже це не стодола, таже тутъ, братику, тысячи дають на твои руки, таже церкву люде будутъ выднты изо всихъ силъ. Такой я страхъ диставъ, що най Богъ боронить! Отакъ якбы мени хто сокырою зарубавъ у голову...

„Прыхожу я до дому тай ани жинка, ани диты мени не мыли. Ничого я никому не кажу — мну въ соби.

„Лигъ я спаты. Сплю якъ каминь, сплю—не выплюся. А мени сныться, що я десь у вышневимъ саду лежу та на сопилку граю. Вышни зацвилы, ажъ молоко капае, а я лежу та на сопивку граю. Але десь коло того саду вчынылася церква, я ии десь вже поклавъ, а вона коло саду вчынылася. Якъ наразъ десь не загрымыть, якъ колы бы гора завалы-

*) Клевецъ—молотокъ.

лася! А то церква розлетилася на порохъ. Той дзвінокъ, що на самій гори стоить, десь такъ дзвонить, але такъ жалислыво, що ажъ! Самъ дзвонить. Десь я хочу пидвестыся, а то мене церква геть прывалыла. Десь вода велька вчынылася, десь по води воринъ, воринъ такихъ пlyingае, що вода чорнисинька. А дзвінокъ на гори фортъ *) дзвонить и церкви нема, а дзвінокъ на гори все дзвонить..

„Десь я крычу ратунку тай мене збудылы та трохы спамняталы.

„Дальше ничо не тямлю. Доста того, що-мъ вылежавъ тры мисяци тай потимъ ничо зъ мене не зробылося..

„Гуцуль поклавъ такы церкву у Луговыскахъ, а мене свита збавывъ, збавывъ на вики“..

Дали майстеръ не росповидавъ своеи исторыи, бо вси зналы, що потимъ сталося.

Врешти и не мигъ росповидаты, бо дійшовшы до сього мисця въ оповиданню, клавъ напередъ себе фляшку горивки и пывъ понадъ—миру. За то ти, що дстеперь слухалы його и мовчки сыдили, розбалакувалыся и жалувалы майстра.

„То, выдыте, чоловикъ ба сеи, ба тои соби загадуе, а то все Божа миць! У Бога нема, що цей файный, а цей старый, а цей бидный, у Бога вси однаки; що мае Богъ даты, то дасть и найбиднищому и найбогатшому“..

„Та вже воно правда, що видъ Божои моцы нихто не сховається, але бо десь такы люде йе, що чоловика

*) Фортъ—зъ немецького: In Einem fort—безъ перервы.

збавляють. Ади, гуцуль поробывъ йому якусь биду,—чы пидсыпавъ, чы розумъ завязавъ, тай що зъ чоловіка зробылося?—ниць, болото зробылося. Та оце йе, що чоловікъ чоловіка такъ зупсуе...“.

„Та то гуцульска вира, бодай його шляхъ трафывъ! Ади, генды *) паршыкъ лышь звысь на нашу працю, але винъ липшый видъ гуцула. Бо винъ возьме гроши, маетокъ зарабуе, але розуму не видбере. А гуцуль поробыть таке, що чоловікъ о-сьвити забувається. Гуцула гоны видъ хаты якъ пса!“...

„Правду кажете, ой, бигме, правду. Таже Иванъ потимъ здуривъ. Загнавъ жинку въ грибъ, диты по-видгонывъ видъ хаты, пустывъ, де що йе. Мае хатчыну, але таку страшну та облупану, що лячно до неи увійты. Ади, не за довгий часъ пиде видсы до дому тай выбъе викна тай ляже на пичъ та спива-тыме. Та нибы винъ теперь мае добрый розумъ? Таже розумный не бывъ бы викна у свой хати, та не купувавъ бы ихъ що мисяця два разы. То лышь такъ здається, що винъ добре говорить, але йому въ голови ривно хыба!“...

„Пустывъ його невира марне. Такъ його зсукавъ, що до смерти нихто його не розсуче. Зломывъ йому волю, його ни работа не береться, ни ничо, а що заробыть трошкы, тай все посидаетъ въ коршми“...

„Най Панъ Бигъ боронить кожного доброго чоловіка“...

*) Генды—отамъ.

МАМИНЪ СЫНОКЪ.

У суботу рано выбигла Михайлыха за поригъ хаты и заговорила до себе дзвинкымъ голосомъ:

„Ба, не знавъ, де бахуръ подився? Десь воно ландае, десь воно нышпорыть по двори якъ курка. Ану, чы бы ты його вдержала у хати? Счесала бь бахура, тай нема“.

За хвylie пишла до стодолы подывытыся, чы коло Михайла нема бахура.

„Ото, въ тебе такожъ розумъ?! Не наженешъ хлопця до хаты, але коло себе трымаешъ на студени. Ходы, Андрійку, до хаты, та дамъ яблуко таке червоне що ажъ!“

„Не йды, дурный, бо мама бреше, хоче мама чесаты, тай гулыть *) тебе“,—сказавъ и зареготався Михайло.

„Цей чоловикъ, бигме, выстаривъ розумъ! Таже дытына отуть замерзне коло тебе. Не слухай, Андрійку, татка, бо татко дурный, але ходы до хаты, а я тебе счешу, тай дамъ булку тай яблуко. Ая!“

„Колы вы не дасте“.

*) Гулыты—дурыты, обдурюваты.

„Ходы, ходы, бигме, дамъ“.

Тай взяла за руку тай повела до хаты.

„Я тебе гарно вымыю, вычешу, а завтра пидешъ зо мною до церкви. Мама таку гарну сорочечку и поясокъ дасть. Вси будуть дывытыся тай казатымутъ: глянь, якый Андрійко красный!“

„А яблуко дасте, ма?“

„Дамъ, дамъ, багато“.

„А булку?“

„Тай булку“...

„А до церкви озьмете?“

„Возьму, возьму“...

„То чешить“.

И мама взяла мыты голову Андрійкови. Цяткы воды спадалы поза ковнирѣ и Андрійко ледве вытрымувавъ, абы не плакаты.

„Тыхенько, тыхенько, мама такъ гарно вымые, вымые! Лычко буде якъ папирчыкъ, а волося таке якъ льонѣ. Надъ уси хлопци будешъ найкращый!“

„Колы бо кусае...“

„Мама геть вычеше, нищо не буде кусаты. Такъ легенько буде, що ей, де!“

„А якъ вычешете, тай дасте булку тай яблуко, та пустыте на двирѣ?“

„А що-жь, уберу тебе, тай пидешъ геть далеко, геть, геть“...

„Добре, я пиду до дядькового Ивана“.

Мама Андрійка вымыла, та взяла на колина тай чесала.

„Ма, а коло татка йе кить, тай такихъ мышей ловыть тай душыть“.

„Бо мыши зерно трублять та шкоду роблять...“

„Нащо шкоду?“

„Абы не було що молотыты тай молоты“.

„А що-жь вони йидять?“

„Таже зерно...“

„Якъ?“

„Е, зь тобою не договорывся-бы...“

„Треба, абы тебе татко у вечерь пидстрыгь, бо, дывысь, яке патлате волося“.

„По парубоцькы, ма?“

„Аякже, таже ты у мене парубок“.

„Тай выдышь, що вже, а ты не хочешь николы даваты чесатыся. Ану-но подывыся въ дзеркало, якъ гарно?“

Андрійко выглядавъ якъ скупаный, волося спадало маленькымы, билымы нывкамы на чоло и шыю. Очы булы сыни, а губы червони. Мама дала йому яблуко и булку, винъ сховавъ у пазуху.

„Я хочу до титкы“.

„Упередь ззижь яблуко та потимъ пидешь, бо хлопци видіймутъ“.

„Я не покажу. Хочу до титкы“.

„То йды, про мене“.

Вбрала його въ чобиткы, въ свою кожушынку, въ тативъ капелюхъ тай пустыла на двирь.

„А дывыся, абы упавъ, тай буду быты...“

Сила въ хати шыты.

„Небійся, такой мудрый якъ старый. Не мавъ бы въ кого вдатыся! Выкапаный Михайло. А заразъ упо-мынається заплаты за чесання...“

И мама всмихнулася и шыла дали.

„Кобы здоровъ рись та чемный. Мае тры роки тай геть оченашу береться. Такой старогрецький *), а такой пустыкъ, що хату до горы ногамы здймае. Такъ не разъ допече, що мушу быты. Якъ бы не бывъ, тай ничего бы зъ него не було!“

Пидняла голову, глянула у викно.

„Це вже въ полудне, а Михайло ще не входить полуднуваты. А хлопця нема. Десь певне чыпыть на снигу тай кашлятыме“.

У вечери сыдивъ Михайло на лави тай державъ на колинахъ Андрія. Вогонь палахкотивъ у печи и освитлювавъ хату червонымъ свитломъ. Михайлыха сыдила передъ печею та варыла вечерю.

„Ты зійшовъ, старыкгане, на дытячий розумъ... Та лышы дытыну въ супокою, не пидкыдай нымъ якъ гарбузомъ. Иды, Андрійку, до мамы“.

„Колы я не хочу“.

„А ты чый, тативъ чы мамынъ?—пытавъ Михайло.“

„Тативъ...“

„А кого бытымешъ?“

„Маму“.

„А ты, пидвіяный, та я тоби яблука та булки даю, а ты мене бытымешъ!“

„Тато тоби купыть багато яблукъ, бо ты тативъ...“

„Ой, чы не цей татко тоби купыть? Ты бы николы не выдивъ ничего“.

„Ану-но покажы, якъ ты йихатымешъ у війську на кони?“

*) Розумный.

Хлопець сивъ на порывачъ *) и брыкавъ по хати.
„Годи, годи, Андрійку, на тоби соломку та пинку зъ молока збирай“.

Андрій опынывся коло печи и збиравъ пинку.

„Мо', Андрію, а ты що купышь мами?“

„Червони чоботы“.

„А татови?“

„Татови ничего не хочу“.

„Гарный сынокъ мамынъ“.

Мыхайло взявъ його зновъ на колина.

„Ты якъ называешся?“

„Андрій Космынка“.

„А хто ты йе?“

„Луский **) радыкаль“.

„Добре. А куды ты пойдешъ?“

„До Канады“.

„На чимъ пойдешъ?“

„На такимъ човни якъ хата велькимъ, такимъ моремъ шырокымъ, шырокымъ, геть, геть...“

„А татка озьмешъ зъ собою?“

„Озьму татка тай маму тай Ивана вуйныного тай геть поидемо...“

„Йды, йды, не муштруй хлопця та не беры на акзаментъ, бо ще засне безъ вечери“.

„Але помиркуй, який хлопчысько мудрый, геть все знае?“

*) Порывачемъ загрибають попиль у печи.

**) руський (украинський).

КАТРУСЯ.

Якъ Катруся приходыла до памяти, то мама сидала коло ней и жалибно говорила.

„Катрусє, докы ты, небого, слабуватымешъ? Гроши мынулыся, другыхъ заробыты не заробышъ, хочъ бы ты и пидвелася. А я повидносювала гроши по ворожкахъ. Тай зъ того нема ніякои корысты. Правда, ворожка угадала за все, якъ дома діеться, яка тоби биль, але кориня ничего не помагає. Видай тоби такы нема виходу...“

Катруся лежала нерухомо. Водыла сухенькою рукою по твари. Сыни нигти булы якъ іи сыни очи и здавалося, що по лыци вандрує багато синихъ очей, дивныхъ, блискучыхъ. Всима тымы очыма Катруся глядила на маму и потакувала на іи жалибну мову.

„Ой, нема, бидный свите, нема. А батько геть журувся. Заходыть у голову, чымъ тебе поховаты, якъ умрешъ? Колы на тебе подывыться, тай чорніє зъ журы. Мы, Катрусю, геть зъ усього выйшлы. Муку на дни лышь трошкы, зерна й одного нема коло хаты, тай зломаного гроша нема. Якбы ты вмерла, тай сталы-бъ мы якъ середъ воды. Кобы тебе Богъ хочъ

до осени додержавъ... Ей, дивко, дивко, ты-жъ себе тай насъ зневолила!“

Мама взяла Катрусю чесаты.

„Ты такъ страшно горышь, та такъ кашляешь, що най Богъ сохраныть! Ани дранку натягнуты на тебе, ани розчесаты, ани вмыты. Боже, Боже, якъ мы гиренько мучымося. Просю Бога, абы-мъ половины тои муку на себе перебрала, тай не можу допросытыся“.

Сльозы мамыни капалы на Катрусине волося и пропадалы якъ вода у писку.

„Що то зъ тебе зробылося? Така-сь була годна, така робитныця, що на все село! Ажъ намъ душа радувалася, гадалы мы, що намъ лекше стане изза тебе, а то, глянь, яке лекше! Кобы хочъ що йисткы доброго, а то мы вянемо на бараболи, а ты такы гынешъ. А трудно ходыты вже по хатахъ за молокомъ, вже-мъ ся килько находыла, що теперъ нема якъ лыця вказуваты“.

Мама заплитала косу.

„Не знаты, нащо я квитокъ тоби накупувала? Увалыла-мъ два левы *) якъ у болото. Вже видай я тебе у ти квиткы на смерть уберу“...

Заплакалы.

„Ану-но, дайте, я подывлюся на ныхъ“.

Мама дала Катруси квиткы сыни, били, зелени, червони.

Катруся переглядала ихъ, лице ии слабо усмихалося, а сыни, били, зелени, червони блескы блукалы по облычу.

*) Левъ або гульденъ—80 коп.

„Дай сюды, борзенько, ади, батько йде та скаже, що тобі ще у голови дивоцтво“.

* *
*

Катрусю поклалы на визъ, абы везты до ликаря. Мама плачучы пидкладала їи подушку пидъ головы.

„Бодай я вже не дочекавъ васъ дохторуваты! Кобы-сьте поздыхалы, то бы-мъ разъ поховавъ, тай збувся“.

Державъ вижки видъ однокинкы и ажъ чупрыну соби смыкавъ зи злосты.

„А ты, розпадныце, памятай, що якъ я гроши задурно по дохторахъ розсію, тай тобі аминь зрблю! Я тебе безъ дохтора поховаю, я тобі буду дохторъ. А видкы-жъ я наберу на васъ на дохтори, на аптыкы та на дидька рогатого?! Та мій мозыль не годенъ сьому вытрыматы, ой, не годенъ. Найняв-емъ фуру, та липше вже видвезты на могылу та вывернуты тай збутыся. Боже, Боже, що се на мене найшло сеи дныны! Ну, ганцыго, кипай тымы безклубымы бокамы!“

Потягъ коныну батогомъ тай выйхавъ за ворота.

На улыци Катруся цикаво розглядалася. Видъ осены багато новынъ настало. Вуйко Семень загородывъ плитъ, старый Мыкола пошывъ на-ново стодолу. Катруся забула и за сварку татову, такъ роздывлялася на вси боки.

По полю люде оралы, сіялы. Жайворонкы надъ нымы спивалы. Чорна рилля розсыпалася пидъ сонцемъ.

Катруся почервонила и все соби гадала:

„Маю въ Бога надію, що пидведуся, що ще весны не страчу. Заразь такы найду соби роботу... Боже, Боже, найды мени ликъ!“

Певна була, що весны не стратыть. Тато сьдивъ на переди и довго мовчавъ. Врешти почавъ говорыты.

„Ади, днынка якъ золото, а ты ходы по дохторахъ!“

Звернувся до Катруси.

„Скажы ты мени, дивко, щѣ я маю зъ тобою роботы? Лежышь та лежышь, тай ни жыття ни смерты. Я грошей набираю та набираю, тай все задурно. Абы-мъ знавъ, де тоби ликъ, то-бы-мъ шукавъ, а такъ — щѣ я знаю? Колы-бъ ты вже або сюды або туды! И тоби липше, и намъ липше..“

Катруся плакала.

„То, небого, нема що плакаты, лышь такы, що правда! Ты соби вмрешъ и гадкы не маешъ, нибы то не однако въ земли гныты? Яке сьогодни легке жыття, то липше вмрты та не бидуваты цилый викъ по чужимъ поли! Уже-мъ грошей набравъ, та ще наберу на похоронъ, тай на старистъ жыды зъ хаты выженуть. Ехъ, якъ бы знавъ, що не буде тоби лику, тай бы заразь завертався до-дому. Добро що то лышылося бъ на похоронъ“.

Катруся захѣдылася видъ плачу и кашляла на все поле.

Тато вытягнувъ зъ пазухы яблуко тай якось несмыльво подавъ доньци. Николы винъ ще не дававъ ии нѣякихъ лакиткивъ.

„Не плачь, небого, я тоби не ворогъ. Я лышь кажу, абы задурно гроши не виднесты, абы себе не

скаличыты тай абы тоби не помогло. Таже ты сама, дытынко, выдышь, що нема видкы. Я бѣ для тебе мызынного пальця врубавъ тай не жалувавъ бы. Я за тебе маю у людей честь якъ за хлопця, бо ты робитныця на все село. Сынку, я на тебе дувъ якъ на пинку тай выжу, що вмрешъ. То выдко очыма, що тоби нема виходу. Ой, небого, небого, тó-то маемо бидуваты безъ тебе... Ой, будемъ та будемъ...“

Старый замовкь.

„Ой, умру, умру, вже выжу, що мени нема виходу“—шепотила Катруся.

Въизжалы въ мисто.

* * *

Верталы до-дому. Сусидъ Мыкола такожъ зъ нымы.

„Винъ мени таке напiявъ, що де, де, де-е-е! Мужыкови до дохторивъ не здало ходыты. Кобы, каже, багато молока пыла та мяса якогось легкого абы поийдала, абы трунокъ соби вылагодыла, абы хлиба билого—де що на свити йе, то загадавъ. Може воно у панстви помогло бѣ, але у нашимъ стани то не поможе. Доста того, що якъ винъ зачавъ почытуваты, то я такы не дослухувавъ до кинця. Нибы було бѣ що зъ того, що я бѣ выслухавъ? Най умырае такъ, якъ йе. Най выпье оти медыцины, шо-мъ узявъ у аптыци, то най або выхоруеться, або якъ сама хоче...“

— А вы-жъ гадаете—почавъ сусидъ—що дохтори дають мужыкови такой ликъ якъ панови або жыдови? Бодай такъ здорови! Мужыкови що вткне—вткне, тай спасайся! Нибы йому хочеться мужыкови доброго лику пошукаты? Зъ паномъ шо день то добры-день, а зъ мужыкомъ шо?

„Кобы то, уважаєте, кому порадыты, а то наше яке? Поцилувавъ у руку тай чекай, ажъ скажуть гроши даты...

„Найлипше було вызнаты у старои Ивановыхы. Вона, бачу, пишла до дохтора, тай якъ винъ зачавъ іи шукаты, то вона йому навправци—ой, каже, пани дохторъ, дайте мени послідній ликъ. Я, каже, бидна баба, не маю изза кого дохторуватыся, та дайте мени послідній ликъ. Дохторъ, бачу, выдывывся на бабу тай каже: а ты видкы знаешъ. Ой, каже баба, видкы знаю, то знаю, але дайте мени таку рыцыпку на послідній ликъ. Якъ зачала, якъ зачала, тай давъ и до сьогодни ходыть...

„Колы-жъ бо не стало розуму запытатыся. Вы гадаете, що то зъ паномъ такъ говорыты, якъ вамъ здається? Кажы разъ, два, тай забирайся, шуруй!

„Пишла баба зъ тою рыцыпкою до аптыкы. Дала аптыкареви, а сама, не бійся—мудра, дывытыся, якъ винъ буде той ликъ вылагожуваты. То вповидала, що якъ соби капнувъ того лику на долоню, тай наскрызъ руку перейшовъ. Але то лышь десь сотому удатыся такого лику дистаты. А мужыкамъ лышь такый ликъ здатный, що або сюды або туды.

„Ей, бидный свите, що я не розпытавъ бабы, якъ воно треба того лику просыты! А такъ и гроши загубывъ, и ничего не поможе... То-то-мъ гыдно зробывъ“.

— Та видай нема вашій дивци выходу. Гляньте, якъ вона горыть? Нема зъ неи такъ ничего, якъ зъ отого лыстка, що видчимхнувся видъ дерева...

„Ой, нема, нема, и гроши пишлы. Кобы-мъ бувъ
хочъ Иваныхы запытавъ...“

— Та то, выдыте, видъ чого ликъ. Аптыкаръ мае
свою аптыку та вмирае...

ПОРТРЕТЪ.

Якъ колы бы голубъ надъ його головою били крыла розхыльвъ, якъ колы бы з-поза билыхъ крыль сине небо прозырало.

Велькый фотель тульвъ у соби старого пана. Голова його хыталася якъ галузка видъ витру—разъ-по-разъ безъ упыну. Губы все щось жувалы. Руки дрожалы—не хотилы ничего держатися.

„Сылы нема ни жадной... зажитку ніякого, студинь у кисткахъ. Чась вже, ой ча-ась! Тило землею пахне, до земли важыть...“

Загасла люлька. Все сылы зибравъ до купы, абы на-ново запалыты. Видхылювалася якъ жыва, вымынала пальци, тикала, якъ бы дрочылася. Розкынула попилъ по всій одежи. Вже курыла и успокоилася. Та цыбухъ розигрався—все вымыкався зъ губивъ.

Якъ осинній лыстокъ на рвучій води.

Одынъ фотель стоявъ твердо, якъ молодой дужый птахъ, що трымавъ старого на крылахъ.

„Вичная память, Господы помылуй, тай ямка, тай гуръ, гуръ! Тай по всимъ...“

Червони промини сонця вбиглы черезъ викно якъ на ратунокъ, абы звязаты все сылы старого до купы.

Портретъ и фортепянь зачервонилыся. Глянувъ на ныхъ и цилый заделькотивъ якъ у пропасныци. Фотель скрыпивъ, ледве выдержувавъ.

„Далеко, далеко... Одна однисинька... Вже не побачу, ой, ни. Колы бь хочъ разъ на хвылынку... Яка пещена була...“

Старече знесылення термосыло нымъ, якъ бы конче хотило выкнуты зъ фотелю, абы пануваты безмежно.

Схопывся за поруччя и не давався, якъ той, що тпытыся та хвылямъ не дається.

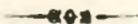
Дывывся на чорный, довгый фортепянь.

„Я, татку, буду на нимъ граты, якъ зъ левомъ бавытыся. Доведу його до встеклосты и люде будутъ умираты зи страху. Холодный питъ имъ на чоли выступыть. Або поглажу його по голови, и винъ ляже мени пидъ ноги якъ вирный песь. А публици, татку, буде здаватыся, що вона свого лева пидъ ноги взяла...“

„А врешти заграю имъ писеньку. Буде имъ здаватыся, що похожають по рижнобарвыхъ кватахъ и по шовковимъ зиллю. Ажъ спогыкатыся будутъ. Тай будутъ выдиты, якъ дивчына рве барвинокъ, якъ злотыть його и срибломъ посрибляе, и почують ии писню. Така то буде писня, що вси стануть добри и весели. Ой, татку, татку, якъ я буду граты, граты!“

„Отакъ казала, аякже. Пещена була... Тай далеко... Колы бь хочъ на хвылынку побачыты...“

Пробувавъ зновъ люльку запалыты.

ДАВНЫНА.

Воны вси трое вже на могили, вже давно надъ ихъ гробамы вышни цвितуть и родяць и хресты дубови у ихъ головахъ похылылыся. Померлы давно— дидь Дмытро, баба Дмытрыха и дякъ Базьо.

Дидь Дмытро поклавъ на грунтъ чотырьохъ сынивъ. А якъ ихъ поклавъ, то лышывся въ старій хати самъ зъ бабою. Не лышень зъ бабою, але зъ воламы, зъ коровою и килькома моргамы поля. То коло хаты и коло воливъ ходывъ дидь, у хати поралася баба, а поле сіялы сыны, а збиралы бидни люде за снпъ и за третыну. Дидь ходывъ коло воливъ, напоювавъ, чесавъ, замитавъ стайню, и подвиря и вытынавъ коло плотивъ будякы. Але найстарша його работа то була така: винъ вылизавъ на стаенне горыще й перекидыавъ тамъ стари плугы, бороны, драбынкы, ярма; деревни отои не мало прызбиралосся за пятьдесятлитне газдовання. И все щось винъ зъ того горыща скидавъ на землю и воликъ передъ хату на мураву. Оглядавъ, пробувавъ и направлявъ. Се була його найлюбійша работа. Винъ видай нага-

дувавъ соби давни лита коло тои роботы и тому видай такъ вона йому прыйшла въ смакъ. Якъ не чесавъ воливъ, то певно майструвавъ коло старого ярма або коло старого плуга.

Волю годувавъ тры роки. По трьохъ литахъ выгонывъ ихъ у мисто на ярмарокъ. Бравъ за ныхъ чотыри сотни, за двисти рынськихъ *) купувавъ други, молоди воли, а дви сотни ховавъ у стару податкову кныжку и замыкавъ до скрыни.

Збижжя не молотывъ по кильканадцять рокивъ и подвиря його було закладене доокола стижкамы. Найстаршый стижокъ бувъ чорный, той пидъ нымъ сывый, меншый видъ сього сывавый, тогидный билый, а сьогоричный жовтый, якъ вискъ.

Що мисяця винъ оглядавъ ти стижки, чы мыши ихъ не поиылы, або чы не стухлы. Вытягавъ зъ ныхъ кожного жменю стебилю и нюхавъ и дывывся, чы володка не зсичена. Якъ котрый треба було змолотыты, то клыкавъ молотныкивъ и зновъ ховавъ гроши въ податкову кныжку и замыкавъ на колодку.

До церкви ходывъ що другои недили, бо перепускався зи старою: вона на першу Богородыцю, винъ на другу, вона на Велькдень, а винъ на Риздво. У свою недилу вылизавъ на хатне горыще и скидавъ видты до синей вельки чоботыська и маленьки. Вельки булы його парубоцьки, шлюбни, ще зъ молодыхъ литъ газдовання; маленьки булы його сынивъ, якъ ще у нього росли хлопцямы. Зъ тымы чобитьмы винъ сидавъ на прызбу и вытыравъ ихъ шматыною видъ

*) Гульдень.

пороху и смазувавъ дьогтьомъ. Одни вбиравъ до церкви, а решту складавъ рядочкомъ проты сонця, абы масть зайшла. А баби наказувавъ, абы вона не лышень чесала волю, але абы позирала на чоботы, бо, десь песь може затягнуты. Въ церкви бывъ поклоны, дававъ на тацку записнили крейцари и споченый выходывъ вразъ изъ людмы.

— Диду, вы забудете говорыты!—казалы люде.

— Моя верства вымерла и на войнахъ погыбла, я не маю зъ кымъ говорыты.

Якъ вернувся до дому, то йивъ або хлибъ зъ часныкомъ або солонину, якъ не було посту. Солонны въ комори стояло тры бочки. Еъ одной трылитня, жовта и мягка якъ масло,—се дидова бочка; въ другой дволитня, пивъ жовта, пивъ била,—се бабына бочка, а въ третій сьогорична, била якъ папиръ,—се була дытяча, бо диты лышь свижу солонину любылы. По обиди дидъ ишовъ до еоливъ, потимъ выкыдавъ чсботы й чсбиткы на гсыще и йшовъ пидъ вышню спаты. Отакъ дидови сотався день по дневи мирно и супокійно. Николы його зубы не болилы, а ни ніяка слабистъ не терла и черезъ циле жыття не бачывъ винъ коло себе ворожки.

Баба Дмытрыха—то була еогонь не жинка. Любыла дуже бесидуваты, розмовы розводыты, бо не могла безъ того ани йисты, ани спаты. До старого вона навить не прыступала, винъ мовчавъ заедно, а якъ стара хотила лышь тры слови зъ нымъ забалакаты, то винъ покыдавъ стару борону або снасть и утикаеъ видъ неи.

— Отсе то старе доробало гадае, що його цилуваты буду.

И плювала и йшла до ворить або надъ ставъ шукаты жинокъ ласыхъ на розмову. А дидъ вертавъ до своеи роботы и бурмотивъ пидъ носомъ:

— Выдко дило, що вже постарилася: и лыце якъ шкура на старимъ чоботи, и волося якъ молоко, а языкъ не постарився. Сто корцивъ на дныну перемолола бы та й ще дывылася бъ, чы нема де другихъ сто.

Баби не давъ Богъ донькы. Вона все надіялася за молодыхъ литъ дивкы и старала для неи вино. Донькы такы Богъ не давъ, а баба наткала та нашыла стилькы, що грядкы пидъ полотнамы та коверцямы вгыналыся. Дидъ не разъ ажъ говорывъ зи злосты, — кому вона стилькы катраня нашывае та натыкае?

— Иды, старый, иды, не говоры мени, бо я твое дрантя, що червакы на стриху переилы, кыну у вогонь. Лышь ты мени втеркайся до моихъ грядокъ, тай я зайду та й твои плугы и возы вси у пичь!

Дидъ скулювався якъ горобецъ и тикавъ видъ бабы, бо дежъ винъ годенъ зъ бабою на край выйты! А баба сидала соби на лаву проты грядокъ и говорыла сама до себе:

— У кожній перекладыни йе всього однако, тамъ и тамъ, и тамъ. Кожна невестка най соби возьме хочъ сю, хочъ ту, бо кожна однака. А пята перекладына на церкву за старого и за мене, сеи не рушь мени жадна, бо руки обитну!

Въ недилю писля полудня прыходылы до бабы вси невесткы зъ унукамы. Таки чорнобрыви якъ гвоздыкы,

таки червони якъ калына. Баба садыла ихъ за стиль, давала сьогоричной солоньны и балакала зъ ньмы и кудкудакала, якъ квочка мижъ курчатамы.

— Якъ умру, то кожна соби заберете одну перекладьну зъ грядокъ, бо кожна однака, бо вы въ мене однаки—мои диты. Але, якъ бы дидъ ажъ по мени умеръ, то щобъ жадна не важылася ныткы взяты. Винъ бы такъ забанувавъ, що заразы бы вмеръ. Та й чоловикамъ наказуйте, абы воны йому изъ поду *) найменчои кришкы не брали, бо винъ то такъ любыть, що безъ того дныны не годенъ буты. Воны бь його заризали. Най панъ Богъ сохраныть! А якъ я вмру, то маете вси штыри надо мною голосьты чуднымы голосамы, краснымы словамы! Та й дидъ якъ умре, тай йому маете голосыты ще краснышымы голосамы, ще чуднышымы словамы. Винъ вамъ лышыть грошей, що маете гратыся въ ныхъ...

Баба плакала, а невесткы соби плакалы, потимъ баба кожную цилувала и вела до другои хаты показуваты коверци. На подвирю гралыся зъ дидомъ внуку, кожний мавъ видъ бабы булку або яблуко и пыльно дывывся на яворовой, старый яремъ. Дидъ показувавъ имъ на ярми ризблени плугы, волю, погоньчы и казавъ, що воны такожь незабавкы будутъ иты въ поле ораты.

Якъ сонце заходило, то невесткы зъ внукамы йшлы до дому, а баба ихъ выводила за ворота и тамъ ще довго зъ ньмы говорила.

А третій межы ньмы дякъ Базьо. Винъ не бувъ имъ а-ни свать, а-ни братъ, лышень сыдивъ зъ ньмы

*) Горыще.

черезъ городъ. Баба Дмитрыха все носыла йому обидаты и вечеряты, бо винъ бувъ одынокый и старый. Та видай никола не йивъ винъ бабыного обиду, бо все бувъ пьяный.

— Базю, чого вы тилькы тои горилкы пьете? таже вона у васъ колысь запалыться!

— Бабко, Мытрышко, якъ я не маю пыты, колы мени кныжки въ голови якъ зайци бигають! Кожный стыхъ, кожна тытла преться, абы ии спиваты або чытаты, а мени голова розскакуеться. Вси зберуться якъ хмара малыхъ дитей и хотять у одни вузеньки двери пропхатыся и даты себе чуты. А моя голова, отъ яка маленька, ще й обстрижена, та де ихъ подиты? Добре, що вы свои диты порозкладады по городахъ, а мои вси на купи. Та мушу я ихъ горилкою напоиты, абы вони попылыся та й мени дала трошкы супокою!

Баба журлыво похытувала головою.

— Ото, яка наука страшна, то не ципомъ махаты!

И давала Базеви зновъ грошей на горилку. За то винъ не одной недилы прыходывъ до бабыной хаты и чытавъ смишни книжечкы. Сыны и невесткы помиралы зо смиху видъ Луця Залывайка та видъ индыка, що лышень тилькы мае розуму, що въ хвосты.

А одного разу Базю прочытавъ имъ такую страшну кныжку, що баба и невесткы розплакалыся зи страху, а сыны геть посоловилы.

„Земля не дасть плодовъ своихъ, на скоты ваши пошлю заразу и погибнуть вамъ, а люде ваши по-

топлю. Дощи не упадутъ на землю, а земля буде якъ каминь и не выдасть плода изъ себе“...

Базьо и самъ побачывъ, що трохы перебравъ мирку и найшовъ у тій кныжци таки слова:

„Кто сей лысть пры соби мае або часто чытае, або зъ прылижностью слухае, або перепысуе, той сподобыться ласци Божій... Въ котримъ доми той лысть находыться, тамъ а-ни вогонь, а-ни вода, а-ни громъ, а-ни ніякая злая ричъ зашкодыты не може“...

Се трохы додало духа и Базеви, и баби, и невесткамъ. Вони заразы дали дякови гроши, абы имъ ту кныжку купывъ. За бабою и невесткамы подалыся вси жинкы зъ села и подавалы дякови гроши, абы и ихъ хаты булы застраховани видъ вогню и грому. Дякъ кныжки накупывъ, ще й нову бунду соби справывъ за однимъ заходомъ и нову порцелянову люльку. Потимъ що-недили чытавъ ту кныжку все въ иншой газдыни и бравъ за то дви шисткы на горилку и калачъ, абы мавъ чымъ закусыты. Вже небагато йому хыбувало, абы вси хаты обчытаты, бо лышылося хйба лышень килькы бидныхъ хатокъ пидъ лисомъ, якъ Базьо заслабъ. Кынуло його въ холодъ, потимъ у гарячку, потимъ, уповидають люде, що зъ рота выйшовъ маленький сынйй вогныкъ, и Базьо Богови виддавъ свою душу. Видай горилка въ нимъ запалылася. Досыть того, що вси жинкы за нымъ плакалы и голосылы якъ за братомъ риднымъ.

Баба Дмытрыха не довго банувала, бо сама в-осены пишла за дякомъ у ту далеку дорогу. Дидь Дмытро такы не попасавъ довго безъ бабы, бо й соби на весну помандрувавъ на могылу.

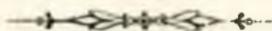
Люде за ныхъ давно забулы, бо то вже не ныни, якъ вони померлы. Лышень чытальныкы *) не разъ ихъ згадують, якъ зговорятыся за початокъ чытальни.

— То самъ початокъ чытальни заходыть ще видъ старого дида Мытра и видъ бабы Мытрыхы, и дяка Базя. У йихъ хати зачавъ дякъ першый разъ чытаты кныжечкы. Ще й теперь десь по-пидъ сволокамы заткнени „Божи лысты“ та „Луци Залывайкы“, але теперь ниhto вже йихъ не чытае, минулыся...

— Ой, минулыся.

— И та трояка солонина минулася.

— Ого, конемъ не здогонушь!

*) Члены чытальни.

ВИСТУНЫ.

То будуть стари, бидни вдовы або ихъ внуки, або стари диды, що коло своихъ дитей туляться и чують що-дня, якый вони тягаръ у хати, або то будуть молоди жинки зъ малымы дитьмы, що ихъ чоловикы покынули и десь у велькимъ мисти за ныхъ забулы. Вони будуть иты чередою въ поле, мынатымутъ хресты, що теперь ихъ ніяка зелень не закрывае, лышатымутъ за собою блыскучи, гладки, стальови дороги и будуть росходытыся по сывыхъ монотонныхъ стерняхъ, диты будуть шукаты колосся, а стари—тамтогоричныхъ ковиньокъ.

И дидъ Михайло буде йты зи своимы внукамы, зъ двома хлопчыкамы и зъ Оксаною, найстаршою мижъ нымы. Хлопци будуть якъ лошацкы то перебигаты дида, то лышатыся далеко позаду, а Оксана все буде йты разомъ. Дидъ буде несты дрантыву, чорну веритку на плечахъ и буде покашлюваты, Оксана буде маты въ руци хлибъ для хлопцивъ и для себе. То буде саме полудня, а дидъ буде все казаты Оксани:

— Се сонце, сынку, вже зъ морозомъ.

Будуть вони иты, иты и зипруться на одній ныви. Дидь стане коло межи, Оксана пиде серединою нывы, а хлопци почнуть шукаты дучь по полю, кернычокъ ясныхъ и батижкивъ та ножкивъ, загубленихъ пастухамы.

Оксана здйматиме кожний колосокъ, що надыбле, и буде вси складаты въ ливу руку, а якъ жмутъ згрубіе, то вона його буде складаты по-надъ яррокъ, абы потимъ легко найты. Вышукуваты буде долыкы, ровы, бо тамъ найбільше колосся. Сто разивъ на хвылынку буде схылятыся и буде выглядаты якъ найпыльнійша робитныця. Згодомъ зачнуть ій попередь очи бигаты жовти або сыни плямы, або одна половина нывы буде така якъ мае буты, а друга половина буде вся зелена. Вона прыстане, затулыть долонею очи и буде хвыльку стояты, потимъ нагло визьме зъ передь очей руки и вся полуда пропаде. Або вона заспивае спиванку, заспивае іи соби лышень потыхеньку зъ великымъ стыдомъ и зъ ясною радистю, що вона вже може спиваты. Класты буде ноту до ноты и слово до слова зъ дрожачею непевнистю, якъ мала дытына, що вчыться першый разъ ходыты и кладе били ноги зъ радистю по землі. А що колось здйме, то спиванку свою урве и наново іи зачне. А дидь коло межи буде тонкымъ голосомъ казаты: „не знаты, що то тамъ не дае дыхнуты, абы розризавъ груды та абы ту запеклу кровь видты выкынувъ та може бь ще проживъ трохы“...

И буде дали вытягаты ковинькы и буде кашляты и сидаты. А по-пры роботу будуть налитаты на нього думкы и за осинь, и за зиму, и за весну. Десь въ

голови зароняться таке, що винь забуде за ковинькы и за кашель.

— Якъ ѳе чымъ пропалыты въ зими, то менче ѳисты хочеться. Рано соби встань, видметы снигъ видь порога, наберы зь шипкы ковиньокъ, насыпъ пидъ пичъ та ѳ заразы у хати веселйше. Катерына зварыть кулешу, диты повстають та ѳ вже ѳе для ныхъ горяча ложка борщу та ѳ тепла пичъ та ѳ тоби, диду, межу нымы тепло. А якъ не можна липше, тѳ ѳ такъ добре. Ковинька якъ суха, то вона дуже добра...

И винь буде выпорпуваты дали зь охотою и зь бильшою сылою. Але гадка гадку буде здоганяты, и винь ихъ не виджене.

— Кобымъ не вмеръ ще докы хлопци пидростуть, то мала бь щастя, бо я бь то усе межу люде розтрутывъ, абы робыло само на себе, а дурна жинка—що вона знае? лыше плакаты! Я бь то справывъ на дорогу липше видъ неи...

Теперь винь закльче на хлопци. Воны прыбижать до нього зь выдовбанымъ гарбузомъ.

— Гей-гей, а вы чому Оксани не помагаете, а ѳисты хочете? Идить трошки коло неи грайтеся, бо ѳй скучно.

Хлопци пидуть до Оксаны, а дидь буде дали сотаты свои думкы.

— Хлопци здорови, рѳсли, абы лышь дочекатыся! Менчый—то штудерный такый якъ старый. У зими то допынаеться чобить, бо каже, що на печи ѳому не добре. Килькы смиху ѳе зь нього, що якъ бы вмеръ, то мы бь осыротилы...

Винъ буде глядиты на сонце, чы нызько спустилося, и на ковинькы, чы досыть ихъ назбиравъ. Потимъ заклыче Оксану, абы йшла помагаты йому зносыты ковинькы и оббываты ихъ видъ глыны. Воны знесуть ихъ въ одну купу и зачнуть оббываты бучкамы. Стовпъ курявы пидійметься надъ нымы, дидъ буде кашляты, Оксана буде прыжмурюваты очи, а хлопци будутъ йисты хлибъ. Въ сей часъ буде сонце надъ заходомъ. Зъ дооколычныхъ силъ прыплынуть на ныву згуку дзвонивъ и будутъ стелытыся разомъ зъ росю по стерняхъ, по дорогахъ замекають вивци и загукають пастухы, по полю будутъ орачи выкыдаты плугы зъ борозенъ и ладытыся до дому. По долынахъ здійметься сыва мряка, вороны будутъ тягнуты до садивъ въ село и псы будутъ тикаты до дому, бо вже не будутъ могты ловыты перепелыць по полю.

Дидъ Михайло буде хрестытыся и збываты порохъ изъ сорочки и дуже кашляты. Потимъ напакуе повну веритку ковиньокъ, внуку йому помогутъ ии завдаты на плечи и зйдуть на дорогу. Оксана буде несты свои снопкы колосся, а хлопци ховатымутъ у пазуху ти ковинькы, що впалы зъ вериткы. Закымъ дйдуть до дому, то пазухы имъ добре повиддувзютыся, а черева ихъ стануть чорнисиньки видъ пороху.

Въ сели воны вси подыбаються — и бидни вдовы и ихъ внуки и диды и молоди жинкы, що ихъ чоловики покынули, — вси зъ ковинькамы и зъ снопкамы колосся. Воны вистують, що осинь прыходыть.

МАЙ.

Даныло чекавъ коло билои брамы, дывывся въ панський садъ якъ злодій и не важывся зайты.

— Нибы я знаю, чы сюды можна йты, а якъ выбижить та дасть у пысокъ, а я звидкы знаю, що не дасть?

То булы биленьки, ривненьки стежки по панськимъ городи и винъ за ныхъ боявся бійкы, бо лышеньнымы винъ мигъ до двора дистатыся. Покры що чекавъ коло брамы.

Вси мужыкы, багато ихъ миліонивъ, уміють чекаты довго и терпелыво. Якъ панъ йе въ канцеляри, то вони чекають стоячы. Абы ихъ було не знаты якъ багато, то не дадутъ за себе найменшого значка жыття. Стоять тыхенько, лыця ихъ поволенькы бовваніють, а выразь зъ лыця зсувається десь на плечи пидъ сорочку. Въ стоячимъ сны вони пивпрытомни и безмежно байдужни, а урядныкъ посередъ ныхъ подобае на чорну мушку, що въ густый медъ зализла. Крайньому тому, найблызшому до урядныцького стола, найгирше, бо винъ не може запасты въ цилковытый

сонъ. Винъ що хвыли розтягае очи ажъ пидъ чупрыну и оглядається неспокійно. За нымъ пролуплюють очи й оглядаються сусиды и неспокій крайнього бушуе ажъ до остатнього, до того, що сперся на пичъ. Той крайній, якъ витерь на ныви, все неспокоить вси колоскы видъ дороги ажъ до суголовкивъ.

Якъ пана нема въ канцеляри, то вони сидають. Добро для ныхъ пивъ годынки спочываты—добро, якъ хочъ одна рука або одна нога видпочыне. Злизаються на купу и прысидають соби всяки частыны тила. Одни капелюхы трымають обережно, абы не зимнялыся. Якъ вже добре стыснуться, то починають до себе пошепки говорыты.

— Якъ бы такъ трохы покурывъ люльки?

— Лышить геть.

— А тютюнъ маете купованый?

— Въ мене на городи росте.

— Не говорить, бо ще хто почуе та...

Тоди вси запыхають руки въ пазухы и засувають свои скрутки зъ переду пазухы ажъ за плечи, бо ану жъ яка нужда пошукае! Шепты стыхають, лыця деревіють, слына выплывае зъ губивъ, а головы падають у долину. А якъ лучыться мижъ нывы який нетерплячый, то винъ такъ якъ той крайній не дасть всимъ спокійно на пидлози посыдиты. Бо або рука йому затерпне, або якась беда його въ самъ хребетъ такъ ушпылыть, що винъ не выдержыть и порушыться. За нымъ заворушатыся сусиды и гармонія спильного натыску пропадае. Почынається укладъ нигъ и рукъ на-ново и зновъ якась беда його руйнуе.

— Таки люде нетерплячи, що Господы, скаже якыйсь вытревальный и заразь такы замкне очи.

Отакъ воны вси чекають та такъ чекавъ и Даныло коло брамы, хочъ бувъ самъ одынь. На нього спадала соннисть и байдужнисть и думкы його мишались одна по-за другу. Якъ винъ ишовъ до пана, то мавъ дуже ясный плянь. Побачывшы його, винъ мавъ скинуты капелюхъ зъ головы и йты проты нього такъ якъ бузьокъ по млади *) ходыть—обережно, повольенькы, абы панського каминьчыка не вразыты. Якъ наблызтыся вже дуже, то мае вытрищыты очи на пана и дывытыся такъ, абы панъ соби погадавъ: се якыйсь дуже бидный! Потимъ прыступыть до руки, поцилуе ии зъ обохъ бокивъ, дотулытыся чоломъ долони и трохы подастыся назадъ. Спустыть плечи въ долину, шпурне капелюхъ по-за себе на землю, обитре рукавомъ губы и стане говорыты.

— Я прыйшовъ до пана найматыся. Переднивокъ **) дуже прыкрый, дитей маю четверо, а на то лышень латка города. Найматыся мую, а роботу кожну знаю, бо я заробный чоловикъ. Та просю божои ласкы та й панської, абы мы погодылыся та абы панъ дали мени корецъ орнариі ***) такы заразь, абы даты жинци межы диты, а до службы я можу заразь ставаты.

Перше слово пана буде:

— Ты видай злодій?

— Я, пане, ще чужого стебла не порунтавъ.

*) Озирце на поли.

**) Чась передъ новымъ хлибомъ.

***) Ордынариі—плата натурою.

— Чого брешешъ, лайдаку, а то жъ подумана ричъ, абы мужыкъ не кравъ?! Хиба ты не мужыкъ?

— Я цилкомъ простой мужыкъ, але я чужого не люблю кываты.

— То ты певне піякъ?

— Я зъ горилкою соби не захожу, бо нема звидкы.

— Гавкаешъ якъ песъ, та ты бы вмеръ безъ горилкы!

— Безъ горилкы не вмеръ бы, а безъ хлиба та й можна!

— Ты зъ-мудра мени видповидаешъ, бо ты бувъ у криминали, та тамъ тебе розуму навчылы.

— А най мене Богъ боронить! Я половины вику свого збувъ, а ще моя нога въ арешти не була.

— А на що жъ ты тилькы дитей натеребывъ?

— То Богъ, пани, дае диты.

— То пипъ тебе такого навчывъ?

— Я зъ попомъ соби не захожу, бо то гроши коштуе, я й до церкви не хожу, бо не маю въ чимъ.

— То ты радыкаль та й не даешъ попови зъ себе шкуру здыраты?

— Я абы хотивъ що попови даты, то не дамъ, бо не маю, а винъ абы хотивъ здерты, то не зидре, бо не мае що здерты. Мы такы не сходимося...

Винъ знавъ напередъ, що панъ мусыть чоловика зъ болотомъ змишаты, що мусыть посміятыся, ажъ потимъ прыйме його на службу. Йшовъ певный себе, ажъ коло брамы завагався. То бувъ двиръ на другимъ сели и винъ не знавъ, куды заходыты до нього. А двиръ до того стоявъ на поли и не було кого

спытаться. И Даныло чекавъ. Його ясный плянь затемнюався, винъ чухався въ потылицю и несмильво заглядавъ у городъ.

— Воны тымы стежкамы ходять соби на спаецрокъ, бо онъ якъ усыпалы пискомъ.

Його очи блукалы довго, ажъ спынылыся на павычи, що блыскотивъ передь дворомъ.

— Зъ отього хвоста мавъ бы якыйсь кгрейцирь, абы такъ забигъ та обома руки замотався въ нього... Не знаты, чы мясо його добре йисты?

Винъ оглянущь по хатахъ.

— Сей мае того поля доста та й робыть коло хлеба добре. Ба, де винъ то все подивае?

Його думкы розлиталыся на вси боки.

— Весна така красна, така красна, що разъ!

Де дали винъ ничего не спостеригавъ. Сыдивъ якъ стовпъ и чувъ, що буде спаты. Абы не датыся, винъ роздыравъ очи, потыравъ рукою лице и скидався на нещаслывого борця, що отъ-отъ здасться на ласку и неласку ворога. За часокъ звалывся однимъ бокомъ до берега и, выдко, хотивъ такъ урядытыся, щобъ нибы спаты, а нибы чекаты. Потимъ простягнувся цилый и заплющывъ очи. Не проспавъ ще й одной цилои хвылыны, якъ щось йому шепнуло:

— Спы, спы пидъ паньскою брамою та фирманъ такъ уперереже батогомъ, що кровь сыкне!

Винъ зирвався, перестрашывся, оглянущь доврола себе и ставъ якъ пидстрилений. Стоявъ секунду, махнувъ рукою й пишовъ видъ брамы на ланъ. Зализъ у траву й розложывся до доброго сну. Прывыжався йому панъ и його руки и били стежки. Панъ

йому десь казавъ, абы поклавъ капелюхъ на голову але винъ не хотивъ.

— Я, прошу пана, бидный чоловікъ, я не можу покласты капелюха на голову, бо я бидный, такой бидный чоловікъ...

Солодкий сонъ нагонывъ ти прывыды, и винъ спавъ спокійно.

Сонце реготалося надъ нымъ, посылало до нього свои проминня, пестыло його якъ мама ридна. Квиты цилували його по чорнимъ нечесанимъ волосю, польови конькы черезъ його перескакували. А винъ спавъ спокійно, а чорни ноги и чорни руки выглядали якъ прыроблени до його цеглястого тила.

ПАЛІЙ.

I.

Сильський багачь Андрій Курочка сьдивь коло стола й обидавъ—не обидавъ, а давься кожnymъ шматкомъ. Домашня челядь входила до хаты, вносила заболочени цебры, сварылася, метушылася и выносыла ихъ мижъ худобу. Багачеви диты и слугы булы брудни и марни. Вони двыгали на соби необтесане и тяжке ярмо мужыцького багацтва, котре николы не дае а-ни спокою, а-ни радости ніякои. Самъ багачь найгирше томьвся у тимъ ярми, найбільше проклинавъ свою долю и безнастанно пидганявъ своихъ дитей и наймытивъ.

Коло нього на лави, пидъ викномъ, сьдивь його довголитный робитныкъ, старый Федирь.

— Я николы не маю такой щасливои годыны, абы я спокоемъ шматокъ хлиба прожерь. Бигаю та вганяю та лышь десь уздрьте, що впаду та й здохну! А мени жь отся йида мае йты въ смакъ, якъ я знаю, що вони безъ мене въ стодоли ничего не роблять? Лышь абы нажертыся та день тратыты! Що вже чу-

жымъ казаты, якъ свои диты—та й воны не хотять робыты! Я, бигме, не знаю, якъ сей наридь мае на свиты жыты? Все пиде на жебры.

И халасувавъ, ажъ йому очи вылазылы.

— А вы чого, Федоре, надходылы?

— Вы не знаете, яки наши ходы? Зима йде, а я босисинькый, та дайте мени два левы на видробокъ.

— А вы жъ годни робыты? Вже ваша работа скинчылася, Федоре.

— Най бы я й не робывъ, лышь кобы хто давъ йисты за дурно.

— Се ни! Сьогодни за дурно нема йисты, сьогодни й за роботу не вартъ даты йисты, така та работа! А казавъ я вамъ: наймитъ у мене дивку, булы бъ вы теперь малы свои гроши.

— Колы жъ бо не хотила та й пишла до двора.

— Таже певне, хто не хоче робыты, тай пхається до двора, бо хочъ йисты тришкы, але можна валятыся. Бидни люде таки насталы, що лышь абы разъ на день йивъ, але абы ничего не робывъ, та й тоди рай! Якъ роблять, такъ и мають, такъ имъ Богъ благословыть. Сьогодни бъ у вужевку скрутытыся, абы щось маты... Та тыхъ два левы я ще вамъ дамъ—що буду зъ вами робыты: може якось видтрукыте; але бильше не прыходьте й не бануйте, бо не дамъ. Сами выдыте, що ваша работа ни-почому.

— Та я, Андрію, мусю коло людей тулытыся, а де жъ я подинуся?!

— Дивайтеса, де хочете, а межы газды *) вы вже

*) Газда—господарь.

не здатни. Шукайте собі службы у жыда або въ пана—тамъ работа легша.

— Вы мени гарно радыте! Якъ я сылу коло васъ лышывъ, абы я на старистъ ишовъ жыдамъ воду носыты?

— За дурно вы мени не робылы.

— Отъ, бувайте здорови.

И Федиръ выйшовъ зъ хаты.

— Ну, та си жебракы все бъ забрали! Таке воно кашлыве та заслынене, що ципа въ рукахъ негодне вдержаты, та й ще воно кокошыться! Йды на зламану голову! гадае, що я гроши кую, або краду!

Федиръ чалапавъ до своеи хаты та не перестававъ шепотиты.

— А я жъ, Андрійку, де сылу пустывъ? Чы я ии протанцювавъ, чы я ии пропывъ? Таже вся вона сила въ тебе, на твоимъ подвирю. А я жъ, Андрійку, де сылу пустывъ?

Въ хати скынувъ чоботы та й лигъ на постиль. Лежавъ до самого вечера и безъ вечери заснувъ. Але ще пивни не спивалы, якъ винъ зирвався, гримнувъ клубамы объ дошки, зновъ лигъ и зновъ зирвався. Черезъ маленьке виконце глядила на нього осиння ничъ. Десь то й не ничъ, але чорна жура, що голосыла по куткахъ хаты й дывылася на нього сывоватымъ, немылосерднымъ окомъ. Воно його такъ сципыло, що винъ не мигъ рушытыся, й показувало йому нибы образы на виконци, нибы прывыды у повитри.

Ото, сыдыть винъ мижъ маленькымы жыдыкамы, дозырае ихъ, пестыть, а воны його тягають за чупрыну, плюють у лице...

...То зновъ клячуть винъ у церкви, у тимъ кути, де жебракы чоламы обь пидлогу грымають. Винъ грымае ще голоснійше, а вси жинкы йдуть до нього и дають кожна по буханцеви хлиба. Винъ ихъ кладе въ пазуху, кладе и стае такой шырокий, що люде розступаються. А йому стыдъ, стыдъ, а чоло такъ болыть!..

О, винъ иде городомъ Курочки—не йде, а скрадається пидъ стодолу. Вытягае сніпокъ изъ стрихы, насыпае въ нього зъ люльки вогню й тикае, тикае... Чуе по-за собою, неначе очыма выдыть, що з-пидъ стрихы вылызуется маленький, червоный язычокъ—вылызуется й ховається...

— Ой, йой! йой!

Той язычокъ запикъ його у самый мозокъ. На сылу винъ вызволився зъ невыдыхъ кайданивъ, зирвався й подывився у виконце. Воно якъ кать прощыбало його на-скризь. Зновъ звалыть и буде мордуваты своими образами. Настрашывся, не бачывъ ніякого выходу, звертився, абы десь утекты. И передъ нымъ нибы якись ворота розчынылыся, йому стало легше й винъ борзенько подався у нихъ.

II.

Може мавъ шиснадцять литъ, якъ ишовъ изъ своего села. Такой яснои дныны, такого веселого сонця винъ никола вже не бачывъ. Воно пестыло зелени травы, сыни лисы й били потоки. Оглянувся на село. Кобы хто прыйшовъ и сказавъ одно слово, то й вернувся бъ, ой, то-то вернувся бъ!

— Винь мене бье, катуе, йисты не дае, ничего на мене не покладе,—лунавъ його голосъ по зеленыхъ травахъ.

— Бодай-же васъ, тату, земля не прожерла!

И ще скорише пишовъ. Мынувъ сильськи поля, помынувъ ще два села и зъ горба побачывъ мисто, що вылыскувалося проты сонця, якъ змій блискучый...

Уси дывувалыся його сыли й боялыся. Жыды не потручувалы, а робитныкы не побиралы на смихъ и не робылы збыткивъ. Шпурлявъ михамы якъ галушкамы. Отакъ день видъ дня то зъ брыкы до шпыхлира, то зъ шпыхлира на брыку.

— Хребеть мени трискае видъ тыхъ михивъ!

— Пый горилку, та затерпне.

И справди видъ горилкы хребеть затерпавъ, якъ бы рукою видняло.

А въ недилю и свята йшовъ зъ товариствомъ до шынку. Ти шынкы стоялы за мистомъ, мижъ селомъ и мистомъ. Кто не мавъ уже примистя въ сели, той вандрувавъ насампередъ сюды, а хто не мавъ що въ мисти робыты, то вертався такожь сюды. Бо то не було а-ни село, а-ни мисто.

Бувалы тамъ забавкы по тыхъ шынкахъ!

Зразу паны зъ миста передъ водылы. Розповидали про свои давни достаткы, про те, килькы зъ цисарськой касы що першого грошей побиралы, яки шаты носылы. Мужыкы слухалы, частувалы горилкою зъ велькой пошаны. Але якъ трохы пидпылы, то выломлювалыся з-пидъ ихъ моральной власти й тоди панамъ прыходылося круто.

— А ну, паны, охота! Хапайтеся за шыи та гуляйте намъ тои полькы, най мы выдымо, якъ то межу такимъ великымъ панствомъ водыться.

Паны гулялы—мусилы, мужыкы обступалы ихъ колесомъ и реготалыся, ажъ корчма дуднила.

— Гопа дзись!

— Ище разъ!

— Полегеньку, плавно вразъ!

— Говъ, доста! Теперъ пийте горилку, забирайте свои панськи воши по кышеняхъ та й маршъ изъ корчмы, бо мужыкы хотять соби сами межу собою погуляты!

И паны якъ зайцы высувалыся.

— Я тыхъ панивъ умію рыхтуваты—то таке легеньке якъ пирья; подуй—воно полетило.

— Гей, Юдо, давай горилкы, давай пыва, давай гараку *), бо мы знаемося!

Жыдъ борзенько накладавъ усього на стиль и заразъ видбиравъ гроши.

— Ты, безклубый, ты чого ревешъ? за клубомъ? Пый та й запры соби губу, бо въ мене забава!

Безклубый ище гирше заревивъ.

— Тыхо, бо бытыму!

— Нё-рушь?

— А то котрый, гей?!

— А ты що за панъ?

Федиръ уставъ из-за стола и триснувъ того напастного въ лице.

— Ты въ недилу перешъ? Та то грихъ!

*) Рому.

И ударомъ лавки звалывъ Федора на землю. Зробылся дви партіи. Въ корчми все заворушылося. Жыдъ утикъ, горилка булькотила на землю, столы й лавки почервонили видъ кровы й поломани падалы. А въ болоти зъ слыны, горилкы й кровы лежалы обыдвипартіи й стогналы. Лыше Безклубый сыдивъ у куточку й ревивъ якъ вилъ.— не знаты за кымъ и за чымъ.

Незабаромъ прыбигла полиція й тверезыла голоднякывъ. Зъ гиркою бидою пидіймала на ноги, потимъ однимъ махомъ звалювала зъ нигъ. Голоднякы падалы якъ дубы, а пидносылыся якъ глына. Якъ ихъ протверезылы, то провадылы до арешту.

Йихавъ дорогою по-мижъ полямы на брыци михивъ. Пшеныцй й жытѧ, якъ золоти и срибни гаи, пидъ легкымъ витромъ до себе клонылыся. По золоти й по срибли плавалы легеньки, чорни хмаркы, якъ тонка шовкова сить. Море сонця у морю безмежныхъ ланивъ. Земля пидъ колоссямъ лящала, спивала, словамы говорыла.

— Мошку, на вижкы, бо йду соби геть!

Зискочывъ зъ брыкы й пишовъ межамы по-мижъ жытамы. На вечиръ зайшовъ до Андрія Курочки.

— Ты, певне, або злодйй або лайдакъ, бо добрый не йде изъ свого села й не блукае свитами!

— Ось побачите! Тато що по панщыни не пропылы, то голодныхъ рокивъ попродалы та й прыйняли зята до сестры та й умерлы, а зять доты бывъ, ажъ я утикъ видъ хаты.

— А у васъ, у Бойкивъ *), бачу, коровамы орють?

— Ни, то видай ще за намы йе нимци, та воны коровамы орють.

— Та скынь постолы та вынесы кожушыну до хоримъ**), абысь не напустывъ нужи, та й лягай. А церква у васъ така, якъ у насъ? и пипъ йе?

— Такъ саме, якъ у васъ.

— Та буду выдиты, який ты вдався. Не будешъ порушлывый, а роботы не боятымешся, то найму тебе.

Найнявся. Село пизнало його, що не злодій, що робитныкъ добрый, що добре на себе статкуе и прыйняло за свого. А винъ пизнавъ, якъ котре поле называється, чые воно, чы вымокае, чы высыхае, хто въ сели найлипший злодій, хто найбільший багачъ— и зробывся сільськый.

Послужывъ килька литъ, а добри люде зачалы йому радыты, абы ставъ газдою.

— Ты не будь дурный, а якъ дае кавалочокъ города, а дивка годна й постарана, та й беры. А маешъ гроши заслужени, а ще прыробышь, та й клады соби хату. А най вона буде якъ куча, але твоя! А чы дощъ чы зима, чы такы такъ нема роботы, то вже ты не кукаешъ из-за багацького кутка и не гнешъ по яслахъ, бо ты маешъ свій куть. Слухай мене старого...

.

Оженився, будовавъ хату и трискавъ видъ роботы, видъ своен и чужои. Носывъ дошки на плечахъ зъ миста,

*) Пидгирськи галычане.

**) Хоромы—сины.

видроблявъ стари сніпки, що взявъ на стриху й зароблявъ гроши то на викна, то на двери. Два роки минуло, заки поклавъ хату. Хатчына маленька, непоказна, выглядала мижъ другымы хатамы, якъ бы хто пустывъ межы [громаду гарныхъ птахивъ маленьку кострюбату курочку. Але Федорови вона й такъ була мыла...

.

Минуло кильканадцять рокивъ, а передъ Федорову хатчыну прынесли люде червони корогвы. Въ хати на лави лежала його Катерына — велька и груба, ажъ страшна. Федиръ трымавъ коло себе двое дивчатъ: одиннадцатылитню Настю й восьмылитню Марійку, и все ихъ пытався: що маемо, донькы, безъ мамы діяты? Котра зъ васъ батькови обидъ зварытъ?

А якъ жинку клалы въ труну, то винъ зарыдавъ

— Берить ии полеженьку, бо въ неи тило дуже зболене. Ой, Катерынко, я еще не встыгъ добре зъ тобою наговорытыся, а ты огнивалася та й пишла соби видъ мене.

Винъ прыпавъ до небижки й цилувавъ ии въ лице.

— Люде, люде, я до неи николы слова не заговорывъ, я за роботою за ню забувъ та й за бесиду. Просты мени, Катерынко, прыятелю мій добрый!

Плачъ жинокъ выбигъ изъ хатчыны далеко на село.

— Вона, люде, якъ пишла за мене, то такъ якъ пидъ воду пирнула, ништо ии вже не выдивъ межы людьмы. Ажъ теперь вырнула межы вами—на лави.

Я до неї николи марного слова не заговоривъ, са-
мого маленького!..

И ще минуло килька литъ. Одного вечера прый-
шла зъ службы Настя. Федиръ глянувъ на неї и
зблїдъ.

— Насте, небого, а ты жъ сама, а чоловикъ
твій де?

Настя зарыдала, заголосыла, а винъ слова бильше
до неї не сказавъ. Ажъ якъ їи видпровадивъ до
миста на службу й розходився зъ нею, та тоди
заговоривъ.

— Дай тобі Боже, дытынко, якъ найлипше, але
дывыся, абы ты дытыны не стратыла, бо стыду вже
не покрешъ, а гриха неспасеного докупышся. Та
переказуй, якъ тобі тутъ буде...

А roky йшли, не стоялы. Федиръ не выпускавъ
изъ рукъ ципа цилу зиму, чепигъ не выкыдавъ цилу
весну, а косы циле лито. Кости болилы, кинци ихъ
стыралыся й пеклы. Але недїля ставала на порату-
нокъ, бо въ недїлю винъ ишовъ пидъ вышню, лягавъ
на зелену траву, а вона высысала въ землю той
биль. Та прыйшовъ такой часъ, що недїля не годна
була направыты того, що будни попсувалы, а трава
не могла высаты того болю, що зафикся въ старыхъ
костяхъ. А ще всельвся кашель, що не покыдавъ
його ни коло косы, ни коло плуга, ни коло ципа...

Розвяднялося, виконце побилїло, а Федиръ вернувся

зъ далекои вандривкы свого минулого жыття. Вмывся, помолывся и збирався йты до двора.

— Наймуся у пана видъ весны, возьму на чоботы и трохы орнариі та й якомсь я перезимую, закъ пиду до службы.

III.

По сели били, вузеньки стежки вси хаты до купы повязалы, лышень Федорова хата стояла по-за ситею стежокъ, якъ пустка. Федиръ зимувавъ якъ ведмидь. Рано встававъ на годину, абы затопыты и зварыты соби йсты, а потимъ цилый день и цилу ничъ перележувавъ на печи. Де дали заводылося въ зиму, тымъ бильше винъ сходывъ на дытынячый розумъ.

— Теперь, Федоре-небоже, встань та украй соби гриночку хлиба, але тоненьку, панську, бо ты, выжу, зголоднивъ.

Винъ сміявся, злазывъ зъ печи и краявъ хлиба та дывывся до викна, чы вона тоненька, панська.

А темныхъ, зимовыхъ ночей винъ голосно, на всю хату, говорывъ страшни речи.

— Село вымерло що до щенту, а я соби гадкы не гадаю, у той бикъ не дывлюся!

Але власни слова переймалы його перелякомъ, винъ питнивъ изъ страху и скакавъ зъ печи до виконця, абы переконатися, чы въ корчми йе свитло? Заспокоившыся винъ вертався на пичъ.

А якъ пробуджувався въ ночи зи сну, то немигъ спамятатыся, забувавъ за себе й ажъ якъ гримне кулакомъ до сволока, то прыходывъ до памяти.

Тои зимы його хатына заплонила опырямы, прывыдамы й марама. Воны гулялы по хати якъ збыточни диты. Вылиталы до синей и выстуджувалы хату, выбигалы кризь пичъ на горыще й товкляся ажъ стеля лупалася, дзвонялы у викна, абы його заманыты на двиръ. Винъ не давався, намагався не боятыся, тоди воны выбигалы на пичъ и щыпалы його, душылы и въ ротъ онучи запыхалы. Однои ночи злетилыся до хаты вси чорты. Гулялы ажъ хата дрижала, а витеръ такый здйнялы, що винъ замерзавъ на печи. Потимъ позасидалы по-за стиль и повывалювалы зъ утомы языки таки сами, якъ той маленький язычокъ, що винъ його поклавъ пидъ Куроччыну стодолу. Винъ лежавъ якъ мертвый, ажъ якъ пивни заспивалы, то винъ ледве пиднявся й зачавъ молитвы говорыты. Але и пры молитви воны йому не давалы спокою. Винъ не мигъ нагадаты такыхъ молитовъ, що ихъ найлипше знавъ, винъ забубавъ навить хрестытыся. Ти мары такъ його змордувалы, що якъ прыйшла весна, то винъ ледве дыхавъ и побилывъ якъ папиръ.

— Треба браты грошей видкы голова, та посвятыты хату, бо тутъ нечысте злизлося зъ цилого села на купу. Выпылы зъ мене кровь, що витеръ мене зъ нигъ изгонуть!

Якъ весняне сонце заблысло, то винъ смарувавъ чоботы, латавъ сорочки и пливъ волокы до постолывъ и тишывся, що разъ уже пиде до службы.

— Уберуся, вбуюся гарно та й до двора! Прошу вельможного пана, стаю до панської службы.

— Добре, Федоре,—десь видповидавъ йому панъ,—

ты, выжу, слушний чоловікъ, колы ты якъ прыпысь вельты на службу стаешъ.

И Федиръ, латаючи сорочку, солодко усмихався.

IV.

Федиръ стоявъ насередъ панського току й сумно дывывся за рядомъ плугивъ, що высотувався зъ брамы якъ ланцюхъ, у котримъ зализо споювало м'ясо людське зъ м'ясомъ воливъ.

— Уже мое орання скинчлося! Старе вогныво, тай выкынулы, бо ланцюхъ середъ дороги урвався бъ!

Похытавъ головою та й пишовъ до стодолы браты свынямъ зерна. Черезъ цилый день на току було тыхо. Лышень видъ наймыцькыхъ хатокъ доходдылы крыкы бабивъ и плачь дитей.

Якъ бы хто зъ села повыбиравъ що найгирши хаткы, а до ныхъ загнавъ що найобдертйшыхъ мужыкывъ и найжовтйшыхъ жинокъ и додавъ ще голои дробыны—дитей и все те поставывъ блызько одне одного на купу, то мавъ бы правдывый образъ тыхъ хатокъ изъ ихъ мешканцямы.

Федиръ зъ току дывывся на ти хаткы и щось заперечывъ головою.

— А де жъ я бъ тамъ ишовъ у таке пекло! Я соби буду спаты у стайни, теперъ зими нема. Не пиду я туды, въ ту пропасть.

Вечери пишовъ до стайни. Коло ясель стоялы волы двома довгымы лавамы й линыво жувалы сино. Коло кожныхъ чотырьохъ сыдивъ погоничъ и дозыравъ, абы пидъ себе не выкыдалы. Мижъ тымы ла-

вами сѣдили на земли плугатыри й сивачи. Латалы соби постолы, стягалы мотузками сердцачыны й направлялы истыкы. Кожный коло чогось ныпавъ. Коло ныхъ прысивъ Федиръ. Воны одынь по одному падалы на солому, за нымы переверталыся въ ясла погонычи, а за погонычама йшлы плугатыри. Въ стайни запановувавъ тяжкый видпочынокъ, що по втоми зъораныхъ ланивъ падае на стайню якъ тяжкый каминь. Федиръ такожъ засунувся передъ воны.

— Свынару, гей, а маршь з-передъ воливъ межы свыни! Ще тоби лижко стелыты! Твоя Марійка добре нась рыхтуе. Тикаеться якъ сука зъ фурманомъ, та выдае йому що найлипше, та ще й ты прылизъ на нашу голову? Маршь з-передъ воливъ!

Федиръ вылизъ изъ ясель и лигъ пидъ брамою на вязку соломы. Забута кривда въ тій хвыли пробудылася.

— Грихъ матымешъ за мене, Андрию, грихъ...

Стайня стогнала, позихала, зи сну говорыла. Такъ тяжко дыхала, якъ бы десь глыбоко, въ земли, душылыся тысячы людей.

— Молыся за мене, най мене Богъ хороныть, най мене направыть на липшый розумъ, бо тебе спечу у вогни якъ пацюка, бо маешъ тры дни попиль за своимъ багатствомъ згортаты...

Надъ раномъ и винъ скотывся въ чорну пропасть стаенного сну.

V.

Федиръ потимъ никола не ходывъ до стайни й не говорывъ зъ наймытамы. Спавъ у стодоли й не по-

казувався на очи. По Велькодни Марія виддалася за фурмана й переходыла зъ нымъ на службу до другого пана. Федиръ выйшовъ зъ нымы за браму й прощався.

— Маріе, а памятай, що я хату пры людяхъ Насти видкажу, абы ты ии не выгоныла, бо вона, бидна, одна одыныця!

И вернувся. Въ хливи, абы ништо не бачывъ, заплакавъ.

— Теперь жый зъ кымъ хочешъ!

Тои дныны впывся и прыйшовъ до стайни.

— Гей, скарбовяне, теперь мене не выгоньте, бо вже моя Марія помандрувала.

— Хто бы васъ выгонывъ, отъ лягайте та спить, колы набрали повну голову.

— Певне, що п'яному добре спаты, такъ и Богъ прыказавъ. Але ты кажешъ иты спаты, а я тебе пытаюся, де я маю йты спаты? Якъ ты така мудра голова, то ты мени скажы, де маю йты спаты?

Винъ ажъ носа Процевого дотулывся, такъ близько прысунувся зъ своимъ пытаннемъ.

— Де впадете, тамъ будете спаты.

— А якъ бы я такъ у яселця, га?

Винъ злобно засміявся.

— Я въ ясла, а ты мене за гырю та въ шыю та букомъ: а маршъ, старый псе!

Погонычи повылизали зъ ясель, абы дывытыся на комедію.

— Бый зъ ясель, бо ты тутъ гнывъ та й маешъ зогныты, бо ты не знаешъ, що то йе чоловикъ—ты виль, ты хаты николы не выдивъ! Ты порядного чо-

ловика зъ ясель букомъ! Але ты мене запитаешся: а де ты, васпанъ, до теперь бувъ? А я тоби кажу: бувъ я межы людьмы, любо мени було. Але ты кажешъ: а чого жъ тебе люде видъ себе прогналы? Отутъ гудзъ! А я тоби на се ничего не скажу, лышь тры слови: нема у людей Бога. А ты глова розумна тай усе вже знаешъ...

— Идить, старый, спаты, не гнить дурныць, а завтра пидемо въ село на выбиръ, та мы тыхъ багатчыкывъ трохы намнемо.

— Я на выбиръ пиду и людямы усю свою кривду скажу, але въ ясла не пиду, бо я тамъ не маю гныты. Я знаю липше гатунокъ, якъ ты, я бильше свита выдивъ, якъ твй панъ. Але чекай, я тоби буду казаты якъ на суди. Я бувъ помыйныкъ жыдивськый, я валявся пидъ жыдивськымы лавама, по всихъ криминалахъ. А Богъ най пыше грихъ, а я не боюся, я за все видповимъ, такъ видрубаю, якъ першому липшому. А мене хто на розумъ учывъ, га? Колы мене лышь чымъ выдилы та тымъ byly! Не бйся, я выкажу, я выкажу тоби що до крышки. Но, але давъ мени Богъ такой розтулокъ у голови, що я прывернувся назадъ до нашої виры. Якъ я уздривъ його ласку небесну по полю, якъ жыто просылося пидъ серпъ и земля ажъ пыщала: йды, Федоре, беры зъ мене хлибъ,—то я лышывъ жыда середъ дороги та й пишовъ до божои роботы. Дякую Господеви й до сьогонди!

Винъ хрестывся, цилувавъ землю й бывъ поклоны.

— Прышовъ я межы наши люде, а мени свить розтворывся! То-то я зъ нымы гарувавъ! Оженився, поклавъ хату зъ сього мозыля. Вже мае мени буты

добре. Але грихы треба видпокутуваты, Богъ букомъ не бѣе! Умерла мени Катерына, но, ничего, його воля, розказъ. Тишуся дитьмы, годую, забигаю—выгодувавъ, а люде взяли та й знівечылы. Пишла моя Настя ни сякъ ни такъ, пишла зновъ по жыдахъ, а Марія, отъ, помандрувала зъ отымъ ляхомъ. Бидуватыме. Але ничего, най мене Богъ скарае, якъ що кажу. Кара мае буты!

— А я лышывся босый! Иду я до нього у таку плюту: дай мени грейцирь, най ноги вбую. А винъ мени каже: йды до жыдивъ. Прыйшовъ я до васъ, а вы мени: маршъ! А куды жъ я маю теперь иты?! Карае Богъ, карають люде, караете вы, а я стилькы кары не годенъ вытрыматы!

— Идить, диду, въ ясла, мы васъ просымо.

— Най буде кара на мене, я ии прыймаю, але по правди!

Винъ роздеръ сорочку въ пазуси, скинувъ ии й шпурывъ пидъ волы.

— Теперь дывысь, яку мени шкурочку багачи лышылы. Та чымъ тутъ жыты? А що жъ тутъ йе вже караты?!

Винъ голый перевернувся на землю. Наймыты його прыкрывалы, чымъ малы найлипшымъ.

VI.

Коло громадської канцелярії стоялы дви купи. Одна обдерта, чужа на сели, апатычна, друга чыста, била, охоча—наймыты и газды. Зъ одной и другой

купы хтось выклькуваний заходывъ до канцеляріи й голосувавъ. Экономъ ажъ захрыпъ, бо кожному наймотови мусивъ называты пана, вїта й жыда. Жандармы снувалыся й усъмнхалыся, якъ колы бѣ малы передъ собою дытячу забавку.

— Ну, хлопци, теперъ уже выбралысте пана, сидайте та й пытымете горилку,—сказавъ экономъ. Газды здїянылы галасъ.

— Ото вошыввци, ото жебракы, ото худоба панська!

— Гей, чуєте, якъ багачи рыплять?

— Най рыплять, а мы пймо горилку.

— Та пййте грань, пййте кровь свою, злодюгы!

— Мы горилку воліємо!

— Ото намъ паны вышукалы право, абы голодныкы розбоемъ ишли на село!

— Ты, чытальныку, ты гадаешъ, що я не бувъ у чытальни? Таже й тамъ бидный наридъ стоить коло порога. За столомъ сыдыть пипъ, старши браття, багатчыкы, а дякъ чытае ти газеты, а вы покывуєте головами якъ волы, нибы щось вы зъ того розуміете. А то одынъ зъ другимъ такой дурный, хочъ йому око выколы! То така чытальня ваша, що багачъ за столомъ, а наймытъ коло порога. Та мы маемо зъ вами буты?

— Хлопська голова не до пысьма, а задъ не до крисла!

Наймыты зареготалыся.

— А тыхо жъ вы, невмывани, впередъ воши повыбывайте, а потимъ учить газдивъ розуму!

— Гей, ты, Курочко, то ты такожъ за людмы? Таже ты гирше жыда? Чого горланышъ?! Не бїйся,

твое багатство пиде марне. А нагадай соби, якъ я служывъ у тебе, та мене видъ твои роботы хороба нагрила. А чы ты мени за цилый тыждень вынись букаточку хлиба або воды напытыся? Та ты зъ людьмы трымаешъ? Я въ тебе всю сылу лышывъ, а ты мене выгнавъ босого на зиму! Таже ты гирше жыда, бо то рахуеться не наша вира! Але пустять твои диты те багатство, що зъ нього слиду не буде! Ты кальвине!

Курочка гримнувъ Федора въ лице, та такъ, що його обилляла кровь и винъ впавъ.

— Хлопци, а ну багачеви трохи боки намнемо!

Вхопылы наймыты Курочку, постоялы за Курочкою газды, потекла кровь...

VII

Федиръ лежавъ у свой хатыни на постели. Очи його горилы якъ грань видъ червоныхъ язычкывъ, що тысячама вогныкывъ розбигалыся по тили и смажылы його на вуголь. Ти язычки якъ блискавки литалы по всихъ жылахъ и верталыся до очей. Грызъ кулаки, бывъ чоломъ до стины, абы вогонь зъ очей выпавъ.

Запалывся, чувъ, що зъ нього бухае поломинь, хапався руками за очи. Одынъ страшный крыкъ, надлюдський зойкъ! Язычки вылетилы зъ тила и прылыплы на шыбкахъ виконця. Зирвався. Виконце червонило якъ свижа рана и ляло кровь на хатчыну.

— Все мое най выгорыть! Все, що я лышывъ на його подвирю.

Винъ скакавъ, танцювавъ, реготався.

Виконце дрижало, тряслося и що разъ бильше
той кровы напливало у хатчину.

Выбигъ на поригъ.

Звизды падалы на землю, лись скаменивъ, а десь
з-пидъ земли добувалыся стекли голосы и заразь
пропадады. Хаты ожылы, дрижалы, смажылыся въ
огни.

— Я чужого не хочу, лышь най мое выгорыть!

СМЕРТЬ.

Якъ глуха осинь настала, якъ зъ лиса все лыстя опало, якъ чорни вороны поле вкрылы—тоди до старого Леся прыйшла смерть.

Умираты бѣ кожному, смерть не страшна, але довга лежа—ото мука. И Лесь мучывся. Середь своеи муки винь то западався въ якийсь другый свить, то вырынавъ зъ нього. А той другый свить бувъ болючо дивный. И ничымъ Лесь не мигъ спертися тому свитови, лышень однимы очыма. И тому винь нумы, блыскучымы, змученымы такъ ловывся маленького каганця. Вязався очыма, держався його и все мавъ страхъ, що повикы замкнуться, а винь стримголовъ у невыдиный свить звалыться.

Передъ нымъ на земли сыны й донькы покотомъ поснули, не могли стилькы ночей не спаты. Винь держався каганця зъ усеи сылы й не давався смерти. Повикы велькымъ тягаремъ зайшлы по-надъ очи.

Винь выдыть на подвирю багато малыхъ дивчатъ, кожна въ руци жминку квитокъ трывае. Вси глядятъ идъ могыли, смерты выглядють. Потимъ вси очи

повертають на нього. Хмара очей, синихъ и сывыхъ и чорныхъ. Та хмара плыве до його чола, гладить його и простужуе...

Продеръ очи, ймывъ жылу на шыи мижъ пальци, бо голову зъ пличь скидала, й погадавъ:

— Ади, се жъ ангелы передъ смертю показуються. А якъ винъ гадавъ, а каганецъ утикъ зпередъ очей.

Поле ривне, далеке, пидъ сонцемъ спечене. Воно воды просыть, дрижить и усиляке зилля до себе клоныть, абы зъ нього воды напытыся. Винъ оре на ныви й рукамы чепигъ не може вдержаты, бо палыть його спрага у горли. И воливъ палыть, бо ротамы вохку землю рють. Руки видъ чепигъ видпадають, а винъ падае на ныву, а вона його на вуголь спалюе...

Каганецъ выпровадывъ його зъ того свиту.

— И не разъ тай не два я на поли безъ воды погыбавъ, у Бога все запысано!

И зновъ запався.

По-кинець стола сыдыть його небижка мама тай писню спивае. Потыхо та сумно голось по хати стелыться й до нього доходыть. То та спиванка, що мама йому маленькому спивала. И винъ плаче, и болыть у серци, и долонямы слъозы ловыть. А мама спивае просто въ його душу и вси муки тамъ зъ тымъ спивомъ рыдають. Мама йде до дверей, за нею и спивъ иде й муки зъ души.

Тай зновъ каганецъ показався.

— Мама изъ того свиту мае прыйты тай надъ своею дытыною мае заплакаты. Таке Богъ право имъ выдавъ.

Ноги болилы видь студены, винь хотивъ на ныхъ кожушынку накнуты тай середь того очи йому згаслы.

Горлати дзвоны надь нымъ дзвоняць, крысамы головы доторкають. Голова йому розскакуеться, зубы зь рота вылитають. Дзвониви серця видрываються видь ныхъ и падають йому на голову и раняць.

Розплющывъ очи—страшни и безпрятномни.

— Я обицывъ купыты дзвинь, абы по селу вогонь вистывъ, але роки булы цупко тисни тай я все не спромигся. Просты мени, Господы мылосердныи!

И на-ново скотывся у пропасть.

Зь горы, зь высоченной высокосты, снопы ячминни карбутомъ на нього падають. Падають и закыдають його. Остына лизе въ ротъ, у горло. Палыть червонымы голкамы и все коло серця сходытья й пече пекельнымъ огнемъ и риже въ самисиньке сердце...

Розвивъ очи вже мертви й безсвитни.

— Мартынови не давалы заробленого ячменю и той ячминь мени смерть робыть.

Хотивъ крыкнуты на диты, абы Мартынови ячминь виддалы, але крыкъ кризь горло не мигъ продертыся, лышь горячою смолою по тили розходывся. Вывалывъ чорный языкъ, захавъ пальци въ ротъ, абы голось зь горла вывесты. Але зубы клацнулы й заципылыся и пальци затыслы. Повикы впалы зь громомъ.

Викна въ хати видчыняються. До хаты всотуеться била плахта, всотуеться безъ кинця и миры. Ясно видь неи, якъ видь сонця. Плахта його вповывае якъ маленьку дытыну, впередь ноги, потимъ руки, плечи. Туго. Йому легенько, легенько. Потимъ зализае въ

голову и скобоче въ мозокъ, всотується въ кожный суставъ и мякенько выстелюе. А на-кинець горло обсотуе все тугйше, все мицнйше. Витромъ довокла шыи облитае и обсотуе, обсотуе...

КЛЕНОВИ ЛЫСТКЫ.

I.

Постиль застелена полотномъ, коло стола на задній и передній лави засилы кумы, на краю печи рядкомъ диты. Вони попускалы рукавы якъ стадо перепельць, що спочывають, але все готови летиты. Кумы за те сыдилы якъ вкопани, лышень рукамы досягалы хлибъ, або чарку горилкы, але й руки найрадше не рухалыся бъ, лышень спочывалы бъ зигнени въ кулакъ на колинахъ. Не радо вони бралы хлибъ и чарку. Каганецъ блымавъ на прыпичку й потворывъ зъ кумивъ вельки, чорняви тини й кынувъ ихъ на стелю. Тамъ вони поломылыся на сво-локахъ и такожъ не рушалыся.

Коло стола схылений стоявъ Иванъ, господарь хаты и тато маленькои дытыны, що ии охрестылы.

„Будьте ласкави, мои кумы, та зажыйте ще по одной. Хочь се не горилка, але болото, але зъ мужыкомъ то такъ завше: що де у свити йе найгирше, то винъ мае те спожыты, що де у свити йе найтяжше, то винъ мае те выконаты...“

— На то мы рожени—видповидали побожно кумы. Якъ чарка обійшла колю, то Иванъ ии поставывъ лигма коло пляшкы, бо боявся, абы не впала така маленька на землю.

„А закусить... Тай дывиться, якый мене клопить найшовъ у сами жныва, у самый вогонь. А я, бигме, не знаю, що зъ сього мае буты?! Чы маю лышыты жныва тай обходыты жинку и варыты дитямъ йисты, чы я маю лышыты ихъ тутъ на ласку божу тай тягнуты голоденъ косою? Бо вже мое таке мае буты, бо у такый часъ ниhto до хаты не прыйде за вельки гроши. На тоби, Иване, дытыну тай радуйся, бо ще ихъ мало маешъ!“

— Не нарикуйте, куме, та не гнивить Бога, бо то його воля, не ваша. А диты—пина на води, щось на ныхъ трисне—тай понесете вси на могылу.

„У мене не трисне, але тамъ, де йе одно, тамъ трисне. Жебракъ абы такы не тулывся до жинкы, абы не дывывся у той бикъ, де жинка, то бь найлипше зробывъ! Тоди й Богъ не дастъ..“

— Куме, вы се пuste говорыте, такъ николы не буде, бо люде мають плодытыся.

„Кобы жь то люде, а то жебракы плодятъся. А я тому кажу, що ты, жебраку, не плодъся, не розводъся якъ мышъ, ты будь контетный, якъ маешъ на хрепти дранку, якъ маешъ шматокъ хлиба, абы не бувъ голоденъ, тай якъ тебе ниhto по лыцю не лупыть. Якъ си тры дили маешъ, тай мае тоби буты добре, а видъ жинкы геть уступыся“.

— Куме, Иване, дайте трошкы спокій, бо жинка; якъ то звычайно у такимъ интереси—то ий не треба

сього слухаты, бо така бесида не дае здоровья. Колысь иншымъ липшымъ часомъ.

„Я васъ дуже перепрошаю за мою таку бесиду, але вы гадаете, що я за неї дбаю або за себе я дбаю?! Бигме, не дбаю; най ихъ и заразы выхватае тай мене зъ нымы! Овва, ото-жь-бы мы втратылы рай на земли и маетки лышылы!“

Кумы вже не обзывалыся, не перечылы, бо бачылы, що Ивана не переможуть, и хотылы, абы скорше выговорывся, бо борше ихъ пустыть спаты. Иванъ вставъ видъ стола, спынывся насередъ хаты, спустывъ рукавы такъ, якъ диты на печи, й почавъ до ныхъ балакаты.

„Та чому не летыте зъ мои головы? Я вамъ розчыню и викна, й двери, гай!..“

Диты засунулыся на пичъ такъ, що ихъ не було вже выдко.

„Отъ, сарана, лышь хлиба, тай хлиба тай хлиба! А видкы жъ я тоби того хлиба наберу?! Та то бы на дванадцятый снипъ якыйсь разъ торгнуты, то бы якыйсь разъ схылытыся, то зъ поперека вогонь у пазуху сыплеться! То тебе кожне стебельце у серце дюкгне!“

Се було до дитей, а теперь винъ звернувся до кумивъ.

„А у—вечиръ лышь укажешся до хаты такый якъ вихоть, якъ мыйка усотаний, а воны тоби въ одынъ голось—и жынка и диты: нема хлиба! Тай ты не йдешъ, бидный чоловиче, спаты, але ты тягнешъ ципъ тай молотышъ на потемкы, абы завтра малы зъ чымъ иты въ жорна. Та такъ тебе ципъ и звалыть на

снпъ, тай такъ деревіешъ до ранку у сонѣ ажъ тебе роса прыпаде. Тай лышень очи пролупышь, то заразы тебе та роса йистъ, бо мало тебе беда йистъ, ще вона въ ноци тебе найде! Промыешъ очи тай точышся на ланъ такой чорный, що сонце передъ тобою меркне“.

— Иване, не журиться дитымы, бо то не лышень вы, але Богъ имъ тато старшый видъ васъ.

„Я зъ Богомъ за—баркы не ловлюся, але нащо винъ то пускае на свить якъ голе въ терня?! Вы, пипъ каже, дитей не навчаєте страху божого, вы ихъ сами посылаете красты,—эй, де я годенъ такъ ганьбыты! А кобы коло моеи дытыны и мамка и нянька и добродійка ходыла, кобы мени люде всього назносылы то й я бъ, йегомость, знавъ якъ диты вчыты! Але мои диты растутъ по бурьянахъ разомъ зъ курмы, а якъ що до чого прыйде, отакъ якъ теперь, то ниhto не знае, що вони цилый день йидять? Чы крадутъ, чы жебрають, чы пасуть, а я видкы знаю?... Такъ, люде, вы сами знаете, яке наше жыття...“

— Знаемо, куме, знаемо! якъ не знаты, колы сами у нимъ бродымо.

„Я на диты дывлюся, але я не гадаю, абы воно було чемне, абы умило до ладу зробыты. Я лышь заглядаю, чы воно вже добре по земли ходыть, абы його упхаты на службу, отсього я чекаю. Я не чекаю, абы воно убралося въ сылу, абы путеріи набрало, абы воно коло мене нажылося. Кобы лышь багачъ або панъ роззявивъ пащеку, а я його туды кыдаю, абы лышень збутыся! А потимъ воно бигае коло худобы, ноги одна рана, роса йистъ, стерня коле, а воно скаче тай плаче. Ты бы йому завернувъ худобу, поцилувавъ

бы його въ ноги, бо ты його сплодывъ тай сумлиння тебе пье, але мынаешъ, ще й ховаешся видъ нього, абы не чувъ!“

Ажъ почервонивъ, ажъ задыхався.

„Тай росте воно въ яслахъ, пидъ столомъ або пидъ лавою, йистъ кулаки, вмывається сльозамы. А пидросте, тай щось воно украде, бо воно никола добра не знало та краденымъ хоче натишытыся. Дывышся—йде до тебе жандаръ *). Скуе тебе, набье тебе якъ товарыну, бо ты тато злодієви тай мусышь зъ нымъ буты у змови. Тай ты злодій на вики! Але се ще не решта, конецъ ще напереди. Най бы сынъ, ваша дытына, а людський злодій, най бы зогнывъ у крымынали, бо злодія не шкода! Най бы! А то вони возьмутъ здоровья тай дають до шпыталю личыты, а потимъ пускають пысьмо до вйта, абы тато платывъ кошта. Зъ хаты выганяють, пидъ плитъ выкыдають зъ бебехамы! Йдешъ до вйта, по рукахъ цилуешъ: вйточку, выберишь мене изъ цеи кары. Ты, каже вйтъ, бидный чоловикъ та може тебе выпустымъ, але яку я выгоду буду маты за твою выгоду? Стыснешъ плечыма, складешся якъ цизорыкъ тай кажешъ: мисяць вамъ буду за дурно служыты... Такъ чы не такъ, люде, правду кажу, чы брешу якъ песьь!?“

— Все такъ, цилый гатунокъ такый, одного слова не замылылы!

Иванъ дрожавъ цилый, чувъ на соби цилу вагу страшныхъ своихъ сливъ.

*) Полиціантъ.

„Абы вы не казалы, люде, що крычу надъ головами своихъ дитей, якъ воронъ надъ стервомъ, не кажить, люде, не кажить! Я не крычу, я правду говорю, мій жаль крыче, серце крыче“.

Очи його запалылыся и въ ныхъ появилася страшна любовь до дитей, винъ шукавъ ихъ очыма по хати.

„Бо выглядае такъ, що я свои диты геть позбыткувавъ, гирше якъ темный ворогъ. А я, выдите, не позбыткувавъ, я лышень прогорнувъ зпередъ очей сьогодни и завтра и рикъ и другый и подывывся на мои диты, що вони тамъ діють? А що я уздривъ, то й сказавъ. Я пишовъ до ныхъ у гости, тай кровь моя застыгла на ихъ господарстви...“

По хвыли.

„Якъ бы до тои Канады не було моривъ, то я бы ихъ у михъ забравъ тай пишки туды за ными йшовъ, абы ихъ занести далеко видъ сього поругання. Я бы ти моря берегами обходывъ...“

Кумы забулы булы за видпочынокъ, а теперь соби нагадалы, борзо повставалы й пишлы.

II.

Рано.

Диты обидалы на земли, облывалы пазухы и шелестилы ложкамы. Коло ныхъ лежала мама марна, жовта и клала колина пидъ груди. По чорнимъ, нечесанимъ волоссю сплывала мука й биль, а губы заципылыся, абы не крычаты. Диты зъ ложкамы въ роти оберталыся до мамы, дывылыся и зновъ оберталыся до мыскы.

„Семенку, ты вже найився?“

— Вже,—видповивъ шестылитній хлопець.

„То возьми винчокъ, покропы землю тай пидметы хату. Мама не годна нахылятыся, бо дуже больть у середины. Не куры дуже“.

— Уступитися, бо черезъ васъ я не могу замитаты. Мама звелася и поволиклася на постиль.

„Семенку, а теперь гарно вмыйся, и Катруся и Марія най вмыються, и побижы въ жбанокъ воды начерпнуты, але не впадъ у керныцю, не схыляйся дуже...“

„Семенку, пиды та нарвы огиркивъ у решето, абы мама въ горшку наквасыла, бо я выжу, що буду слаба та не будете маты що зъ хлибомъ йисты. Тай нарвы хрону и вышневого лыстя. Та не сотай огирчыння, але рвы попры саме былд...“

„Семенку, здймы зъ грядокъ сорочки, абы я полатала, бо ходыте чорни, якъ вороны“.

Семенко все бигавъ, все робывъ, що мама казала, и разъ-по-разъ потручувавъ молодши сестры й казавъ, що дивкы не знаютъ ничего, лышень йисты.

„Воны ще мали, Семенку! якъ вырастуть, тай будутъ тоби сорочки праты“.

— Я наймуся тай тамъ мени будутъ сорочки праты... я ихъ не потребуу.

„Не тишся, дытынко, службу, бо неразь будешъ свои дни оплакуваты“.

— Ади, татко зрослы у служби тай ничего имъ не бракуе.

„И ты зростешъ у служби, ажъ шкура буде лускаться видъ того росту. Але ты, Семене, не балакай, але збирайся татови несты обидъ. Винъ десь такый голодный, що йому очи за тобою продывылыся“.

— Я мую татову палецу браты, абы видъ псивъ обгонятыся.

„А якъ загубышь тай буде тато насъ обохъ быты. Та не йды простоволосый, але возьмы хочъ тативъ капелюхъ“.

— Той капелюхъ лышь на очи падае, що не выдко дороги.

„Вымый жбанокъ тай сыпъ борщу“.

— Вы мене не вчить килькы, бо я знаю.

„Семенку, а дывся, абы тебе псы не покусалы“.

III.

Дрыботивъ ногамы по грубий верстви пороху й лышавъ за собою маленьки слиды, якъ били квиты.

„Фить, закы я зайду, то се сонце мене порядно спарыть. Але я соби заберу волосся такъ якъ жовниръ *) тай буде мени липше йты“.

Поклавъ обидь на дорогу и збиравъ волосся на верхъ головы, абы прыложыты його капелюхомъ и выглядаты, якъ обстриженный жовниръ. Очи сміялыся, пидскачывъ и покотывся дальше. Та волося зпидъ широкого капелюха зсунулося на потылицю.

„Се пустый капелюхъ, най но якъ я наймуса, та я тоди соби капелюшокъ“...

Лышень облызався. Пройшовшы шмать дороги, винь зновъ поставывъ обидь на землю.

„Я змалюю соби вельке колесо изъ шпыцямы“.

*) Салдаты, москаль.

Сивъ насередь дороги въ порохъ и обводывъ до-
кола себе пальцею потимъ рисувавъ промини въ ко-
леси. Дали зиррався, перескочывъ по-за обидь и по-
бигъ дуже зрадуваный.

До кожныхъ ворить закрадався, зазыравъ—чы нема
на подвирю пса и ажъ тоди борзенько перебигавъ. Зъ
одного собистя выбигъ песь и пустывся за нымъ. Се-
менко спиворывъ *), зверещавъ и сивъ зъ обидомъ.
Палыця такожъ впала на дорогу. Довгенько скулений
сыдивъ, чекавъ пса, абы кусавъ. Потимъ зважывся
подывытысь и побачывъ надъ собою чорного пса, що
спокійно стоявъ коло нього.

„На, на, цыганъ, на кулеши, але не кусай, бо
болыть дуже тай штрафъ твій газда буде платыты.
Та винъ тоби ноги поломыть за той штрафъ“.

Щыпавъ зъ платка кулеши, метавъ псови по шма-
точку и сміявся, що винъ на воздуси хапае. Песь мавъ
роззявлену морду, и винъ и соби рота роззявлявъ.

— А ты чый, шыбеньку, що псы по дорогахъ го-
дуешъ? а въ поле що понесешъ?

И якась жинка гупнула його въ шыю.

„А-якъ, вы ще байте, якъ песь хотивъ мене роз-
дерты!“

— А ты чый, такой чемный?

„Я Ивана Петрового, але мама малы дытыну тай
слаби, а я мусю несты обидь, а мене псы кусають,
а вы ще бьете“...

— Ой, якъ я тебе была... Куды жъ ты несешъ йисты?
„Татови несу на лань, коло ставу“.

— Йды зо мною, бидо, бо я такожъ несу туды обидь.

*) Заплакавъ.

Пишлы разомъ.

— А хто обидъ варывъ?

„Мама варылы, бо я ще не вмю, а Марія и Катерына ще менши видъ мене“.

— То не слаба мама?

„Чому не слаби, такъ качаються по земли, такъ стогнуть, що ажъ! Але я за ныхъ роблю“...

— Ото, ты робитныкъ!

„Вы не знаете тай говорите пусте. Ану, запытайтеся мамы, який я розумный! Я оченашъ знаю цилый...“

Жинка засміялася, а Семенко здвигнувъ плечыма й замовкъ. За нымъ бигъ песь, а винъ нибы то кыдавъ йому кулеши й загулювавъ иты за собою.

IV.

Тры дни описля.

Посередъ хаты сидивъ Семенко и сестры и корыто зъ маленькою дытыною стояло. Коло ныхъ мыска зъ зеленымы, накрышенымы огиркамы и хлибъ. На постели лежала ихъ мама, обложена зеленымы, вербовымы галузкамы. Надъ нею сыпивъ рій мухъ.

„Понайдайтеся тай тихо сидить, бо я понесу дытыну до Васылыхы, абы поплекала. Тато казали, абы несты рано, въ полудне й надъ вечерь, а у—вечерь воны сами вже прыйдуть“.

— Семенку, не переломы дытыну.

„Я гадавъ, що вы спали. Тато казали даваты вамъ студеной воды и булку йисты. Марія така чемна, то

вона ту булку ухватила и вкусыла вже разъ. Але я набывъ тай видоймывъ! йистымете?“

— Не хочу.

„Тато зсукалы ще свичку тай казалы, що якъ бы вы умиралы, абы вамъ даты у руки й засвитыты. Колы я не знаю колы даваты?..“

Мама подывылася велькымы, блыскучымы очыма на сына. Безодня смутку, увесь жаль и безсылный страхъ зйшлыся разомъ въ очахъ и разомъ сплodyлы дви били слёзы. Воны выкотылыся на повикы й замерзлы.

„Тато рано въ хоромахъ такожь плакалы, такъ головою до одвирка лупылы! Заплакани взяли косу тай пишлы“.

Взявъ дытыну и выйшовъ.

.....

— Семенку, абы ты не дававъ Катрусю и Марійку и Васылька быты мачуси. Чуешъ? Бо мачуха буде васъ быты, видъ йиды видганяты и билихъ сорочокъ не даваты.

„Я не дамъ тай татови буду казаты“.

— Не поможе ничего, сынку мій наймылишый, дытынко моя найзолотиша! Якъ выростешъ, абы вы межы собою дуже любылыся, дуже, дуже!.. Абы ты помагавъ имъ, абы не дававъ кривдыты.

„Якъ я буду служыты тай буду дужый, то я ихъ не дамъ, я буду до ныхъ що недили прыходыты“.

— Семенку, абы ты просывъ татка, що мама наказувала, абы васъ любывъ...

„Йижте булку“.

— Спивай дытыни, най не плаче.

Семенко хытавъ дытну, але спиваты не вмивъ.
А мама обтерла долонею сухи губы й заспивала.

У слабимъ, урыванимъ голоси выльвалася іи душа
и потыхеньку спадала межы диты й цилувала ихъ по
головахъ. Слова тыхи, невыразни, говорылы, що кле-
нови лысточкы розвіялыся по пустимъ полю и ниhto
ихъ позбираты не годенъ и николы воны не зазеле-
ніють. Писня намагалася выйты зъ хаты й полетиты
въ пусте поле за лысточкамы...

ПОХОРОНЪ.

Спереду обдертый хлопчыкъ зъ биленькымъ ковниромъ пидъ шыєю. У рукахъ держыть чорный хрестъ и все глядыть на нього. За нымъ таки сами чотыры хлопчыкы несуть труну. На ѳи вичку билый, тоненькый хрестыкъ, а цила вона сына. Въ головахъ труны прыбытый виночокъ изъ жовто—брудныхъ квитокъ. Зъ отсыхъ самыхъ, що растутъ по-пры каминяхъ на подвиряхъ каменычныхъ. Такой виночокъ, якъ калачыкъ бидного мужыка, що дае въ церкви за простыбигъ.

За труною плететься килька жинокъ. По нихъ не знаты, котра молода, а котра стара. Въ рукахъ трымають мали, погасли свичкы. Пидъ пахвамы несуть на пивъ зивяли вазоныкы. То ти марни квиткы, що николы сонця за досыть не мають и все зъ одного боку брудно—зелени, а зъ другого ясно жовти.

Пидъ ногамы мокре каминня, и мряка непорушна высыть у повітри.

Одна жинка плаче, а друга ѳй каже:

„Якъ бувъ здоровый то грався цилый день коло моеи будкы. Порпався заедно въ тимъ ривци, що

дощъ выкопавъ доврола будкы, и вытягавъ всякы каминчыкы. Курятко безъ квочки, ну, кажу вамъ, якъ курятко. И не брешу вамъ, але правду говорю, що кожного дня я выбирала черствійши булкы и клыкала його до будкы. Винъ сидавъ коло мене и йивъ. Якъ винъ красно йивъ!? Ручкы таки маленькы, а винъ нымы щыпавъ малесенькы кришкы—та въ ротыкъ, у ротыкъ. Най Богъ запыше мени лышень ти булкы, що я йому надавала...”

Жинка плаче дальше.

„Осинь, осинь його доконала, сыре повитря и студинь. Бо вы цилый день не бувалы у хати, а його ризало безъ васъ тай заризало. А я прыходыла до нього и сьвиженькы булкы прыносила, але винъ вже не йивъ. Водыци йому треба було разъ по разъ. Лежавъ якъ рыбка и все ротыкъ роззявлявъ. Потимъ посынивъ геть, а пашыло видъ нього вогнемъ! Якбы хто пидъ нымъ вогонь розиклавъ, а його кисточки якъ полинца накыдавъ, абы горилы...”

Йдутъ вси помучени, зивяли, сиру мряку хрестомъ проризують.

„Але винъ умеръ видай видъ тои канапы, що на ній лежавъ. Видкы вы таку канапу дисталы? Бигме, така якъ грибъ зъ подертыхъ михивъ. На такій канапи може здоровый умерты. Я бы боялася тои канапы, якбы сама зъ нею лышылася. Втикла бы або порунала бъ, ни, я бы ии въ хати не трымала!

— То канапа його тата, винъ на ній родывся, то спадокъ. Якъ выбирався зъ першого поверха, то намъ ии лышывъ.

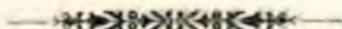
„А де жъ винъ теперь?”

— Не знаю...

Маленький похоронъ завертае въ другу вулицю. Чорный крестъ обвывая сывымы цяточкамы мрякы, хлопчыкы померзлы и бабы ледве лизуть.

Йдутъ серединою улыци якъ подерти тини, чужи и не знайома зъ никымъ.

А цвынтарь буде, лышь його кризь сиру мраку не выдко.

ТАКЫЙ ПАНОКЪ.

Винъ такой маленький панокъ у такимъ маленькимъ мисти, що тамъ ѣе багато жыдивъ и одынъ паньскый склепокъ. Те мисто стоить посередь силъ якъ скостениле село, якъ падлына вонюче, якъ смитныкъ цилого повиту. У торгови дни воно оживае, малюеться селамы и веселе. На рынку стоить комедьянська буда; якись страшни музыкы выгравають у ній, страшни звирюкы вышкирюють зубы зъ полотенъ буды и якась панна воскова gryмае въ брязкучи тарилкы. А передъ будою стоятъ сильски люде у всиякыхъ строяхъ и дывляться. Цила юрба справляе свои очы на деревляного блазныка, що выбигае зъ даху буды и просыть всихъ до середины, махаючы рукамы. Смихъ, гамиръ, слъозы зо смиху. До блазныка выходыть деревляна дивчына и обіймаются зъ нымъ. А смиху на рынку стилько, що жыдамъ вуха деревіють, що паны въ канцелярїяхъ зъ крисель зискакують. Увесь смихъ изъ силъ прыйшовъ на рынокъ. Стари мужыкы тягнуть сынивъ и молодыць за плечы, абы йты за орудкамы, а имъ а-ни въ гадци поkyдаты комедью. Ажъ надъ вечерь маса розлизається и лы-

шае пустый, гыдкый рынокъ, абы малы де бавытыся жыденята.

У такимъ мисти жые маленький панокъ. Винъ на пенсы, дитей не мае и жинкы не мае. Самъ сывий вже, въ сывимъ капелюси и сывій одежи. Цилый день сыдыть у панськимъ склепочку и мовчыть. Що паны други пробують зъ нымъ говорыты, то винъ на той часъ тягне зи шклянкы пиво и забувае потимъ видповидаты. Найстаршый гистъ, панъ староста, такожь не може до нього прыступыты. Панокъ мовчыть цилый день у склепыку и чекае на мужыкивъ. То якъ часомъ мужычку хтось справыть до панського склепу за такимъ выномъ, що видъ серця видъидае, або за такимъ мицнымъ, чорнымъ цукромъ, що видъ нього попускае въ грудяхъ, то вона стае передъ склепомъ и не важытыся зайты. Тоди нашъ панокъ выбигае зи склепыку и каже:

„Чому не йдете, але боитеся, ходить и кажить, що потребуете, то я вамъ поможу“.

— Колы, прошу пана, якосъ не смію йты межы паны.

„Ты, газдыне, дурна, ты за свои гроши маешъ право“.

Мужычка входыть, а панокъ забигае коло неи, немовъ бы вона до нього въ гости прыйшла. Вона хоче цилуваты всихъ панивъ по рукахъ и не мае смилывосты.

„Не цилуй, не лыжы панамъ руки, бо ты—газдыня, ты липша газдыня якъ пани, бо ты маешъ свій кгрунтъ“.

Мужычка глядыть на панка, дывуецыся и стоить.

„Кажы, що тоби треба, але сьмильво, часъ вже, абы руськи *) газдыни знали свою гидність. Ты панивъ не цилуй.

Паны регочуться, мужычка вже на правду боиться, а панокъ дывыться на панивъ—и злый, дуже злый. Потимъ залагожуе мужычци ии орудку и выводыть ии зи склепу. Передъ склепомъ наказуе ии, абы панивъ никола по рукахъ не цилувала, абы разъ прыйшла до розуму и шанувала себе. Мужычка сміється, [дякуе йому за выгоду и йде. А панокъ вертається до склепыку и глядыть на панивъ зъ горы и пидсвыстуе соби такъ весело, що його лице молодіе, очы прояснюються.

— Вы бунтуете хлопивъ, я васъ звелю арештуваты,— каже и сьміється староста.

Панокъ тягне пиво и въ той бикъ не глядыть.

— И хто бы то бувъ надіявся, що то за анархистъ зъ сього пана Сытныка?

Панокъ ще мовчыть.

— А такъ ишовъ разомъ зъ нами, бавывся, въ карты гравъ, а на старистъ такы показавъ московську душу, москаль москалемъ.

Паны регочуться, бавляться, а Сытныкови ажъ очы кровью заходятъ.

„Колы я не хочу бильше кровъ пыты, такъ якъ вы, и по полудни затыкаты подушкамы виконъ, абы спаты, я маю вмираты десь сымы днямы,—та я хочу хочъ трохи передъ Богомъ стати чыстый“.

*) украинськи.

— До лазни, пане Сытныкъ, до лазни за двадцять центивъ *), го, го!

„Буде вамъ лазня колысь, тото буде лазня!“

— Шожъ, якъ збунтуете наридъ, якъ косу возьмете и хлопы за вами, то могла бы буты лазня, але вы не таки зновъ зли.

Панокъ метушыться, бо до склепыку увійшлы два мужыкы и станулы коло порога.

„А вы чого хочете, не стійте такъ якъ злодіи, бо вы паны соби, газды“.

— Мы, проше пана, выпылы бы по скляночци вына, бо кажуть, що тутъ добре, що въ трунку направыть, а жыды злодіи...

„Ходить зо мною до другои станцыи, тамъ сядете, скажете соби даты такъ якъ люде...“—каже панъ Сытныкъ.

— На що, пане, мы тутъ постоимо, ще намъ сидаты треба, нема часу...

„А выдыте, якый вы темный наридъ, а Немець такожъ хлопъ, але подывиться на нього, якъ винъ тутъ прыйде. Просто суне, сидае и баста!“

Панокъ показуе, якъ Немець йде, якъ сидае.

Паны регочуться, мужыкы поставалы, ни въ пъять, ни въ десять. Вони попускалы головы и не знаютъ, що діяты.

„Ходить, не будьте худобою, заразь ходить, вы боитесь отсыхъ панивъ?“

Мужыкы червоніють, питніють зи встыду и йдуть

*) шагивъ.

за панкомъ. Сидаютъ у другимъ покоику коло стола и мовчать. Винъ дзвонить.

„Прошу литру вына намъ даты...“

„Прошу, пийте, не розглядайтеся такъ, якбы мижъ збуивъ *) попали. Я чоловікъ вашъ, я зъ вашои косты и кровы.“

— Дай вамъ Боже здоровля, пане.

„Паны мене прыймылы меже себе, я имъ служывъ, я за васъ забувъ, я гравъ зъ ными въ карты...“

— Паны мають свою забавку, мужыкы зновъ свою, кождый мае свое.

„То не такъ, то такъ теперъ йе, що якъ ты Русынь, то маешъ трыматы зъ Русыномъ, а якъ не трымаешъ, то ты остатній лайдакъ, драбъ и розбийникъ, розуміете?!.“

— То правда, що най кождый свою виру трымае.

„А выдите, а выдите! Я бувъ такой лайдакъ зъ замолоду! Я мавъ одынь образъ у хати, дакъ я його десь купывъ тай повисывъ, руськый образъ одного мытрополыта. Але каже мени разъ одынь панъ: я до тебе прыйду на визыту. Прошу, прошу дуже—я кажу—тай иду до дому, тай той образъ изъ стины тай пидъ лижко. До мене паны часто заходили, а я все той образъ ховавъ за кождымъ разомъ.“

— То, пане, чоловікъ боиться, абы щось не прошкробавъ, абы штерна не втялы, бо то паны не люблять мужыкивъ, нибы Руснакивъ, що то такъ называється...

„То знаете, я той образъ скидавъ зъ стины и

*) Розбишака.

назадъ клавъ зо двадцять рокивъ. А пры кинци то мени стало його жаль. Отакъ дывлюся на нього, а винъ такой, якбы злый на мене. Не злый, але отакъ, якбы плакавъ на стини. Мени здавалося, що якъ мене нема дома, то винъ плаче голосно, на всю хату...“

— А се може буты таке, абы образъ плакавъ?

„Вы мене не розуміете, мени такъ здавалося, що винъ плакавъ, и я не разъ закрадався пидъ мои викна тай наслухавъ того плачу. А одного разу я выйшовъ зъ касына вже по опивночи тай йду до дому. Прышовъ пидъ викна, слухаю: плачъ; слухаю липше: такы плаче.. Стало мени страшно, не знаю чы йты до хаты, чы вертаться? Стою, стою, дрожу, боюся. Зибрався я на видвагу...“

— То сама опивничъ, пане, то найнебезпечнійша, лыхе мае тоди миць!

„Але вы не розуміете мене, то мене сумлиння такъ пыло, такъ докучало, що мени ажъ голось прычувся. Вхожу я до хаты, ледве на ногахъ стою, не чую ничего. Засвितывъ свичку, боюся на образъ подывытыся. Лягаю и конче хочу на образъ подывытыся, а не маю видвагы... Глыпнувъ, а винъ заплаканий. Мене въ горячку, мене въ дрожъ пирвало, кланцаю зубамы...“

— А тожъ не страхъ, пане, самому зъ такимъ образомъ буты въ саме о-пивночи!

„Слабувавъ я тоди довго, гадавъ, що вже буде капуть! Заклыкавъ я до себе руського священника, розповивъ йому, лагоджуся на смерть... Але Богъ мене помылувавъ. По слабосты я заразъ выступывъ зъ уряду, подався на пенсыю и сказавъ соби, що

своихъ людѣй не буду встыдаться, що буду зъ ными жыты и буду ихъ бороньты. Я слабый вже, довго вамъ не поможу, але докы ще лажу, то буду зъ вами ходыты якъ гришныкъ и благаты васъ, не видкыдайте мене...“

— Дякуемо вамъ, пане, що зъ нами такъ красно забалакалы-сьте, кобы такыхъ панивъ було багато, дай вамъ Боже погидлыву старисть...

„Ни, то я вамъ маю дякуваты, бо я ходывъ по вашій крывди, якъ по мягкій подушци, я не мавъ того опамятання..“

Панокъ розплакався, а мужыкы дывылыся на нього и казали:

— Пане, а дайте жъ спокій, не турбуйтеся, мы на васъ не гниваємося, а намъ що до того, якъ паны жыють, вони мають свое право, а мы свое.

„Вы мене не розуміете, якъ вы мене не розуміете, я хочу, абы вы были людьмы...“

— Та мы, пане, килько можемо, то мы стараємося, абы васъ слухаты, бо вы вчени та можете намъ дорогу показаты.

„Такъ, такъ, дорогу треба знаты...“

... ..
— Добрый якыйсь панокъ отсе мае буты.

„Видай трохы пыячокъ, але добрый чоловикъ.“

— Йе таки паны, що якъ напьються тай плачуть, якъ мужыкы...

„Йе, йе и межы ными таки мняхки,“ — балакалы два мужыкы, до дому йдучы.

О С И Н Ь.

Дмытро латавъ жиночи чоботы. Не латавъ, а зчиплювавъ до купы. Грихъ бы було даваты таке дрантя до шевця, та й за гришъ скупю. А жинка боса, босисинька, воды внести до хаты не було въ чимъ. Тому Дмытро вже видъ ранку взявся до чобить. Сыдивъ коло лавы проты викна, обклався старымъ шкураттямъ, воскувавъ ниткы на дратву и бисывся якъ песь.

„Бигме, кыну въ пичъ, шпурну у вогонь та й збудуся! Шкура здрывила, ниткы не примкнешъ, бо порветься—выкынь на гній тай плюнь тай вже!“

Прыговорючы до чобить, Дмытро все такы зъ велькою старанностью ихъ латавъ. Що провивъ нитку кризь шкуру, то все неспокойно оглядавъ, чы не порвалася. Черезъ то работа йшла пыняво и Дмытро сердывся.

„Зализо—не шкура, та й зшуровується, що то говорыты? Вже шыры роки, якъ куплени, бо шыры вже сеи осены, та вже имъ часъ. Але ще сю зиму мусять служыты, хочъ бы тамъ не-знаты-що“.

И латавъ и бисывся и сто разивъ хотивъ кыдаты у пичъ або на гній.

Дмытрыха сыдила на прыпичку и латала дранкы.

„Порозпадалися на сичку. Конопельокъ не посіешъ, бо треба йисты, полотенця не купышъ, бо гроша нема—прыйде до такога, що будемо голи ходыты. Залатай въ однимъ мисци, то просичеться въ другимъ. Якъ бы ще не правъ, то може бъ не такъ дерлыся. Вже я ихъ и не перу якъ вартъ, але павутына все павутыною! Богъ знае, якъ ихъ лататы, зъ которого боку братыся до ныхъ?“

Зъ отакымы гадкамы сыдила Дмытрыха надъ купою дрантя. Мизерне ии лице пыльно вдывлювалося въ подерти сорочки и було безрадне. Грубе, пороздыране полотно изъ затертымы червонымы вышывкамы подобало на одижъ жовняривъ зъ вйны. А вона, якъ бидна, мылосердна сестра, зъ сумомъ и спивчуттемъ хочъ чымъ-тымъ хотила помогты нещаслывымъ раненымъ.

„Та ще зиму якось переходымо, але лито, то вже Богъ знае“.

И водыла сывою ниткою доврола латокъ и думала надъ сирымъ жыттямъ своимъ.

На печи лежала Дмытрова мама. Дрибка жинкы — завбільшкы десятилитньої дытыны. Кашляла, не переставала.

„Божечку, Божечку, найды мени смерты, най я такъ гиренько не валяюся! Вже жъ я видай спокутувала уси грихы, що нагришыла... Десь умырають таки, що лышъ бы имъ буты, покыдають добро и маетки, а я якъ отой твердый каминь, що його ниhto не го-

день роздавыты. Боже, Боже, ба за що мене такъ тяжко караешъ?”

И розпукалася видъ кашлю.

Коло бабы сьдиды диты. Якъ баба сынила и заходылася видъ кашлю, то воны вси дывылыся на бабу цикавымы очыма и все показувалы пальцямы на бабу та говорылы: гляды, гляды, баба вже умырають. А якъ баба видкашлялася, то все говорыла до ныхъ: де, де, дитонькы, моя смерть забула мене.

Але Дмытрови вже остогыдло борыкатыся изъ здрывилымы чобитымы. Шпурнувъ пидъ лаву та й почавъ сварытыся.

„Кобы я вамъ на смерть лагодывъ, то бы мени лекше було. А ни вбуты, а ни вгорнуты, а ни нагодуваты—такы ничого не можна настарчыты. Ходитьно трохы боси, та може васъ борше повыхаплюе“.

Сивъ коло стола.

„Та може бъ ты дала мени що йисты, газдыне моя. Таже знаешъ, що я ще сьгодня ничого у роти не мавъ“.

Дмытрыха встала зъ прыпичка и подала йому бараболю. Була застрашена якъ вивця.

Дмытро лупывъ бараболю, мачавъ у силь и грызъ хлибъ.

„Вже ты мене годуешъ... Але я тебе такъ нагодую, що здохнешъ, такъ я тебе нагодую. Кобы якого боршыку, або кулешу, або дидька рогатого, або що... Тыцне тоби бараболю та й дывыся! Я вже не годенъ ногы за собою волочыты!“

— А що жъ вона тоби, сынку, зварыть? Олію нема, муки нема, та що вона тоби зварыть?

„Ваше, мамо, говориння скинчылося. Сыдить соби на печи та кашляйте. Маеткивъ видъ васъ не посивъ я, воливъ и коровъ не забравъ, та й сыдить соби тыхенько. Або липше соби погадайте, чымъ я васъ буду ховаты? Чекаете тои смерты якъ каня *) дошу, все — „Божечку, Божечку, найды мени смерть“, а то все на мою голову“...

Баба хотила заплакаты, але закашлялася.

„Бигме, оглухну“,—казавъ Дмытро.

„Гей, ты, шибеныку, чого ты чыпаешся грядокъ, хочешъ горшки побыты? Та колы бъ ты вже зачепывся на вики...“

И почавъ быты хлопця.

Диты заверещалы, баба не переставала кашляты.

„Та на сю хату птахъ бы не сивъ“,—говорывъ Дмытро.

— Але чого ты до дитей прысикався, а вони що вынни, що чоботы здрывилы?

„Ты, суко, поналиплювала ихъ та поначынювала, та ще гавкаешъ за нымы. Я васъ усихъ порижу...“

Пиднявъ чобить з-пидъ лавы и почавъ нымъ жинку быты. Врешти натягнувъ на себе кожушыну та й выходывъ зъ хаты.

„Абы я не диждавъ вертатыся до сеи хаты“,—сказавъ вже на порози.

— Йды, йды, слухай за Канаду: гадаешъ, що я пиду зъ дитьмы десь на край свита?.. — навздогинь сказала йому жинка.

* * *

*) Шулякъ.

Дмытрыха топыла въ печи. Дыму напхалося повна хата и вона все втырала сльозы. Дымъ очи выйидавъ. Баба на печи стогнала.

„Кобы то лито. Порозходылыся бѣ по работи та й бы не грызлыся на купи. Сонечко бы порозводило геть по полю. А такъ—пекло у хати. Боже, Боже, не трымай мене бильше на свити, бо выдышь, що нема якъ жыты...“

Диты бигалы по хати. Але якъ хто здубонивъ у сняхъ, то воны тикалы на пичъ до бабы. Тоди твари ихъ робылыся помучени и прыгноблени. Все удавалы спокійныхъ, бо боялыся, абы тато не бывъ. Але якъ до хаты не входывъ тато, то воны зновъ злизалы зъ печи, абы гарцюваты по земли.

Такъ голубы спускаються цилымъ стадомъ на тикъ. А якъ мужыкъ рыпне хатнымы двермы, то воны покыдають зерно и перелякани злитають пидъ небо.

Ш К О Д А.

У Романыхы заслабла корова. Лежала на соломи и сумно дывылася велькымы, сывымы очыма. Низдри дрижалы, шкура морщылася—дрижала вся у гарячци. Пахло видъ неи слабостю и болемъ страшнымъ, але нимымъ. Въ такыхъ выпадкахъ найбильше жаль, чому худобына не може заговорыты и поскаржытыся.

„То очи выдять, що вона не буде. Може бы й помигъ що, якъ бы то кровь, а то хтось кынувъ окомъ на ню, бодай йому повылизалы, та й теперь нема рады. Здайтеся на Бога — може васъ потишыть.“ Такъ казавъ Илашъ, що знавъ до худобы.

— Ой, Илашку, выдко, що не буде, але якъ ии не буде, тай мене не треба. Я цилый свій викъ змарнувала, абы коровкы дочекатыся. Видъ чоловика лышылась я, сынъ умеръ у вйську, а я криввала та робыла и ничъ и день. Таки зимови ночи довги, а я до дныны пряду, ажъ мени пучкы спухають, ажъ писокъ у очахъ стае. Лышь одынь Богъ знае, якъ я той гришь гирко прятала, закы напратала...

„То, выдите, бидному, то все такъ, а хочъ бы ты руки зробывъ по ликти та й ничего зъ того не буде! Уже такъ йе, та й що діяты? Треба якось такъ жыты...“

— Та й не знаты, що свой голови робыты та й шо діяты та й хто бы мени раду давъ?

„Ще клычтесе на яку днынку, абы вы службу найняли та й обидецъ зобылы. Або подайтесе на видпустъ Ивана Сучавського; кажуть, що багато помагае.“

— Ой, вже я поклыкалася и на днынку, и на Зарваныцьку матиръ Божу, и клычуся на Ивана Сучавського.

„Може, кажу, Богъ вамъ поможе, якъ здастесе на нього. Най вамъ Богъ дастъ якъ найлипше.“

И Илашь пишовъ.

Романыха сила коло коровы и пыльнувала ии, абы не згыбла. Давала ий, що мала найлипше, але вона не хотила ничего йисты. Лышь дывылася на бабу и жало ий завдавала.

„Маленька, маленька, що тебе болыть? Не лышы стару бабу безъ ложки молока. Потышь мене хочъ трошкы“.

И гладыла корову и по чоли, и по-пидъ горло, и голосыла надъ нею.

„Де, де я годна стягнутыся на другу?! А ни пучокъ зложыты, а ни голкы прымкнуты вже-мъ не годна; де мени на старысть за корову дбаты?“

Корова дрижала, а Романыха ии накрыла своимъ кожухомъ и чыпила надъ нею роздягнута на морози. Сама дзвоныла зубамы, але не видступала.

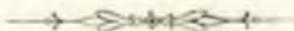
„А може се за грихы такъ мене Богъ карае? Бо не разъ я черезъ тебе, небого, нагришыла! Десь межі трошкы пидпасла, десь гарбузыкъ урвала, десь пасыночокъ уломыла. Але я николы никому молока не жалувала. Десь дытына занеможе, десь жинка у злогахъ, а я йду зъ горняткомъ та й несучу молочка. Та й сырцѣ я роздавала людямъ до кулешкы. Господы, не карай мене тяжко—бидну удову. Ничого вже чужого не порунтаю, лышь даруй мени корову!“

Отакъ до пизньої ночи Романыха голосыла надъ коровою. Кропыла їи свяченою водою, але ничого не помагало. Вона розтягла ноги на цилу стаенку и гоныла бокамы, ажъ ревила. Баба гладыла, обіймала, прыговорювала, але такы ничого не могла вдіаты.

Мисяць освичувавъ стаенку черезъ двери и баба выдила кожнй рухъ коровы. Вона врешти пиднялася. Ледве держалася на ногахъ. Розглядалася по стаенци, якъ бы прощалася зъ кожнмъ куточкомъ.

Потимъ упала на солому и розтяглася якъ струна. Романыха прыклякла коло неи и шурувала їи вихтемъ. Сама не знала, що зъ нею діеться. Потимъ корова заревла голосно и почала быты ногамы. Романыси зробылося гаряче, жовто въ очахъ и закервлена впала. Корова была ногамы и роздырала бабу на кавалкы.

Обыдвѣ боролися зъ смертю.

Н О В Ы Н А.

У сели сталася новына, що Грыць Летючий утопывъ у ричци свою дивчынку. Винъ хотивъ утопыты и старшу, але выпросылася. Видколы Грыцыха вмерла, то винъ бидувавъ. Не мигъ соби даты рады зъ дитьмы безъ жинкы. Нихто за нього не хотивъ питы замижъ, бо колы бъ лышень диты, але то ще й беда и нестаткы. Мучывся Грыць цили два роки самъ зъ дрибнымы дитьмы. Нихто за нього не знавъ, якъ винъ жые, що діе, хиба найблызши сусиды. Уповидалы воны, що Грыць цилу зиму майже не палывъ у хати, а зимувавъ разомъ зъ дивчатамы на печи.

А теперъ все село про нього заговорило. То прыйшовъ винъ у-вечери до дому та й заставъ дивчата на печи.

— Тату, мы хочемо йисты,—сказала старша, Гандзуня.

„То йижте мене, а що жъ я дамъ вамъ йисты? Ось ѳе хлибъ, та й начыняйтеся!“

Та й давъ имъ шматокъ хлиба, а воны, якъ щенята коло голои кисткы, коло того хлиба заходылыся.

„Начыныла васъ та й лышыла на мою голову, бодай ии земля выкынула! А чума десь ходыть, бодай голову зломыла, а до васъ не поверне. Сеи хаты и чума злякалася бь!“

Дивчата не слухалы татовои бесиды, бо таке було що-дныны и що-годыны, и вони привыклы. Йилы хлибъ на печи и дывытыся на ныхъ було страшно и жаль. Богъ знае, якъ ти дрибоньки кисточки держалыся вкупи? Лышень четверо чорныхъ очей, що булы живи и що малы вагу. Здавалося, що ти очи важылы бь такъ якъ олово, а решта тила, якъ бы не очи, то полетила бь зь витромъ якъ пиръя. Та й теперь, якъ вони йилы сухой хлибъ, то здавалося, що кисткы вь лыци потрискають.

Грыць глянувь на ныхъ зь лавы и погадавъ: „мерци“ и налякався такъ, що ажъ його питъ обсыпавъ. Чогось йому такъ стало, якъ колы бы йому хто тяжкый каминь поклавъ на груди. Дивчата глемедалы хлибъ, а винъ прыпавъ до земли и молывся, але щось його тягнуло все глядиты на ныхъ и гадаты: „мерци“!

Черезъ скилькы день Грыць боявся сьидиты вь хати, все ходывъ по сусидахъ, а вони казалы, що винъ дуже журывся. Почорнивъ, а очи запалы вь середыну такъ, що майже не дывылыся на свить, лышь на той каминь, що давывъ груди.

Одного вечера прыйшовъ Грыць до хаты, зварывъ дитямъ бараболи, посолывъ та й кынувъ на пичъ, абы йилы. Якъ попойилы, то винъ сказавъ:

„Злизайте зь печи, та пидемо десь у гости“.

Дивчата злизлы зь печи, Грыць натягнувь на

ныхъ драночки, взявъ менчу Доцьку на руки, а Гандзуню за руку та й вышовъ зъ нумы. Йшовъ довго лугамы, та ставъ на гори. У мисячнимъ свитли розстелылася на долини ричка, якъ велика смуга жывого срибла. Грыць здригнувся, бо блискуча ричка заморозыла його, а той каминь на грудяхъ ставъ ще тяжчий. Задыхався и ледве мигъ несты маленьку Доцьку.

Спускалися въ долину до рички. Грыць скреготавъ зубамы, ажъ гоминь лугомъ розходывся, и чувъ на грудяхъ довгий огневый пасъ, що його пикъ у сердце и въ голову. Надъ самою ричкою не мигъ поволи йты, але побигъ и лышывъ Гандзуню. Вона бигла за нымъ. Грыць борзенько взявъ Доцьку и зъ усеи сылы кынувъ у воду.

Йому стало лекше и винъ заговорывъ скоро.

„Скажу панамъ-суддямъ, що не було ніякои рады; а ни йисты чого, а ни въ хати затопыты, а ни выпраты, а ни голову змыты, а ни чого! Я кары прыймаю, бо я завынывъ, та й на шыбеныцю!“

Коло нього стояла Гандзуня и говорила такъ само скоро.

— Таточку, не топить мене, не топить, не топить!

„Та якъ просышся, то не буду, але тоби було бъ липше, а мени однако терпиты, чы за одну, чы за дви. Будешъ бидыты змалку, а потимъ пидешъ у мамкы жыдамъ та й зновъ бидуватымешъ. Якъ соби хочешъ“.

— Не топить мене, не топить!...

„Ни, ни, не буду, але Доци вже липше буде якъ тоби. То вертайся до села, а я йду заявлятыся. Дывысь, отсію стежечкою йды, геть, геть ажъ у

гору, а тамъ прыйдешъ до першої хаты та й увійды та й кажы, що такъ и такъ, тато хотили мене утопыты, але я выпросылася та й прыйшла, абы-сте мене переночувалы. А завтра, кажы, може бъ вы мене де найняли до дытыны бавыты. Гай, иды, бо то ничъ“.

И Гандзуня пишла.

„Гандзю, Гандзю, а на тоби бучокъ, бо якъ тебе песь надыбае, та й роздере, а зъ бучкомъ буде безпечнійше“.

Гандзя взяла бучокъ и пишла лугамы.

Грыць заковувавъ штаны, абы перейты ричку, бо туды була дорога до миста. Вступывъ вже у воду по кисткы та й задеревивъ.

„Мнеоца и сына и святого духа аминь. Очынашъ ижы есь на-небеси и на земли“...

Вернувся и пишовъ до моста.

КАМИННЫЙ ХРЕСТЪ.

Студія.

1.

Видъ колы Ивана Дидуха запомнаты въ сели газдою, видъ тоди винъ мавъ усе лышь одного коня и малый визокъ зъ дубовымъ дышлемъ. Коня запрягавъ у *пидруку*, самъ себе у *борозну*: на коня мавъ реминну шлею и нашыльныкъ, а на себе Иванъ накладавъ малу, мотузяну шлею. Нашыльныка не потребувавъ, бо ливою рукою спыравъ може липше якъ нашыльныкомъ.

То якъ тягнулы снопы зъ поля, або гній у поле, то однако и на кони и на Ивани жылы выступалы, однако имъ обомъ пидъ гору посторонкы моцувалыся, якъ струны и однако зъ горы волочылыся по земли. До горы лизъ кинь якъ по леду, а Ивана якъ колы бы хто букомъ по чоли триснувъ, така велька жыла напухала йому на чоли. Зъ горы кинь выглядавъ, якъ бы Иванъ його повисывъ на нашыльныку за якусь вельку провину, а лива рука Ивана обывалася ситею сынихъ жылъ якъ ланцюхомъ изъ сыньои сталы.

Не разъ ранкомъ, ще передъ сходомъ сонця, йихавъ Иванъ у поле польовою дорижкою. Шлеи не мавъ на соби, лышень ишовъ зъ правого боку и трымавъ дышель якъ бы пидъ пахою. И кинь и Иванъ держалыся крепко, бо обыдва видпочылы черезъ ничъ. То якъ имъ лучалоя сходыты зъ горба, то биглы. Биглы въ долыну и лышалы за собою слиды колысь, копытъ и шырочезныхъ пять Ивановыхъ. Прыдорожне зилля и бадылля гойдалоя, выхолитувалоя на вси бока за возомъ и скидало росу на ти слиды. Але часомъ середъ наибильшого розгону, на самій середыни горы Иванъ почынавъ налягаты на ногу и спыравъ коня. Сидавъ коло дороги, бравъ ногу въ руки и слынывъ, абы найты то мисце, де бодякъ забывся.

— Та цю ногу сапою шкребчы, не ты ии слыною промывай,—говорывъ Иванъ зъ пересердя.

— Диду Иване, а батогомъ того борозного, найбжыть, колы овесь поидае...—Се хтось такъ бравъ на съмихъ Ивана, що выдивъ його паторочъ зи своего поля. Але Иванъ здавна прывыкъ до такыхъ съмихованцивъ и спокійно тягнувъ бодякъ дальше. Якъ не мигъ бодяка вытягнуты, то кулакомъ його вгонывъ дали въ ногу и встаючы казавъ:

— Небійся, выгныешъ тай самъ выпадешъ, а я не маю часу зъ тобою панькатыся..

А ще Ивана клыкалы въ сели Переломанымъ. Мавъ у пояси хыбу, бо все ходывъ схылений, якбы два зализни кракы *) стягала тулубъ до нигъ. То його витерь пидвiявъ.

*) Кракъ—скоба, гакъ.

Якъ прыйшовъ зъ вѣйска до дому, то не заставъ ни тата, а-ни мамы, лышень хатчыну завалену. А всього маютку лышывъ йому тато букату горба що найвысшого и що найгиршого надъ усе сильске поле. На тимъ горби копалы жинкы писокъ и зивавъ винъ ярамы та печерамы пидъ небеса, якъ страшный велы-тень. Нихто не оравъ його и не сѣявъ и межи нѣякои на нимъ не було. Лышь одынъ Иванъ узався свою пайку копаты и сѣяты. Обыдва зъ конемъ довозылы гною пидъ горбъ, а самъ уже Иванъ носывъ його мишкомъ на верхъ. Часомъ на долишни нывы спадавъ зъ горба його голосный крыкъ:

— Э-ехъ, якъ тобою гримну, тай по нытци розлетышся, якый же ты тяжкый!

Але видай никола не гримнувъ, бо шкодувавъ миха и поволи його спускавъ зъ плечей на землю. А разъ у-вечери оповидавъ жинци и дитямъ таку прыгоду.

— Сонце пражыть, але не пражыть,—ажъ вогнемъ сыпле, а я колинкую зъ гноемъ наверхъ, ажъ шкура зъ колинъ обскакуе. Питъ из-за каждого волоска про-сикъ, тай такъ мени солоно въ роти, ажъ гирко. Ледве я добывся на гору. А на гори такый витрець дунувъ на мене, але такый легенькый, що ажъ! А пидить же якъ мене за минуту въ попереци зачало но-жамы шпыкаты,—гадавъ, що мынуся!

Видъ сеи прыгоды Иванъ ходывъ усе зибганный у пояси, а люде прозвалы його—Переломанный

Але хочъ той горбъ його переломывъ, то политкы *)

*) Политокъ—врожай.

дававъ добри. Иванъ бувъ пали, бувъ килля, выносивъ на нього тверди кыцькы травы и обкладавъ свою частку довола, абы осинни и весняни дощи не спликувалы гною и не заносылы його въ яругы. Викъ свій збувъ на тимъ горби.

Чымъ старився, тымъ тяжше було йому, поломаному, сходыты зъ горба.

— Такой песій горбъ, що стримголовъ у долину тручае!

Неразъ, якъ заходяче сонце заставало Ивана на верху, то несло його тинь зъ горбомъ разомъ далеко на нывы. По тыхъ нывахъ залягала тинь Иванова, якъ вельтня схыленого въ пояси. Иванъ тоди показувавъ пальцемъ на свою тинь и говоривъ горбови:

— Ото-жъ ты мене, небоже, зибгавъ у дугу! Але докы мене ноги носять, то мусышь родыты хлибъ!

На иньшыхъ нывахъ, що Иванъ соби купивъ за гроши, прынесени зъ вйська, робылы сыны и жинка Иванъ наибильше коло горба заходывся.

Ще Ивана знали въ сели зъ того, що до церкви ходывъ лышь разъ у рикъ, на велькдень, и що курей муштрававъ. То такъ винъ ихъ научувавъ, що жадна не важылася поступыты на подвиря и порпаты гнй. Котра разъ лапкою драпнула, то вже згынула видъ лопаты або видъ бука. Хочь бы Ивановыха хрестомъ стелылася, то не помогло.

Тай хиба ще то, що Иванъ николы не йивъ коло стола. Все на лави.

— Бувъ я наймытомъ, а потимъ выбувъ десять рикъ у вйську, та я стола не знавъ тай коло стола мени йида не йде до трунку.

Отакый бувъ Иванъ, дывный и зъ натурою и зъ роботою.

II.

Гостей у Ивана повна хата, газды и газдыни. Иванъ спродавъ усе що мавъ, бо сыны зъ жинкою наважылыся до Канады, и старый мусивъ вкинци податыся.

Спросывъ Иванъ циле село.

Стоявъ передъ гостямы, трымавъ порцію горилкы у правій руци и, выдко, каменивъ, бо слова не годень бувъ заговорыты.

— Дякую вамъ красно, газды и газдыни, що вы мене малы за газду, а мою за газдыню...

Не договорювавъ и не пывъ до никого, лышь тупо глядивъ напередъ себе и хытавъ головою, якъ бы молитву говорывъ и на коже ии слово головою по-такувавъ.

То якъ часомъ якась долишня хвыля выкарбутыть велькый каминь зъ воды и покладе його на беригъ, то той каминь стоить на берези тяжкый и бездушный. Сонце лупае зъ нього черепочки давнього на мулу и малюе по нимъ маленьки, фосфорычни зъвизды. Блымае той каминь мертвымы блыскамы, видбытымы видъ сходу и заходу сонця, и камянымы очыма своимы глядыть на живу воду и сумуе що не гнитыть його тягаръ воды, якъ гнитывъ видъ викивъ. Глядыть зъ берега на воду якъ на утрачене щастя.

Отакъ Иванъ дывывся на людей, якъ той каминь

на воду. Потрясь сивымъ волоссямъ, якъ гryptoю кованою зи сталевыхъ нытокъ, и договорювавъ:

— Та дякую вамъ красно, та най вамъ Богъ дасть, що соби въ нього жадаете. Дай вамъ Боже здорова, диду Михайле...

Подавъ Михайлови чарку и цилувалыся въ руки.

— Куме Иване, дай вамъ Боже прожыты ще на цимъ свити та най Господь мылосерный щасливо запровадыть васъ на мисце тай допоможе ласкою своею наново газдою стати!

— Кобы Богъ позволювъ... Газды, а проше, а дотягнить же... Гадавъ я, що васъ за стиль пообсажую, якъ прыйдете на весиля сынове, але инакше зробылося. То вже таке настало, що за що наши диды тай таты не знали, то мы мусымо знаты. Господня воля! А законтентуйте-жь себе, газды, тай выбачайте за решту.

Взявъ порцію горилкы тай пидійшовъ д'жинкамъ, що сыдили на другимъ кинци стола видъ постели.

— Тymoфихо, кумо, я хочу до васъ напытыся. Дывлюся на васъ, тай мени, якъ якійсь казавъ, молоди лита нагадуютьсы. Де, де, де-е? Ото вы булы хлопьяна *) дивка, — годна-сте булы! То-жь я за вами не одну ничку збавывъ, то вы въ танци ходылы якъ сновавка — такъ ривно! Ба, де, кумо, оти лита наши! Ану-но пережыйте тай выбачайте, що я на старисть танець нагадавъ. А прошу...

Глянувъ на свою стару, що плакала межы жинкамы и выинявъ зъ пазухы хустыну.

*) Молодецька.

— Стара, гей, на-но тоби платыну та гарно обитрыся, абы я тутъ нїякихъ плачивъ не выдивъ! Гостей соби пыльной, а плакаты ще доста часу, ще такъ наплачешся, що очи тоби вытечуть.

Видїшовъ до газдивъ и крутивъ головою.

— Щось бы-мъ сказавъ, та най мовчу, най шаную образы въ хати и васъ яко гречныхъ. Але ривно не дай Боже никому доброму на жиночый розумъ перейты! Отъ выдыте, якъ плаче, та на кого, на мене? На мене, газдыне моя? То я тебе выкоринувавъ на старистъ изъ твои хаты? Мовчы, не хлыпай, бо ось тоби сыви кискы обмычу тай пидешъ у ту Гамерыку якъ жыдивка.

— Куме Иване, а лышить же вы соби жинку, таже вона вамъ не ворогъ, тай дитямъ своимъ не ворогъ, та їй банно *) за родомъ тай за своимъ селомъ.

— Тymoфихо, якъ не знаете, то не говорить ани дзелень! То їй банно, а я туды зъ високомъ иду?!

Заскреготавъ зубамы якъ жорнамы, погрозывъ жинци кулакомъ, якъ довбнею и бився въ груди.

— Возьмить та вгатить мени сокыру отуть у печинкы, та може та жовчъ трисне, бо не вытрымаю! Люде, такой тускъ **), такой тускъ, що не памъятаю, що ся зо мною робыть!

*) Жалко.

***) Жаль, туга.

III.

— А проше, газды, а возьмить же безъ церемоніи, та будьте выбачни, бо мы вже подорожни. Тай мени старому не дывуйтесь, що трохи втыраю на жинку, але то не за дурно, ой, не за дурно. Сього бы никола не було, якъ бы не вона зъ сынамы. Сыны, уважаєте, пысьменни, такъ якъ дисталы якесь пысьмо до рукъ, якъ дисталы якусь мапу *), та якъ пидійшли пидъ стару, тай пылылы, пылылы ажъ перерубалы. Два роки ничого въ хати не говорылося — лышь Канада, тай Канада. А якъ мени дотыснулы, якъ я выдивъ, що однако мене мають отутъ на старистъ грызты якъ не пиду, тай я продавъ усе, що до крышкы. Сыны не хотятъ буты наймытамы писля мои головы тай кажуть: „Ты нашъ тато, тай заведы насъ до земли та дай намъ хлиба, бо якъ насъ роздильшь, тай не буде зъ чымъ кыватыся“. Най имъ Богъ помагае йисты той хлибъ, а мени однако гинуты. Але, газды, а мени переломаному до ходивъ? Я зробокъ—циле тило мозыль, кости дрыхляви, що закы ихъ рано звездешъ до купы, то десять разъ йойкнешъ!

— То вже, Иване, пропало, а вы соби тугы до головы не прыпускайте. А може якъ намъ дорогу покажете, тай уси за вами пидемо. За цымъ краемъ не вартъ соби тугу до серця браты! Ця земля не годна стилько народа здержаты тай стилькы биды

*) Карта.

вытрыматы. Мужыкъ не годенъ и вона не годна, обое вже не годни. И сараны нема, и пшеници нема. А податки накыпають, — що колысь платывъ лева, то теперь пъять, хто йивъ солонину, то теперь бараболю. Ой, ззолылы насъ, такъ насъ взяли въ руки, що зъ тыхъ рукъ ниhto насъ не годенъ вырваты, хиба лышь тикаты! Але колысь на цій земли буде покаянiе, бо наридъ порижеться! Не мае те вы за чымъ бануваты!...

— Дякую вамъ за це слово, але його не прймаю. Певне, що наридъ порижеться. А тожь Богъ не гнивається на такихъ, що землю на гындель пускають? Теперь никому не треба земли, лышь вексливъ та банкивъ. Теперь молоди газды мудри насталы, таки фаерманы *), що за землею не згорилы. А дывитьсано на ту стару скрыпку, та пускаты ии на гындель?! Таже то дуплава верба, кынь палцемъ, тай макомъ сяде! Та гадаете, що вона зайде на мисце? Отъ перевернется десь у окипъ тай псы розтягнуть, а насъ поженуть дали и подывытыся не дадутъ. Видкы такимъ дитямъ мае Богъ благословыты? Стара, а сюды-жь!

Прийшла Ивановыха старенька и сухенька.

— Катерино, що ты соби, небого, у свой голови гадаешъ? Де тебе покладу въ могылу? Чы рыба тебе мае ззисты? Та тутъ поряднiй рыби нема що на одынь зубъ узяты! Глядитъ!

И натягавъ шкуру на жинчынiй руци и показувавъ людямъ.

*) Фаерманъ—зъ немецкого Feuermann.

— Лышь шкура та косты. Куды цьому, газды, иты зь печи? Була ты порядна газдыня, тяжко працювала, не гайнувала, але на старисть у далеку дорогу выбралась. Отъ выдышь, де твоя дорога тай твоя Канада? Отамъ!

И показавъ ии черезъ викно могылу.

— Не хотила ты йты на цю Канаду, то пидемо свитамы и розвіємося на старисть, якъ лысть по полю. Богъ знае, якъ зь нами буде... а я хочу зь тобою передъ цымы нашымы людьмы выпрощатыся. Такъ, якъ шлюбъ мы передъ нымы бралы, то такъ хочу передъ нымы выпрощатыся зь тобою на смерть. Може тебе такъ кынуть у море, що я не буду выдиты, а може мене кынуть, що ты не выдитымешъ, та просты мени, стара, що-мъ тебе неразь догорывъ, що я, може, тебе колы скрывдывъ, просты мени и першый разъ, и другый разъ, и третій разъ.

Цилувалыся. Стара впала Иванови на руки, а винъ казавъ:

— А то тебе, небого, въ далеку могылу везу...

Але сыхъ сливъ уже нихто не чувъ, бо видъ жи-
ночного стола надбигъ плачъ, якъ витерь, що зь по-
межы острыхъ мечивъ повіявъ та вси головы мужы-
кивъ на груди похылывъ.

IV.

— А теперь ступай соби, стара, межы газдыни та пыльной, абы кожду свое дійшло, та напыйся, абы я тебе на вику выдивъ пьяну.

— А васъ, газды, я ще маю на два гатунки просыты. Десь може сыны пустять въ село на пошту, що насъ изъ старою уже нема. Та бы я просывъ васъ, абы-сьте за насъ наймылы служебку, тай абы такъ якъ сьогоня зійшлыся на обидецъ та выказалы очынашъ за насъ. Може Панъ Богъ менъче гриха прыпыше. Я гроши лышу Яковови, бо винъ молодой тай слухный чоловикъ та не сховае дидивъ крейцаръ.

— Наймемо, наймемо и очынашъ за васъ выкажемо...

Иванъ задумався. На його твари малюався якыйсь стыдъ.

— Вы старому не дывуйтеса тай не смійтеса зъ дида. Мени самому гей у стыдъ вамъ це казаты, але здаеться мени, що бувъ бы грихъ мавъ, якъ бы цього вамъ не сказавъ. Вы знаете, що я соби на своимъ горби хрестокъ каминный поклавъ. Гирко я його визъ и гирко його на верхъ высажувавъ, але поклавъ. Такой тяжкый, що горбъ його не скыне, мусыть його на соби трыматы такъ, якъ мене трымавъ. Хотивъ я скилько памятки по соби лышыты.

Стульвъ долони въ трубу и прытыскавъ до губъ.

— Такъ жалкую за тымъ горбомъ, якъ дытына за цыцькою. Я на нимъ викъ свій провивъ и окаличывся. Кобы-мъ мигъ, та й бы-мъ його въ пазуху сховавъ, тай взявъ зъ собою у сьвитъ. Банно мени за найменчою кришкою у сели, за найменчою дытыною, але за тымъ горбомъ такы николы не перебаную.

Очы замыготилы велькымъ жалемъ, а лыце задрижало, якъ чорна рилля пидъ сонцемъ дрижыть.

— Оцеи нocy лежу въ стодоли та думаю, та думаю: Господы мылосерднѣй, ба чымъ я такъ глыбоко зогришывъ, що женешъ мене за свитови воды? Я циле жыте лышь робъ, тай робъ, тай робъ! Неразь, якъ днынка кинчылася, а я впаду на ныву, тай ревнo молюся до Бога: Господы, не покынь мене николы чорнымъ кавалкомъ хлиба, а я буду все працоваты, хыба бы вже не мигъ ни рукою, ни ногою кынуты...

— Потимъ мене такой тускъ напавъ, що-мъ чыколнкы грызъ и чуперь соби мыкавъ, качався по соломи, якъ худобына. Тай нечысте цукнулося до мене! Не знаю и якъ, и колы — опынывся я пидъ грушкою зъ воловодомъ. За малу хвылю бувъ бы затягся. Але Господь мылосерднѣй знае, що робыть. Нагадавъ я соби за свѣй хрестъ, тай мени геть видѣйшло. Ой, якъ не побижу, якъ не побижу на свѣй горбъ! За годынку вже я сыдивъ пидъ хрестомъ. Посыдивъ, посыдивъ довгенько тай якосъ мени лекше стало.

— Отъ-стою передъ вами и говорю зъ вами, а той горбъ не выходыть мени зъ головы. Таки його выжу, тай выжу, тай умыраты буду, тай буду його выднты. Все забуду, а його не забуду. Спиванкы знавъ колысь, тай на нимъ забувъ, сылу мавъ, тай на нимъ лышывъ.

Одна сльоза котылася по лыци, якъ перлына по скали.

— Та я васъ просю, газды, абы вы, якъ будете на съвяту недилю поле съвятыты, абы вы николы мого горба не мыналы. Будь котрый молодой, най выбижыть, та най покропыть хрестъ свяченою водыцею, бо знаете, що пипъ на гору не пиде. Просу

я васъ за це дуже гречно, абы вы мени мого хреста никола не мыналы. Буду за васъ Бога на тимъ свити просыты, лышь зробить дидови його волю.

Якъ колы-бъ хотивъ рядомъ простелытыся, якъ колы-бъ добрымы, сывымы очыма хотивъ на выкы закопаты въ серцяхъ гостей свою прозьбу.

— Иване, куме, а лышить же вы тугу на боци, геть ии видкыньте. Мы васъ усе будемо нагадуваты, разъ на завше. Булы вы порядной чоловикъ, не лизлы натарапомъ на никого, никому—сьте не пероралы, ани не пересіялы, чужого зеренця не порунталы. Ой ни! Будуть васъ люде нагадуваты тай хреста вашого на святу недилю не мынуть.

Отакъ Михайло розводывъ Ивана.

V.

— Вже я вамъ, панове газды, все сказавъ, а теперь хто мене любыть, та той буде пыты зо мною. Сонечко вже надъ могылою, а вы ще чарку горилкы зо мною не выпылы. Закры-мъ ще въ свой хати и маю гости за своимъ столомъ, то буду зъ нымы пыты, а хто мене навдытыть, той буде такожь.

Почалася пятака, ота пятака, що робыть зъ мужыкивъ подурилыхъ хлопцивъ. Незабавкы пьяный уже Иванъ казавъ заклькаты музыку, абы гравъ молоджи, що заступыла циле подвиря.

— Гей, маеете такъ танцюваты, абы земля дуднила, абы одной травычкы на току не лышылося!

Въ хати вси пылы, вси говорылы, а нихто не

слухавъ. Бесида йшла сама для себе, бо треба ии було конче сказаты, мусилося сказаты, хочъ бы на витерьъ.

— Якъ я его выпуцувавъ *), то бувъ выпуцованый, котре чорный, то якъ срибломъ посыпавъ по чорну, а котре билый, то якъ масломъ снигъ помастывъ. Кони булы въ мене въ порядку, пысаръ мигъ сидаты! Але я грошей мавъ, ой, мавъ, мавъ...

— Кобы-мъ учынився середъ такой пустыни— лышь я та Богъ абы бувъ!.. Отоди-бы называлося, шо я панъ! А ця земля най западаеться, най и заразь западется, то я не згоривъ. Э, кобы то такъ по мойому...

— Ще не знаходывся такой зборщыкъ, абы шо зъ нього стягъ за податокъ, ой, ни! Бувъ Чехъ, бувъ Немець, бувъ Полякъ—ничого не могли взяты. Але якъ наставъ Мазуръ, тай найшовъ кожушину ажъ пидъ вышнею. Кажу вамъ, Мазуръ беда, очи пемы тай гриху за нього нема...

Всякои бесиды було багато, але вона розлиталася въ найрижнійши стороны, якъ надгныли дерева въ старимъ лиси.

Въ шумъ, гамиръ и зойкы и въ жалислыву веселисть скрыпки вризувався спивъ Ивана и старого Михайла. Той спивъ, шо його неразъ чуты на весилляхъ, якъ стари хлопы доберуть охоты и заведуть стародавнихъ спиванокъ. Слова спиву йдутъ черезъ старе горло зъ перешкодамы, якъ колы бы не лышь на рукахъ у ныхъ, але и въ горли мозыли понаро-

*) Зъ немецкого—putzen, чыстыты.

стали. Идутъ слова тыхъ спиванокъ, якъ жовте осинне лыстя, що нымъ витерь гонять по замерзлій земли, а воно разъ-наразъ зупыняється на кождимъ ярочку и дрожьть подертымы берегамы, якъ передъ смертю.

Иванъ тай Михайло отакъ спивали за молодіи лита, що ихъ на кедровимъ мости здогонулы, а вони вже не хотили назадъ вернуться до ныхъ навить у гости.

Якъ де пидтягали въ гору яку ноту, то стыска-лыся за руки, але такъ крипко, ажъ суставы хрупотилы, а якъ подыбували дуже жалислыве мисце, то нахылювались до себе и тулылы чоло до чола и сумували. Ловылыся за шыю, цилувалыся, были кулакамы въ груды и въ стиль и такой соби своимъ заржавилымъ голосомъ тугы завдавали, що врешти не могли жадного слова вымовыты, лышь: ой, Иванку, брате! ой, Михайле, прыятелю!

VI.

— Тату, чуєте, то вже часъ выходыты до коліи, а вы розспивалыся якъ за добро-мыру.

Иванъ вытрищывъ очи, але такъ дывно, що сынъ побилывъ и подався назадъ, тай поклавъ голову въ долони и довго щось соби нагадувавъ. Уставъ из-за стола, пидійшовъ до жинкы и взявъ іи за рукавъ.

— Стара, гай, маршь, разъ, два, тры! Ходы убе-ремося по панськы тай пидемо пануваты.

Выйшлы обое.

Якъ уходылы назадъ до хаты, то цила хата зары-

дала. Якъ-бы хмара плачу, що нависла надъ селомъ, прорвалася, якъ бы горе людське дунайську загату розирвало—такий бувъ плачъ. Жинкы заломылы руки и такъ сплетени держалы надъ старою Иваныхою, абы щось зъ горы не впало и їи на мисци не роздавило. А Михайло взявъ Ивана за баркы и шалено термосывъ нымъ и верещавъ якъ стеклый.

— Гей, колы ты газда, то фурны ото катраня зъ себе, бо выполычкую тебе, якъ...

Але Иванъ не дывывся въ той бикъ. Узявъ стару за шыю и пустывся зъ нею въ танецъ.

— Полькы мени грай, по паньскы, маю гроши!

Люде задеревилы, а Иванъ термосывъ жинкою, якъ-бы не мавъ уже гадкы пустыты їи живу зъ рукъ.

Вбиглы сыны и сыломиць вынесли обохъ изъ хаты.

На подвирию Иванъ танцювавъ дальше якоись полькы, а Иваныха обчепылася руками порога и прыповидала:

— Ото-жъ я тебе выходыла, ото-жъ я тебе выгрызла оцымы ногамы!

И все рукою показувала въ повитрю, якъ глыбоко вона той поригъ выходыла.

VII.

Плоты по-пры дороги трищалы и падалы—все люде выпроважувалы Ивана. Винъ ишовъ зъ старою, згорблений, въ цайговимъ*), сывимъ одинню и що-хвыля танцювавъ полькы.

*) Зъ немецкого—найгиршый бавовняный ридъ сукна.

Ажъ якъ уси зупынылыся передъ хрестомъ, що
Иванъ його поклавъ на горби, то винъ трохи про-
чунявся и показувавъ старій хрестъ.

— Выдышь, стара, нашъ хрестыкъ? Тамъ йе вы-
быто и твое имъя. Не бійся, йе и мое и твое...

ЗАСИДАННЯ.

Радни *) поволи стягались до канцелярии. Каждый, заки входывъ до хаты, высыкався у синяхъ, обтыравъ нись полою видъ кожуха и долонею ще доправлявъ. Отакъ кожый ишовъ межу люде. „Славайсу—на вики слава“—тай сидавъ на лави, що стояла довкола хаты.

Радныхъ було вже зъ половины, старши сидили близше до стола, а молодши трохи подальше. Въ кути коло печи стоялы синныкы одынъ на другимъ, а коло нихъ чорна бляшана банька. То бувъ шпыталь. То якъ разъ або два разы до року напысавъ ликаръ пысьмо до громады, що того а того дня буде въ сели, то вйть клыкавъ до себе полицыяна Тому.

— Уже, небоже, мусышъ завтра прыхарыты канцелярию, бо, бачъ, прыйшло пысьмо, що докторъ прыиде. Обшуруешъ трохи пидлогу, посыплешъ пискомъ; розкладешъ синныкы по пидлози, понакрываешъ ихъ лантухамы, поналываешъ тои смердячои воды зъ

*) Члены волостного правления и судьи.

банькы по кутахъ—тай очы заткаемо. Йе прыпысь, що шпыталь мае буты на холеру тай мусыть буты!

Отакъ полицей робывъ разъ або два разы до року зъ канцелярии шпыталь. А якъ радни потимъ сходылыся на раду, то вси пчыхалы и казалы: „Але бо паскудно смердыть!“ Ти, що булы у вйску, говорылы, що певно ликаръ робывъ „реперацыю“ и обмертвлювавъ, та видъ того такъ вертыть у носи. А Павло Дзиньо то вже добре мався. Винъ все дримавъ на ради. То якъ радни пчыхалы видъ сопуху шпытального, то все казалы:

— Павло м'ягкый на голову, та мы лышь пчыхаемо, а винъ такы спыть. Треба дохторови сказаты, абы намъ не обмертвлювавъ радныхъ, бо рада буде до ничого.

Павло не боронывся, лышень глядивъ перестрашенымы очыма на радныхъ, а лице його ставало ще чорнйше, якъ було. Його помиркувалы вь ради „намисть дурного“—тай вси зъ нього сьмйялыся.

Теперь радни сыдили на лави тай балакалы—поволи, линыво. Кождый сыдивъ якъ йому було липше и якъ навькь. Иванъ Плавюкь, що сыдивъ коло самого стола и бувъ найстаршый, схылывся на черево, склавъ руки якъ до молитвы, всунувъ ихъ межы колина тай плювавъ, покурючы люльку. Долони, нись и колина сусидувалы съ собою. Отакъ винъ сыдивъ та вповидавъ за ярмарокъ.

— Дайте мени покй зъ такымы ярмаркамы, якъ теперишни! Люде десь-не-десь, що грубшу яку штуку продають. Телятко, коровку—то ще, ще, але воливъ вже мало.

— Та бо тисно стало! А каждый соби гадае: куплю телятко, прыкохаю, десь трохы половы запарю, гарбузивъ кыну тай, уважаєте, щось прыросте на обкыдокъ. Тисни роки насталы!

— Правда, шо тисни. Десь давно то, бувало, попы гйкалы на наридъ, абы не пывъ, абы не гайнувавъ, а теперь, выдыте, наридъ и не пье и не гайнуе, а крейцара ривно не выдыть. Геть наридъ прыперся, а на велькдень такы ридко котрый солонуну мае. Такъ тяжко, вамъ кажу, якъ зъ каминя за той крейцаръ!

— Все перевекслювалося. Таже давно и сеи худобы не було выдко. Теперь худоба сама периста—тырольска, а давно була сама била. Я ще не такой дуже давный газда, а по жинци взяв-емъ таки били волю якъ снигъ, а рогы малы таки, шо въ ворота не влизалы. То, бувало, такъ биглы якъ кони. А якъ ихавъ до миста, то дзумбелавъ *). Казалы, шо то була венгерська худоба, якъ нибы за цю кажуть, шо тырольска. Тай тоди була дешева худоба, де-де-де-е!

— Дешево продавалося тай дешево куповалося, але липше було. Ади, таже то не лышь худоба инакша настала, а свыни-жъ давно таки булы? Булы, выдыте, усилякои масты и шерсть по ныхъ довга и драганысти на ногахъ, а теперишни сами били и гладки. То якъ станешъ на свынськйй торговоыци, то такъ нымы усяно, якъ билымъ цвитомъ. Лышь Мадзуры помежы ныхъ зъ черевамы похожають.

— То йе видай усякый гатунокъ. А нибы люде вси

*) Гнуздавъ.

однаки? Якось бувъ я у Коломыи тай дывлюся -- иде
якесь таке якъ дидько, Господы мени просты! Чорне
лице геть цилкомъ и руки. Гадаю соби: та цей абы
де ставъ у ночи на мости, тай бы кождому треба
воду освятыты. Та бо бигме! Якыйсь жыдокъ казавъ,
що то таки люде йе пидъ сонцемъ.

— Та вже певне, що йе усякый гатунокъ. Мій Ва-
сылъ якъ бувъ у Видни пры вйську та казавъ, що
выдивъ таки свыни, що ани вухъ, ани рыйкы, ани
нигъ не выдко, пышь такы толубъ.

— Йе всього на свити, а биды найбилше...

Бесида станула, бо вйть надйшовъ.

— Та що чуваты въ мисти, вйте?

— Кобы гроши, то въ мисти бы добре. Выжу,
паны лышь зайдуть на ресторацію, тай пьютъ та
поидають що найлипше и гроши мають. Кобы хочъ
на тыждень перекинутыся въ пана!—говорывъ вйть.

— Якъ у якого пана. Бо йе таки, що на соломи
сплять, а зубамы обискаються. Зверхы камазелька,
а сорочки чема. Лышь прытулыть на груды трошки
полотенця тай убрався! А не одынъ такой голоденъ,
щобы макухъ йивъ,—казавъ Проць, що давно у двори
служывъ.

— Та ще бувъ я у секретаря из-за тои толоky.
Щось винъ мени тамъ белендивъ тай каже, що к обы
каже, у вашимъ сели менче люде тыхъ газетивъ
на пошти спроважувалы. То, каже, ошуканство. Му-
жыкивъ, каже, йе щось дуже багато. То якъ лышь
двадцята пайка дасть по левови за газету, тай зроб-
ляться тысячи тысяченни грошый за дурно, за пусто.
Такой панокъ, каже, все самъ понапысуе, тумана

пустыть, замастыть, загладыть, а мужыкы дурни каже, чытають та ажъ облызуються, що панське поле на люды перейде.

— А вы певне стоялы та потакувалы? — пытавъ молодой радный Петро Антонивъ.

— Ни, брав-емся зъ нымъ за-баркы за якогось тамъ латюгу, що туманыть людей! Добре пипъ изъ Грушевой казавъ, що наридъ дається на пидмогу всякымъ криминалныкамъ, а потимъ, каже, прыйде що до чого, а воны изнырлы, а дурный наридъ сы-дыть по арештахъ. А тожъ мало попосочылы та по-каличылы?! Я лышь не люблю, якъ мени хто пидъ нись пидкыдае. Нибы я громаду продавъ або зра-дывъ? Нибы пхаюся у выбиръ? Выбираете, кого хо-чете, а я стою на боци.

— Вы бы пхалыся, але мы клычемо: ацю! Вы бы ще й дитямъ ковбасы принесли до дому,—говорывъ Петро Антонивъ.

— Мовчы!—закрычавъ вйть,—мовчы, бо скажу тебе закуваты, ты шмаркачу! Та дывиться, газды, чы я зъ нымъ свыни пасъ?

— Вы мени носа не обтералы, а на мою бесиду можете такъ потакуваты, якъ секретаревы.

Сварка почынала вже ставаты бйкою и старый Иванъ вмишався въ дило.

— Ты, небоже, Петре, не будь угурный, таже знаешъ, що молодой мусыть старшому змовчаты. Одынъ чоловикъ такой, що не боиться ничего, а другой тай боиться. Я самъ, газды, все за громадою стоявъ и стою, але, бигме, на вашъ збиръ не пи-шовъ-бы. Якость я зъ осени бувъ у мисти. Надыбае

мене злисный тай каже: ходитъ на збиръ та хочъ на старистъ подывиться, якъ мужыкы до купы йеднаються. Кажу я йому: бигме, я-бъ не пишовъ! Воно добре, що йеднаються, бо якъ то прыповидають, що громада велькый чоловикъ, але я не пиду. Я, Кажу, зрись и посывивъ, а ще въ крымынали годыны не сыдивъ. А теперь треба мени на старистъ нечесты? Таже здається мени, що кожда бъ маленька дытына въ сели показувала: ади, дядько Иванъ та въ арешти сыдили! Не пиду, тай не пиду! Мій Мыколай ходыть, але я не пиду.

Якось старый Иванъ сымъ та не тымъ тай улагодывъ сварку. Лышь гнивъ лышывся однако.

— Але мы балакаемо та балакаемо, а вы, вйте, не кажете, чога вы насъ посклыкалы? — пытався Иванъ, абы сварка не обернулася.

— Вже я васъ не буду склыкаты, кобы я добувъ свое, тай плюю на урядъ та най вамъ шмаркачи вйтують.

— Але, але, вы гадаете, що вйта не найдемо, мы бы зъ села на цилу околицю вйтивъ настарчылы,— не дарувавъ Петро.

— Та щось старший братъ мае на ради казаты,— говорывъ вйть.

Старший братъ церковный Васыль почавъ говорыты.

— Отъ не знаю, чы то въ четверъ чы въ пъятныцю та прыбигъ до мене пысарчынъ парубокъ. Ой, каже, дядьку, я выдивъ, якъ стара Романыха зпидъ церкви дошку несла. Пишовъ я на другой день пидъ церкву тай акурать нема одной дошки. То ще зъ тыхъ, що

видъ дзвиници лышылыся. Воно правда, що то вже здрыхлявили ти дошки, але якъ то эпидъ церкви рунтаты? Тай, выдыте, така стара жинка тай кывае то, що не до неи. Пишовъ я до попа, тай оповидаю, а пипъ кажутъ, що на раду даты знаты, бо, кажутъ, якъ то церкву обкрадаты! Я-бы, до пса, вже ничего не казавъ, якъ бы оно мое, але церковне та треба його борониты,—оскаржувавъ Васыль.

Вси радни мовчалы, бо хто-бы то надіявся, що стара Романыха та злодійка. Николы по сели не було за неи чуткы, абы вона крала.

За хвылю увійшла Романыха. Стара, обдерта, зъ сынимъ лыцемъ. Станула коло дверей тай почала борзо кризь плачъ говорыты:

— Я, газдыкы, вкрала ту дошку, такы украла, абы вы зналы, якъ мене мій сынъ на старистъ обсербуе! Та я въ хати не маю вихтыка солимкы, абы хоть покурыты! Я сыжу на печи тай замерзаю. Цилому, селови шыю та пряду тай пальци мени деревіють. Очи мени вже скаправилы. Та ще килько я зашыю, абы душу погодуваты — нема крейцаря на топлывце. Та я свому сынови всю свою крышку дала, лышь соби одынъ кутъ лышыла, а винъ навить до мене разъ на мисяць не подывытсья. Абы увійшовъ та: бисе чы чорте, що ты діешъ!? Ни тай ни!

— Але зъ пидъ церкви красты? Таже ваши гоны, жинко, вже не довги, та памятайте и на той бикъ, абы що прынеслы. Вы стара жинка, та я кажу, абы васъ не замыкаты ани быты, лышень дасте лева на церкву тай идить соби зъ Богомъ, а бильше абы я не чувъ за ніяку крадижку,—судывъ вйть.

Романыха кинулася, якъ опарена.

— Ой, вѣточку, та я вмру та не буду лева маты! де мени лева, де, де, де?!

— Мусыте!—була видповидь.

Радни мовчали. Чулы, що баба дуже бидуе, и зналы, що лева не мае. Але вкрала, що правда то правда, тай ще зпидъ церкви! Вже малы гадку сказаты, абы потрошки давала, по шустци, по дви, якъ почавъ говорыты Петро Антонивъ.

— Я-бы, люде, казавъ, абы таку бидну удову не караты. Церква видай не загрѣється удовынымъ левомъ. Десь то вповидають, що давно церкви западалыся и робылося на тимъ мисци озеро безконешне. Якъ-бы такихъ кервавыхъ левивъ удовыныхъ набраты та покласты въ скарбону церковну, тай видай бы жадна церква не стрымала слизь удовыныхъ. Це видай бы було не по правди. Та замисть абы церква баби дала, та ще видъ неи братыме того студеного лева? Я якось бувъ у бабы за прядывомъ. Вхожу, а въ хати студенище, якъ у газдивскій стайни. На опецку горыть каганецъ такой, якъ зеренце пшеници, тай только всього вогню у хати. Баба сыдыть та мне пальци, якъ деревяни. Я-бы казавъ, газды, абы вы не казалы ии платыты того лева.

Вѣтъ злисно поглянувъ на Петра Раднымъ якъ колы-бы каминь изъ серця спавъ. Вси однимъ голосомъ заговорылы, що не треба бабыного лева. И старый Иванъ сказавъ: „А най Богъ сохраныть!“ Ще казалы прыклькаты сына бабыного и старый Иванъ взявъ його картаты.

— Гей, гей, таже вона тебе на лани пидъ корчемъ

ховала та холоду шукала. Гей, таже вона тебе обпырала и облатувала и плакала, якъ ты до бранки йшовъ, а ты ии вихтыка соломы не кынешъ? Эй, кобы я бувъ вѣтомъ, я-бы тебе на остатне вогныво скувавъ!—проказувавъ Иванъ.

ВІСНИКЪ АНТИКЪ

ЗЪ МИСТА ІДУЧЫ.

Першый:

— Лышень самого полотна зо пятьдесять звоивъ по смерты лышылося. Такого багатыря пошукаты. Хлебъ стоявъ видъ десять рокивъ немолочный, — тамъ булы маеткы! А яка сумà?! Таже небищыкъ рикъ видъ року продававъ пару воливъ за шырыста левивъ. Де та сумà, де ти маеткы? Тай не знаты, хто тымы гришмы загрився? — Прышла смерть тай мусыть усе покыдаты!

— Бувало, прыйдемо до нього колядуваты. Выколядуемъ, що выколядуемъ, а винъ выходыть изъ хаты тай: прошу, братя, до хаты, най вамъ красно подякую за колядку. Входымо до хаты, пообсажуе за стиль тай каже: прыматимете якъ йе, бо якъ бы я не одынокый, то жинка бы якось прылагодыла, а такъ най жинка зъ Богомъ спочывае на могыли, а вы выбачайте. Тай самъ насъ прыймавъ. Бувало, понакладае таки хлибы, якъ точыла, та таки били, якъ зъ фунтовой муки. А солонны якъ унесе, то така якъ долоня завгрубшкы. Такои теперь и въ ризничокъ не выдко. Горилкы вже килько було, щобы вужи

малы доста. То, бувало, пьемо та йимо, а винь просыть якъ на весиллю: пийте, братья, якъ не стане, то ще прынесу, напийтеся у старого! То пьемо та колядуемо старому:

Будь же намъ здоровъ, пане Максые, въ недилю,
Въ недилю рано зелене выно сажене.
Виншуемъ тебе шастямъ, здоровямъ въ недилю,
Въ недилю рано зелене выно сажене.
Чесный, велышний, а въ Бога вдяшний въ недилю.

— То якъ вже выколядуемо, а винь пье чарку до насъ тай сльозы обтырае. „Якъ стара моя, каже, жыла, то вы и ии колядку колядувалы, а теперь нема кому заколядуваты тай старому сорочки выпраты. Я, каже, не знаю, у котрый куть головою ударыты, де прытулытыся?“ То, знаете, ажъ намъ сльозы стануть въ очахъ, якъ винь зачне за свою одынокисть оповидаты. Такъ мы сыдили не разъ добрыхъ тры годины у Максима. Бувало, вже зберемся, а винь не пускае. „Йе, каже, въ мене и йисты и пыты, якъ якыйсь казавъ: и хлибъ и до хлиба—та ще забавтеся, бо безпешно, якъ умру, то въ цій хати не будете напыватися. Лышь мене, каже, прыпорпають, а мій Тymoфій все пустыть—що до шенту. Я, каже, старый, абы брехаты, а вы, молоди, будете жыты, та будете выдаты. Тай, дывиться, такъ сталося, якъ небижчыкъ вищувавъ.

Другый:

— Якость паламарыха на сапаню вповидала, що винь, небищчыкъ, не любывъ до коршмы заходыты. Лышь, каже, разъ або два разы въ рикъ вперизувавъ чересь, клавъ у „злoдійку“ пятку тай гайда до коршмы! Правда, шо не любывъ ходыты до коршмы,

але вже якъ пишовъ, то сороки й вороны пылы— пывъ хто не хотивъ! А десь по опивночи вертався до дому вже добре горилчаний. То, каже, уси сусиды знали, що винъ иде до дому. Стане, бувало, на воротяхъ у себе тай крычыть: на сыроты, на бидни запышу, а йому не дамъ, що довкола мызынного палця обмотаты! Тай ишовъ соби на прызьбу. Якъ бувъ пьяный, то николы не входывъ до хаты, чы зима, чы лито— все на прызьби спавъ. Тай уповидають, що якесь нечысте прысылувалося до нього та мордувало на прызьби. Стогне, стогне якъ худобына, тай схвататься зъ прызьбы та довкола хаты бижить, бижить, та крычыть: рабивныкы, злодіи, що мою працю розтягаєте!? Тай, бачу, хапавъ дручокъ та обгонывъ циле господарство, якъ песъ видъ якихсь злодівъ. Дывыся, а винъ зновъ на прызьби дримае. Ого, вже за минуту тай верещыть, ажъ кризь вуха промыкається: паршыку, а тыжъ, гей, що корову изъ колешни выводышь?! Та я тоби аминь зроблю!—Тай зновъ литавъ, якъ несповна розуму, по тоци. То, казала паламарыха, що такъ цилу ничъ божу нымъ носыло, та мордувало. Спыть на прызьби та кризь сонъ гукае: ади, ади, вже лицитують, вже бьють печаткы, вже на бубонъ выклекають! Видай воно правда, що винъ ще изъ за-молоду купывъ соби щезныка. Винъ и до худобы знавъ, таже коровы у нього по дійныци молока давалы.

Третій:

— Якость незабавкы, якъ Максымъ умеръ, та въ мене хлопецъ заслабъ. Гадаю соби: таже треба якогось лику шукаты! Умре, бидный свите, тай ховай не знаты

зъ чымъ тай у чимъ? Тай пишовъ я до нашої брехунки, до Касыяныхы. Акуратъ вона надійшла, прымовыла хлопцеви тай, якъ то знаете, пошта—сила тай розповидае. Ходыть по сели та все знае, шо де діеться. Тай уповидае жинци, шо, каже, тыжнемъ передь смертею та бувъ у мене Максымъ. Слухаю и я. Ще видай, каже, и на день не займалося, якъ прыйшовъ. Вчула я, шо хтось дверыма рыпнувъ тай схватылася, кажу, певне до родивъ. Дывлюся, а то старый Максымъ. Ты, бабо, десь каже ій небижчыкъ, ще спышъ, а то вжеднына. Эй де, каже, днына! Сивъ винъ на лави тай такой обминеный сыдыть, шо ажъ. Ты, каже небижчыкъ, якась брехунка та дай мени розвязокъ на сонъ. Саме, каже, въ опивночи приснылося мени, шо десь я выхожу зъ хаты на двирь, а то зъ полудня така чорна хмара, шо ажъ сыня краямы! Гадаю соби: ото заразы упалыть градъ, гой—гой, пиде хлибъ у нивець! Тай пишов-емъ до хаты, вынись кочергу тай лопату тай склавъ навхрестъ. Та лышь я склавъ навхрестъ, дывлюся, а то зпидъ вугла вода просикаеться. Ставь я тай дывуюся. Э, та бо то зъ другого, зпидъ третьего, ба й зпидъ усихъ норы пустылы! Десь я збоявся. Глыпнувъ я на тикъ, а тамъ таки норы грають, якъ на синожатяхъ. Десь я побигъ за рыскалемъ, десь я спускаю ту воду въ ставъ, десь та вода снопы пидмулюе, колешни пидмывае. Видкыдаю десь снопы тай ажъ упривъ—тай пробудывся. Ты якась, каже, брехунка, та розвяжы мени цей сонъ, шо воно мае буты зъ тымы норами? Тай, каже Касыяныха, шо я йому сказала, то сказала, але винъ у тыждень та й умеръ. То та видьма помогла таке Максымови,

якъ мому хлопцеви. Але кобы я іи лице уздривъ, тай перевальвъ бы якъ суку! И гроши взяла, и горилку пыла, а хлопецъ до трьохъ день тай на лави!

Першый:

— Знакъ тому, що бувъ вищунъ, бо все сповнылося, якъ вишувавъ. На його подвирю акурать можуть теперь норы граты! Ани хлиба въ оденкахъ, ани худобы, все Тymoфій поспродувавъ. Пишло маество якъ за водою.

Другый:

— Колы бо, выдыте, за жытя винъ не злюбывъ сына тай слова доброго йому не сказавъ, а сынъ якъ дирвався до маетки тай таке понаплитувавъ, шо ниhto тому кинця не найде. Банкы, якисъ вексли, жыды и всяка нужда. Пропадае на пни. Тай кобы вы знали, шо Тymoфій и не пье, лышь такъ йому все зъ рукъ паде якось. Богъ знае...

Третій:

-- Але чы—сьте чулы, яку Тymoфій мае поторочъ изъ жинкою? Та, бачу, вже іи добывае. Десь ще зъ осены зъихала комисыя зъ банку до нього тай каже: або гроши, або пускаемъ маетокъ на виклыканные. Звертився, звертився, тай до жиночої пайкы. Дурна жинка беры та пидпышысь у нотаріуша та дай свій грунтъ продаты. Нибы дистала якыйсь той вексиль, вповидають люде, але теперь ій той вексиль бокамы лизе.

Першый:

— Ой правда, шо дурна! Друга жинка тай дитей нема... Та най бы чоловикови яка прымха сталася тай шуруй, бабо, попидъ чужи плоты. Таже диты

видъ першої заразы бы нагнали. Тай шукай, бабо, права не знаты де и зъ чымъ?

Другий:

— То вона, бачу, дала той вексиль братови, а теперъ прыходить речынецъ платыты тай дотыскають. Та теперъ тамъ у хати таке покаянiе, щобы птаха не сила на хату. Якъ дизнався, що вексиль вже у мисти, та якъ прылетивъ зъ миста, то й кони не розпрягавъ, але влетивъ до хаты та до жинкы.

— А вексиль де?—каже.

— Ой, я дала братови.

— То въ тебе братъ чоловікъ, чы я?—Та бачу бывъ, бывъ, ажъ ребра поломывъ. Якъ учувъ тай розумъ стратывъ.

— Клады, каже, голову на поригъ, най рубаю, ты пидешъ сыру землю йисты, я на шыбеныцю, а диты жыдамъ воду носыты!

А вона, бачу, молыла та просыла.

— Ой, каже, чоловіче, кобы я зъ тобою мала хоть одну дытыну, а найже тоби що станеться тай я пиду попидъ чужи вуглы кукаты?

— Маешъ, каже, кукаты, якъ глуха зозуля, закъ тебе у грибъ не зажену. — Тай ляглы отакъ спаты, винъ зъ краю, а вона видъ стины. Що годыны, бачу, встававъ та бывъ. Кажуть, що болото зробывъ зъ жинкы! А рано вона хотила втекты, але взявъ та привязавъ та мисывъ обцасамы, якъ у глыну. Най Богъ боронить видъ такого!

Третій:

— Здуривъ чоловікъ тай решта. Таже винъ рано видвязавъ iи, тай казавъ, абы гарно вбралася, бо

пидуть на храмъ. Тай поволочывъ, кальвинъ, таку збыту на друге село. Але вповидалы люде, що на храму вона скинула киптарь, а сорочка кервависенька! Обступылы їи жинкы та пыталы, що то їи таке? А вона бидна въ плачь! Все храмови иззыраються якъ на чудо. А Тymoфій, бачу, вставъ из-за стола тай: жинко, каже, маршь до дому! Та такъ вони похрамувалы. Якъ верталы до дому, то лышь одынь Богъ знае!

Першый:

— Геть люде падуть у долину такъ, якъ бы ихъ хто трутывъ у бульбону *).

Другый:

— Таки небищыкъ Максимъ щось знавъ до себе. Ади, норы знорылы и його маество и невестци норы по плечахъ просикають.

Третій:

— Таке знавъ, якъ и мы. А нибы такъ не пишлы уси господарства? Лышь Максимове? Аже-жъ вашъ тато ще мавъ грунтъ и волы, а вы вже зарибный чоловикъ.

Другый:

— Та мавъ, але де тому кра-ай! Де, де, де-е!

— Отъ якость мы добылыся до села. Ротъ ба сеи, ба тои—балу та балу, а ноги бидолахы йдуть. А вы завтра де йдете?

Першый:

— Та до двора!

*) Глыбинь, прирва.

Другой:

— А я до того паршывого Срулыка, бодай його шляхъ трафывъ. Ще видъ лита вынень.

Третій:

— А я до попа...

СВЯТЫЙ ВЕЧИРЪ.

Сыня якъ пупъ сыдила на печи посередъ купы дрантя и безъ улыну была головою въ стину. На прыпичку сыдивъ сынъ бабынъ.

— А хочъ бы-мъ продався, то топыла ни звидкы вамъ не дистану, а хочъ бы-мъ укравъ, тай піймають. Сыдить на печи, обтулуйтесе въ лахмитя, якъ можете, тай тепла чекайте. У мене мали диты та вянуть бидолахы на морози. Отъ прынисъ вамъ хлибъ тай горилкы крышку, тай билу дранку та обїдить соби свита по божому. А може ще люде вамъ що внесуть. Тай головою у стины не быйте, бо ничего зъ нихъ не выбъете.

— Колыжъ бо я, сыну, такому морозови и такій студени не годна вытрыматы. То ажъ въ самыхъ кисткахъ я морозъ чую. А головою я въ стину бью, бо бы-мъ на мисци задеревила, якъ бы мъ не была.

— А ноги нїякъ не стухають?

— Ноги, сынку, якъ коновкы набренилы: ани ихъ пигнуты, ани ихъ зибгаты.

Показала ноги сыни и блыскучи якъ скляни бервена.

— Я не годна ночи зночуваты, таки ночи довги,

довги, якъ колы-бъ десять на одну склавъ. Все очы-наши зговорю, все поперегадую видъ найменшой дытны тай дня диждатыся не могу. Тай такъ гирко сыднты самому у такимъ студенимъ вертепи.

— Та кобы хочъ Богъ змылувався та муки вамъ довгои не давъ тай лежи гнылои, абы васъ борзо спрятавъ.

— Ой, сынку, я такъ тои смерты, якъ мамы риднои, чекаю. Въ ноци то въ кождый куть пролуплюю очы, чы де зъ кута не прывыдыться, бо якъ прывыдыться тай незабавкы такы приходыть. Але не прывыджується.

— Та смерть прыйде, але колы. А кони стоять. Гай, скыньте непранку та най на васъ сорочку натягну.

— Я, дытыно, замерзну, якъ ты мене въ билу сорочку вберешъ. Я рада, що-мъ цю на соби загрила тай, якъ якийсь казавъ, свой нужи рада, що и заплодыла, бо все вкусыть, то отъ якъ теплице въ шкуру.

— Вы вже розумъ выстарилы—таже не маєте на Риздво у такій нужди сыднты!

Натягавъ на маму сорочку.

— Не далеки ваши гоны, косты якъ мечи изъ шкуры вылазять—кобы борше.

— Тай я ото, сынку, кажу, кобы борше.

— Та святкуйте, здорови.

— Йды, йды, бо то панська служба.

Дрижала на печи зъ холоду и головою въ стину была.

— Ото добру дытыну маю, ото ходыть коло мене тай не забувае. Николы не встыдався, що мама зъ торбою ходыть. Благословлю тебе, сынку, на все добре.

И рукою благословила.

Легесенько ковтала головою въ стину, якъ бы зъ радости, що сына доброго мае.

-- Славайсу.

— На вики слава.

— Я вамъ, бабо, солодкои пшеници тай тиста прынесла, абы-сьте за мою Марію очынашъ зговорылы.

— Просты-бигъ, небого, я зговорю очынашъ за твою Марію.

Хрестылася сынимы рукамы.

— Славайсу.

--- На вики слава.

— Наднись я газди трохи пырогивъ, а вы за мою першу очынашъ выкажить.

— Бо-да-просты, Андрію, я выкажу за твою Катерину очынашъ.

Шепотила молитвы.

— Славайсу

— На вики слава.

— Я вамъ, бабко, рыбки прынесла, а вы за нашу маму поклоны выбыйте. Въ людей свято, а въ насъ, якъ бы тило ще на лави лежало, такъ плачемо. Ще того святъ-вечора вони намъ вечерю лагодылы.

— Я, сыриткы, выбью поклоны за вашу маму.

Дивчына плачучы выйшла, а баба продувала порохъ зъ печи и цилувала землю и поклоны была.

Дуже багато мысочокъ люде поназносылы.

Вечиръ ловывъ за очи, и бабы вже не було выдко, лышь іи молитвы розходылыся зъ печи по хати.

Галузя грушки шморгало у викна, а шыбки дзеленькотили.

— Колядуй мени, грушечко, колядуй, бо никто мени цього вечора не заколядуе, такого велького вечора лышь ты баби колядуешь.

Въ рукахъ держала флящину зъ горилкою.

— Я буду горилочку попываты, а ты мени гарну колядочку колядуй тай мому сынови, бо свои мамы не скидається...

Пыла.

— Якъ бы не винъ, тай бы мене ажъ на весни найшлы, якъ бы сопуха зъ печи ажъ на дорогу вдарыла.

Пыла.

— Ади, оцей, грушечко, жиноцькой, що каже:

Нова радисть стала, яка не бувала.

Надъ вертепомъ звизда ясна свиту засіяла...

Дрантывымъ голосомъ цилу коляду видколядувала.

— Теперь увесь мырь, увесь ридъ колядуе и веселиться, а я соби зъ грушечкою, мы обыдвѣ соби. А оцей, грушечко, стародавнъои мому Мытрови:

Виншую тебе шастячъ, здоровлямъ, повій,

Повій, не витерь похыльвъ явирь стыхенька

Верещала, якъ бы зъ неи хто пасы деръ.

— Оцей мій старый любывъ колядуваты. Выдышь, старый, а я соби безъ тебе пью та гуляю тай колядую. Твоя грушечка зо мною колядуе. Ой, я вже зъ тобою ни, ой, ни! Я не твоя вже газдыня...

Пыла.

— Ой, не твоя! Я соби безъ тебе раду дала, я соби торбы пошыла тай межы люды пишла. Якъ я

зъ торбою за твій поригъ переступыла, тай я вже не твоя газдыня, нема рыхту.

Пыла.

— Але якъ я выйшла, Михайлыку, першый разъ зъ торбою на дорогу, тай чула-мъ, що ты у гроби перевернувся, а мени видъ сонечка святого соромъ стало тай вернулася до хаты. Молытвы старецьки говорила у твои хати. Отаку ты газдыню лышывъ писля себе.

Пыла.

— А теперь мене, чоловиче, псы зъ усихъ силь знаютъ, а я ихъ твоею палычкою видгоню. Але я тымъ жебранымъ хлибомъ сына згодувала. Винъ мами йистки внесе, винъ сорочечку мами на плечи натягне, винъ мамы не скидається. За нього, старый, уси грихы матымешъ прощени, за нього одного. Бо за твою газдыню ты ласкы въ Бога не достушышь.

Напылася.

— Але-жъ я, старый, пъяна, але-жъ я помыйныця! Кобы ты мене теперь уздривъ тай душа бы у тебе зрадувала. Але-жъ бы парывъ, але-жъ бы бывъ! Лышь за кыскы та голову межы колина—тай вязы на двое. Бый жебрачку, та вона твою памъять зъ торбою свитамы рознесла! Бый, якъ суку, бый, най вона тоби до хаты дидивськыхъ куснивъ не волочыть!

Выпыла решту.

— А прыпры-жъ соби, гей, газдыню, лышь такы ймы за кыскы та отакъ оту старыцю...

Гатыла головсю въ стину, якъ скажена.

— Лышь такы отакъ, най терпыть торба громадська.

ДИТЫ.

Поклавъ грабли коло себе, сивъ потимъ на межу, закурывъ люльку тай гадка гадку пошыбала. А дали говорывъ на четверо гоный за голосно.

— Най я трошки спочыну супокоемъ, бо лышь дома вкажуся тай заразы дидови роботу найдуть. Таки невестка, кобы здорова, круть, верть, тай заразы запиворыть: „та бо вы не сыдить“...

— А то Господь, що надъ намы, выдыть, що я лышь ногамы перебираю. А руки, бачъ, якъ згребло, а вже я мисяць не голений, а до церкви вже дорогу забувъ. У чимъ пиду, колы все зъ плечей забралы?

По межи, по межи тай дидивъ голосъ цилымъ полемъ вандрувавъ тай вси оберталыся въ сторону за дидомъ. А винъ скаржывся, не перестававъ.

— Ой сьогоня таки диты. Але мене ще Богу-дякуваты, зъ памяты не выкынуло, я ще знаю, яку бесиду у нотаря мы малы. Сухенький бувъ панокъ зъ боридкою, тай винъ такъ розвязувавъ сынови. Дидови, каже, допоки його жывота, то мае йому буты його постиль, винъ мае спаты, винъ мае вылежу-

ватыся, абы и до схидъ сонця. А вже якъ, каже, його на лаву покладете та землею прыпорпаєте, то ты тоди зъ лавы на дидову постиль перебирайся. А баби, каже, мае буты бабына пичъ, вона най ся выгривае, най ся Богу мольть, а якъ вже ии обмыете тай руки навхрестъ складете, та тоди най невестка вже лизе на пичъ, бо вона ии.

Осинный витерь грався сывымъ волоссямъ дидовымъ.

— Але кобы нотаръ десь вечеромъ подывывся до хаты. Сынъ на постели, невестка на печи, а я зъ старою на земли, на соломци валяемося. А це жъ по правди, а де Богъ йе? У цыхъ людый вже нема Бога, ой, нема....

Ще й головою казавъ, що нема Бога у молодыхъ людый.

— Здыхайте, стари, бо вамъ шкода ложки стравы. Молочко поидають, сырець поидають, а мы якъ щенята на ныхъ дывымося. А я имъ коровку давъ, овечкы давъ, плугъ давъ, усе давъ. Якъ люды дають, та такъ и я давъ. А сьогоня воны вповидають, що вы стареньки, слабеньки тай йижте маленько. Отакъ намъ уповидають наши диты.

Голось дидивъ дрогнувъ тай дидъ урвавъ бесиду.

— Тай поховають насъ якъ псивъ, бигме, чобота на ногу не покладуть....

Громада бузькивъ спала на очереть и злопотила крыльмы надъ дидомъ, ажъ злякався. Въ тепли край збиралыся видлитаты.

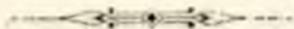
— Ого, вже осинь. Отакъ, отакъ тай Риздво не забавытсыя.

— Але яке воно розумне, хочъ птаха, лышь що

не говорыть. Йому зле, а воно соби шукае липшого. Въ зыми нема жабы тай холодъ. А воно знае напередъ. Не такъ якъ чоловікъ, що мусыть свои тры дни на мисци коротаты.

Вставъ зъ межи, сховавъ люльку, взявъ грабли, тай пустывся до дому. Ще килька разивъ обертався за бузькамы. Тай ставъ.

— Ба, хто бы мени, добрый, сказавъ, чы я ще зъ бабою дочекаю, абы ихъ назадъ выдиты, якъ повернуться? Видай вже котресь изъ насъ брыздне, видай уже бузькивъ не будемо выдиты...

П И Д П Ы С Ъ.

Мала Доця ходыла лавою по за плечи газдивъ, що пысалы коло довгого стола свои имена. Кождый зи взору. Грубымы рукамы оти пысари обходылы зъ кожного боку, видкы бы найлипше имъ початы. Грудьмы прытыскалы такъ до стола, що ажъ скрипивъ. Наука йшла тыхенько, лышень чуты було мясканя губивъ, якъ газды мочылы оливце въ роти. А биявенька Доця заглядала до каждого, чы добре пыше.

— Доцю, гей, а подывыся, якъ воно выглядае?

— Ще чепирнате таке, якъ нечесане повисмо, ще пышить.

И газда пхавъ оливце въ ротъ и зачынавъ зновъ пысаты.

— А ну-ж-но, глыпны на мое, бо я вже його чешу другый вечеръ ажъ мени груди болять. Ану чытай, що я напысавъ.

— Павло Лазыренко.

— Акурать я. Та такъ воно тамъ стоитъ, що кождый пизнае?

— Хто вчений тай кождый.

И Павло почервонивъ зъ утихы и оглядавъ карточку зъ усихъ бокивъ...

— А ну-ж-но я ще разъ його выпышу.

И нахылвся и слынывъ оливце.

Доця якось дуже поважно ходыла по за плечи газдивъ, їи мама дывылася зъ печи и утыхомыряла хлопцивъ, абы не верещалы, бо дядькы позмылюють нумера.

На лави сыдивъ старый Якивъ Ярымивъ и зъ великымъ вдоволенемъ дывывся на оту науку. Врешти не мигъ выдержаты, абы не заговорыты. Дви годыни глядивъ зъ наибильшою увагою, а теперь не втерпивъ.

— Гей, газды, та лышить трохы на завтра, таже груды вамъ потрискають.

Газды пиднялы головы и якъ прышыблени выглядали.

— Вышукав-емъ вамъ добро тай маеете мени подякуваты, а Доци маеете дарунокъ купыты.

— Та хто васъ на таке вгараивъ?

— Вида мене на це нарадыла.

— Яка беда?

— Вексли.

И старый Якивъ ставъ розповидаты вже сотый разъ, якъ то було.

— Таже вси знаете, шо-мъ на горилку не вязавъ землю по банкахъ, бо мене Богъ бы скаравъ. Але стара мене запхала.

— Яка стара?

— Вы отъ и молоди и вчытеса, выжу, пысьма тай ничего не знаете. Уходыть зъ коморы тай каже: „Гей, старый, таже муки нема, лышь зо дви мысчыны въ миху.“

А я подумавъ, подумавъ тай гай до миста пысатыся на сотку до заволичкового *) банку.

— Прыйшовъ я, знаете, до того банку и кажу, що такъ и такъ: не стало хлеба межы диты тай прошу пане вашои ласкы тай Божои позычыты сотку.

— Грунтъ маешъ?

— Йе, пане, таже безъ грунту сьогоня ниhto не дасть.

— А стоить на тоби?

— На мени.

— Табула **) чыста?

— Геть все чысто.

— Довгы маешъ?

— Та десь межы жыдамы йе не такый-то довгъ лышь струпъ. Та вже за цю сотку и хлеба межы диты кыну и жидамъ ротъ заткаю.

— То прынесы аркушокъ и анистратъ ***) тай пидешъ на засидання.

-- Та колы прыты на те засидання?

— Говоры до мужыка! Тебе самого не треба, лышь паперивъ.

— Выбачайте мени, пане, бо я не порозумивъ, а паперы—ось вони.—Тай вытягъ зъ пазухы тай подавъ. Тамъ, кажу, десь йе все, бо я то до купкы все складаю вси пысьма. Я, выдыте, тому не розумію ничего та все ото разомъ трымаю. Перебравъ винъ, найшовъ, що до нього тай каже: за тыждень прыйды.

*) Позычковый, зъ польского *zaliczka*.

**) Табула—урядови кныгы грунтови.

***) Extract—вытягъ.

— Ходывъ я зо тры разы, ажъ каже на рещти, що йе гроши ухвалени.

— А вміешъ, старый, пысаты?

— Эй, де, пане! У школи мене не вчылы, у вйську не бувъ, тай цилкомъ слипый.

— То мусышъ пидпысуватися у нотаря.

— Я, прошу, покладу знакъ своею рукою, ось хрестыкъ, а вы пидпышить...

— Не можна, каже, на вексляхъ хрестивъ класты...

— А я въ гадкахъ ставъ. Це якъ возьмутъ упысъ, якъ процентъ напередъ видберуть, якъ нотаряви заплачу тай — того капиталу мало що мени лышыться.

— Звертився я по мисти за ручытелями тай надыбаю шевця, отого злодюгу Ляпчыньского. Воно, беда, все ныкае по мисти. Ставъ я тай розказую за свою биду.

— Хлопъ, каже, все дурный, гные цилу зыму тай бы не навчывся навить свое порекло на пысьми покласты.

— А хочъ ты злодюга вична и помыйныкъ жыдивськый, але слова добри маешъ, — погадавъ я соби тай побигъ дали.

— Прывивъ ручытеливъ, пидпысалысь мы у нотаря, але зъ соткы тринадцять левивъ обирвалы.

— Несу я ти гроши до дому, а той швецъ мени зъ головы не вылазыть. Злодій то злодій, але слушни слова говорыть. Отже рвуть шкуру, здіймають якъ зъ вола. Сотку нибы узявъ, а до дому що несешъ?

На отсимъ мисци все Якивъ плювавъ и теперь плюнувъ.

— Кождый хоче видъ руки, кождый хоче дурнычкы, а то бо вже такъ тисно стало, що—разъ тисно.

— Поклавъ я гроши у скрыню, а самъ до Доци. Ты, Доцько, дида навчы пидписыаты намено... Я волюю тоби плахтыночку купыты...

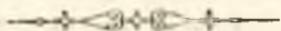
— Тай навчыла, тай вы по сели перечулы, тай зъ дида насмихалыся. Але прыйшло до крутого, треба вексли пидписуваты, а вы за дидомъ до Доци. Я вамъ дорогу показавъ, що вже не маєте гроши утрачуваты.

— Та вже не маемо, — видповидалы газды, — та маемо вамъ подякуваты тай Доци, нашій навчытельци.

— Але маєте вси ій по дарункови прынести.

— Таже певне...

Доцька сыдила на печи и дуже тишылася, и мама ии усьмихалася.

Л А Н Ъ.

Довгый такой та широкий дуже, що окомъ зиздриты не можна. Плыве у витри, въ сонцю потопае. Людськи нывы залывае. Якъ широкий, довгый невидъ. Выловыть нывкы якъ дрибоньку рыбу. Отой ланъ.

Зисхле бадылля бараболи шелестыть на нимъ. Пидъ корчемъ мала дытына. И хлибъ ще и огирокъ тай мысчына. Чорный цвиркунъ дотульввся нижкы тай утикъ. Зеленый коныкъ держытьсѣ подалекы. Мидяна жужельця борзенько оббигае дытыну.

А воно плаче за шелестомъ бадылля. Тай звернулося и впало. Впало ротомъ до корча. Бѣе нижкамы, дуже пручається и поволенькы сынѣ.

А посередь розкопаныхъ корчивъ спыть мама. Якъ рана ноги, бо покаличени, посичени, поорани. Прывъязана чорнымъ волосямъ до чорной земли якъ каминь.

Сонце радо бы цилу миць свою на ии лыци покласты. Не може ии пидвесты тай за хмару заходыть.

Чорный воронъ знявся, облитае, облитае тай краче. Врешти зирваласѣ. Наслухае, наслухае.

— Ото я! Коло роботы спаты!

Взяла рыскаль и копае, разъ по-пры разъ корчи розрывае.

-- Добре, що спыть. Така мука, така мука йому тай мени зъ нымъ. А заробыты треба, бо въ зыми ниhto не дасть.

Нагнулася, тай копае, борзо, хутко. А той корчъ обмынае. Тилькы спокою, докы спыть...

Л Ы С Т Ь.

У хати було такъ ясно, що баба Грыцьха выдила кождый палець Иванкивъ, де винъ до стины прытульвся.

Сонце спускалося насампередъ на лись, що стоявъ на гори передъ хатою, на його галуззю лышало вси свои дороги камини блыскучи, а лись бывъ проминямы у викна хаты.

И такыхъ ихъ було багато въ хати, що баба выдила кождисинькый палець Иванивъ на стини.

— Гей, Иване, абы я тебе не выдила бильше на лави! Глянь, що ты изъ стинъ поробывъ. По земли соби бигай.

Иванко бигавъ видъ порога до стола та возывъ на нытци колищатко видъ нытокъ тай казавъ баби:

— Не бійтеса, я вже, бигме, не буду.

Коло бабы на печи сыдила маленька Марійка зъ заплетеною кисочкою якъ мышачый хвостыкъ.

— Боже, Боже, якъ народови тисно стало жыты, а якъ свята надійдуть тай наридъ такы веселытеса,— гадкувала соби баба.

Лице зморщене, сини губы, сухи руки, сывый волосъ—отака баба.

— Ба, дядько Васыль идуть до насъ изъ Мыколю Семеновымъ, изъ тымъ, що въ школахъ винъ вчыться.

— Тикай изъ земли, бижы до бабы на пичь!

До хаты увійшовъ Васыль изъ школяремъ.

— А въ васъ, мамо, на печи Риздво? Виншую васъ щастямъ, здоровлямъ, абы вы ще прожылы межы нами, — виншувавъ сынъ мами тай цилувавъ въ руку.

— Ой, сынку, мени Риздво не въ голови! Я, ды-тынко, вси дни оплакую и свято и будень, — казала баба тай слёзы въ очахъ показались.

— А я прыйшовъ пысьмо видъ Федора прочыта. Чыло вчора на пошти прыйшло. Семенивъ отъ прочытае.

— Та що прыпысуе, дужый винъ, чы слабуе?

Васыль вытягнувъ лысть зъ череса, подавъ школяреви, а сей взявъ чытаты.

„Коханый мій брате, Васылю и, вы, мамо.

Кланяюсь до васъ на Риздво и виншую васъ на ци свята. Заколядувавъ бы вамъ колядку зъ кременалу, але боюся, що витерь мою коляду у лиси стратить тай пидъ ваши викна не прывіе“.

Стара мама обсыпалася слизмы, а Васыль мовчавъ.

„Тутъ арештанты якъ заколядують, то ажъ сырый муръ розсыпается, ажъ ржа изъ гративъ опадае. Якъ поведуть голосомъ, то ажъ дозорци наслушаютъ. А така коляда въ неволи сумна та страшна! А соби то я въ ночи геть чысто нагадавъ за коляду.

Якъ ще я хлопцемъ ходывъ колядуваты, якъ вы, мамо, мене у тата здволялы, абы пустылы у коляду, а потимъ якъ мы парубкамы вже ходылы изъ скрипкою колядуваты. Бувало, станемо якъ лисъ пидъ викномъ. Колядуемо, а скрипка плаче межы нами якъ дытына. Мы ще дужче, а скрипка ривно плаче и николы мы ии не могли переколядуваты. Отъ и теперь чую, якъ та скрипка плакала, такы осьде плаче...“

— Ой, сыну, сыну, то-то-сь диты осиротывъ, — шептала баба.

„Але годынамы, мамо, та такъ мени у цыхъ мурахъ страшно, що не годенъ я самъ на лижку лажаты тай иду до другого, бо умеръ бы. Якъ соби нагадаю за Настю, що вона черезъ мене пишла въ землю, тай мени диты на нивецъ осиротыла тай кровь живцемъ изъ сердца капае. А кризю диты выдко звизды. А я на ныхъ дывлюся якъ вони котре бильши та менчи за собою провадятъ. И почытую соби на вельку, що це Настя, а на мали, — що це Марійка заразь за нею, а це Иванко, а це Васылько...“

— Ой, сынку не беры ты соби такой велький тускъ до головы!—крыкнула баба, якъ бы отсе Федиръ говорывъ до неи, а не пысавъ.

„Тай все мени прывыжується похоронъ Настынъ. Йдете вы, йдутъ диты за деревыщемъ, йдутъ люде. А хоругвамы витерь носыть тай пытае: а чоловикъ цей жинкы де подився? А подерта хорогва йому все каже: въ Станислави, въ кременали!“

— Ой, замурувалы тебе, сыну, у неволи, — такъ зитхала баба.

„Я гадавъ, абы неправду корчуваты, а то вони

Лице зморщене, сини губы, сухи руки, сывый волосъ—отака баба.

— Ба, дядько Васыль идуть до насъ изъ Мыколю Семеновымъ, изъ тымъ, що въ школахъ винъ вчыться.

— Тикай изъ земли, бижы до бабы на пичь!

До хаты увійшовъ Васыль изъ школяремъ.

— А въ васъ, мамо, на печи Риздво? Виншую васъ щастямъ, здоровлямъ, абы вы ще прожылы межы намы, — виншувавъ сынъ мами тай цилувавъ въ руку.

— Ой, сынку, мени Риздво не въ голови! Я, ды-тынко, вси дни оплакую и свято и будень, — казала баба тай слёзы въ очахъ показались.

— А я прыйшовъ пысьмо видъ Федора прочыта. ~~Слово~~ вчора на пошти прыйшло. Семенивъ отъ прочытае.

— Та що прыпысуе, дужый винъ, чы слабуе?

Васыль вытягнувъ лысть зъ череса, подавъ школяреви, а сей взявъ чытаты.

„Коханый мій брате, Васылю и, вы, мамо.

Кланяюсь до васъ на Риздво и виншую васъ на ци свята. Заколядувавъ бы вамъ колядку зъ кремелу, але боюся, що витерь мою коляду у лиси стратить тай пидъ ваши викна не прывіе“.

Стара мама обсыпалася слизми, а Васыль мовчавъ.

„Туть арештанты якъ заколядують, то ажъ сырый муръ розсыпается, ажъ ржа изъ гративъ опадае. Якъ поведуть голосомъ, то ажъ дозорци наслушаютъ. А така коляда въ неволи сумна та страшна! А соби то я въ ночи геть чысто нагадавъ за коляду.

Якъ ще я хлопцемъ ходывъ колядуваты, якъ вы, мамо, мене у тата здволялы, абы пустылы у коляду, а потимъ якъ мы парубкамы вже ходылы изъ скрипкою колядуваты. Бувало, станемо якъ лисъ пидъ викномъ. Колядуемо, а скрипка плаче межы нами якъ дытына. Мы ще дужче, а скрипка ривно плаче и николы мы ии не могли переколядуваты. Отъ и теперь чую, якъ та скрипка плакала, такы осьде плаче...“

— Ой, сыну, сыну, то-то-сь диты осиротывъ, — шептала баба.

„Але годынамы, мамо, та такъ мени у цыхъ мурахъ страшно, що не годенъ я самъ на лижку лежаты тай иду до другого, бо умеръ бы. Якъ соби нагадаю за Настю, що вона черезъ мене пишла въ землю, тай мени диты на нивець осиротыла тай кровь живцемъ изъ сердца капае. А кризю диты выдко звизды. А я на ныхъ дывлюся якъ вони котре бильши та менчи за собою провадятъ. И почытую соби на вельку, що це Настя, а на мали, — що це Марійка заразы за нею, а це Иванко, а це Васылько...“

— Ой, сынку не беры ты соби такой велький тускъ до головы!—крыкнула баба, якъ бы отсе Федиръ говорывъ до неи, а не пысавъ.

„Тай все мени прывыжується похоронъ Настынъ. Йдете вы, йдутъ диты за деревыщемъ, йдутъ люде. А хоругвамы витерь носыть тай пытае: а чоловикъ цей жинкы де подився? А подерта хорогва йому все каже: въ Станислави, въ кременали!“

— Ой, замурувалы тебе, сыну, у неволи, — такъ зитхала баба.

„Я гадавъ, абы неправду корчуваты, а то вони

мене зъ коринемъ вырвалы, жинку вбылы, тай диты лышылыся на волю Божу. Кобы ты, брате Васылю, и вы, мамо, абы-сте за мои диты дбалы. Абы имъ голову у суботу змыты, а въ недилю билу сорочку абы даты. Абы воны чорни не ходылы, абы ихъ мужа не йила. А найдужче абы вы, мамо, на найменчу Марійку позиръ дали. Абы воно, маленьке, не слыныло сорочки та абы воно не плакало, бо слына у грудци вжырається. Знаете, що якъ сырота плаче, то вси ангелы плачуть...”

— Обчисую я твои диты що суботы тай сорочки имъ перу що тыжня тай пускаю стари сльозы за водою,—видповидала баба.

„А ты брате, Васылю, дбай за мои хлопци. Не пускай ихъ у мишку по дощеву ходыты, але ты имъ сардачынкы пошый. Навчы ихъ на розумъ, якъ бы й я, а не пусты по пидъ плоты. Зробы зъ ныхъ газдивъ тай наказуй, абы свого тата, тай маму не забувалы, бо ихъ тато не бувъ лайдакъ, але свое право трымавъ...”

— Ой, Федоре, не пустю я твои хлопци по пидъ чужи плоты, але навчу ихъ якъ ридни,—вже Васыль казавъ.

„А ту ныву пидъ ланомъ засійте пшеницею, бо то добра ныва, недавно гноена. Тай робить такъ, абы моимъ дитямъ кривды не було, бо я маю таку гадку, що видсы я вже не годень выйты. Тай прыпышить до мене геть за все, що ся дома діе?”

„Кланяюсь до тебе, брате, тай до васъ, мамо, тай до дитей моихъ. *Федиръ*”.

Баба ревно плакала, а обое дитей за нею.

— На-но тоби крейцарь, на-но, але не плачь. Отъ, чуешъ, що татко каже, абы-сь бабы слухавъ, абы-сь не пустувавъ.

Казавъ отсе Васыль до Иванка тай давъ йому новенький крейцарь.

Змістъ.

	СТР.
Ангель	3
Сама самиська	7
Сонъ	10
Басарабы	13
Озымына	26
Злодій	29
Сыня книжечка	38
Выводылы зъ села	41
Стратывся	44
Въ корчми	48
Лесева фамилія	52
Побожна	56
Вечирня година	60
Майстеръ	65
Мамынъ сынокъ	70
Катруся	75
Портретъ	82
Давнына	84
Вистуны	92
Май	96
Палій	102
Смерть	122
Кленовы лыскы	126
Похоронъ	138
Такый панокъ	141

	СТР.
Осень	148
Шкода	153
Новына	156
Каминный хрестъ	160
Засидання	177
Зъ мѣста йдучы	186
Святой вечеръ	194
Диты	199
Пидпысь	202
Ланъ	207
Лысть	209

СКЛАДЪ ВЪДАННЯ

ВЪ КНЫГАРНИ ЖУРНАЛА

„Кіевская Старина“.

Кіевъ, Безаковская, 14.

Тамъ-же продаются отси выпуски „Украинської бібліотеки“:

- 1—2. Шевченко. Повисти. Т. I. и II. К. 1901. Цина за томъ 40 к., на крашому папери 75 к.
3. Свидницький. Люборацьки. К. 1901. Цина 65 к. и 80 к.
4. Руданський. Творы. Т. I. К. 1902. Цина 50 к. и 75 к.
5. Крымський. Изъ повистоць и ескизивъ. Звеныгородка. 1904. Ц. 50 к.
- 6—7. Марко Вовчокъ. Народни оповидання. Т. I. и II. К. 1902. Цина за томъ 50 к., на крашому папери 75 к.
8. Крымський, А. Пальмове гилля. Звеныгор 1902. Цина 50 к.
9. Чернявський, М. Зори, поезіи. К. 1903. Цина 65 к. и 85 к.
10. Бордулякъ, Т. Оповидання. К. 1903. Ц. 75 к. и 1 р. 25 к.
- 11—12. Франко, Изъ. Збирныкъ творивъ. Т. I. и II. Въ поти чола. К. 1903 г. Цина за томъ 65 к. и 85 к.
13. Грушевський, М. Оповидання. К. 1904. Цина 35 к. и 65 к.
14. Глибивъ, Л. Творы. К. 1904. Цина 75 к. и 1 р. 25 к.
15. Франко, Ив. Збирныкъ творивъ Т. III. Борыславськи оповидання. К. 1905. Ц. 65 к. и 85 к.

ВЪ ГАРНЫХЪ ПАЛІТУРКАХЪ УСИ ЦИ КНЫЖКЫ—
НА 75 КОП. ДОРОЖЧЕ.

B-276

На вичну пам'ять Котляревському. Літературний збірникъ зъ портретомъ К-ого и малюнками. К. 1904. Цина 3 р. 50 к. въ оправи 4 р. 50 к.

Викъ. Збирникъ. Т. I. Украинська поезія. Т. II. и III—проза. К. 1902. Цина кожного тому 2 р., на веленовому папери 3 р. на слономому 4 р.

Твори И. С. Левицького. Т. I—Повисти и оповидання. Ц. 1 р. 50 к. Т. II—Старосвітські батюшки та матушки. Т. III—Прычепи. Цина кожного тому 1 р. 50 к., на веленовому папери 2 р.

Літературний збирникъ на споминъ про Ол. Кониського. К. 1903. Цина 2 р.

Мърный, П. Перша кнѣжка творивъ. К. 1903. Цина 1 р. 25 к. и 1 р. 75 к.

Коцюбинський, М. Оповидання. Т. I. К. 1903. Ц. 1 р. 50 к. и 2 р. Гринченко, Б. Писання. Т. I. К. 1903. Т. II. К. 1905. Ц. по 1 р. 50 к. и 2 р.

Твори Кониського-Перебенди. Т. I и II—по 50 к., т. III—1 р., на веленовому папери 1 р. 50 к., т. IV—80 к.

Кобзарь, Т. Г. Шевченка. К. 1901. Ц. 35 к., 50 к. и 1 р. 50 к.

Гринченко, Б. Драмы и комедіи. Черн. 1902. Цина 1 р. 50 к.

Корифеи украинской сцены. К. 1901. Ц. 65 к.

Лыстовни карткы зъ портретами украинськихъ письменныкивъ. Цина за кожну—5 к.

„Веселка“—одрывный календарь на р. 1905. Цина 60 к.

Тамъ же можна достаты и вси инши кнѣжки, украинською мовою писани.

Цина 70 коп., на кращому папери 85 коп.

B-2766

3480-13

В 2.766

Хронолог. К. Е. БЕЛИКОВСКАГО 1918